

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

46
2022
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (441) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Владимир Евграфович Татлин* (1885–1953), мастер художественного эксперимента, создатель авангардных работ в разных стилях и необычных ходов для оформления спектаклей. Изобретатель и конструктор памятника Третьему интернационалу — знаменитой башни Татлина.

Владимир Татлин родился в Москве. Мать умерла, когда мальчику было четыре года. Вскоре отец женился вновь, и семья переехала в Харьков. Владимир с детства хорошо рисовал и, поступив в реальное училище, начал изучать основы рисунка и живописи. Отношения с мачехой у него не сложились, и в 13 лет подросток сбежал из дома. Он нанялся юнгой на пароход, плывущий в Стамбул.

В Москву Владимир Татлин вернулся, когда ему исполнилось 17 лет. Здесь он поступил в училище живописи, ваяния и зодчества. Авторитет педагогов — известных русских живописцев Константина Коровина и Валентина Серова — ничего не значил для него. В 1903 году за плохую успеваемость и плохое поведение Татлина отчислили. Он поступил в Одесское морское училище. Свой мореплавательный опыт художник позже воплотил в своих акварельных композициях.

Вернувшись из очередного морского плавания в 1905 году, Татлин отправился в Пензу: он вновь поступил в художественное училище. Летние каникулы он проводил в Москве, где познакомился с молодым художником-авангардистом Михаилом Ларионовым.

Благодаря ему Татлин стал посещать собрания художников творческих объединений, а также встречи поэтов-футуристов: братьев Бурлюков, Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского. Они провозглашали отказ от старых ценностей, эпатируя публику стихами и скандальными театральными постановками.

В начале 1914 года Владимир Татлин отправился в Берлин, затем в Париж: он мечтал познакомиться здесь с Пикассо и изучить его работы. О том, как Татлин попал в дом знаменитого мастера, доподлинно неизвестно. Существует предположение, что встречу помог организовать Марк Шагал. По другой версии, Татлин незаконно проник в дом Пикассо одним из поздних вечеров. Молодой художник застал Пикассо за работой и был настолько потрясен его техникой, что до конца дней считал его своим учителем.

После заграничной поездки Татлин понял, что в изобразительном искусстве уже произошла революция. Теперь в его основе — материал, объем и конструкция. Эти три понятия объединялись в одно художественное направление — конструктивизм. Татлин начал работать над собственным произведением в новом стиле — контррельефом. Он представлял собой абстрактную объемно-пространственную композицию из меди, железа и дерева.

Впервые Татлин представил «Угловой контррельеф» на выставке 1914 года. Проект вызвал ярость консерваторов, но стал настоящей сенсацией среди коллег. Вскоре вслед за Татлиным

начали экспериментировать и другие передовые художники того времени.

Революцию 1917 года Владимир Татлин принял с восторгом. Он стал председателем художественной коллегии Наркомпроса, а затем — отдела материальной культуры. В 1919 году отдел изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению поручил Татлину создать проект памятника Третьему интернационалу. И художник немедленно приступил к заданию.

Внешне памятник напоминал башню. Несущую конструкцию архитектор вынес наружу, а функциональные помещения из стекла подвесил внутри нее один над другим: куб, пирамиду, цилиндр и полусферу. Башня стала одним из важных символов нового искусства и визитной карточкой конструктивизма.

Однако проект башни воплотился лишь в макете из дерева и металла. В конце 1920 года художник представил его на VIII съезде Советов. Руководители страны башню не оценили: Троцкому она напомнила каркас недостроенного здания, а Ленин назвал ее уродливой.

В 1925 году макет Татлина отправили на Всемирную выставку искусства в Париже. Башня произвела там настоящий фурор. Осознание, что его башня так и останется макетом, разрушило все надежды архитектора. Он стал вспыльчивым и неуравновешенным: однажды сломал дверь в музей и с кулаками накинулся на Казимира Малевича. Свои идеи Татлин берег с маниакальной бдительностью: он забил окна мастерской фанерой и никого не выпускал.

Параллельно Татлин преподавал в учебных заведениях Москвы, Петрограда, Киева и Харькова.

В 1929 году Владимир Татлин начал работу над новым проектом — летательным аппаратом. В своей мастерской в колокольне Новодевичьего монастыря Татлин изучал чертежи да Винчи и препарировал птиц.

Работа над махолетом заняла четыре года. Татлинская конструкция-птица была выполнена из гнутого дерева, тканевых бинтов, алюминия и кожи. У нее был 10-метровый размах крыльев. Аппарат должны были опробовать под Звенигородом, но при транспортировке птице повредили крыло. Месяц спустя аппарат подвесили под потолком Московского музея изобразительных искусств. Поэт Велимир Хлебников назвал конструкцию «летатлином».

В 1932 году состоялась первая и последняя персональная выставка Татлина. Под руководством Сталина советское искусство пошло по пути соцреализма, и Татлин остался не у дел. «Это художник, умерший за 20 лет до своей смерти», — позже писали о нем.

Владимир Татлин умер у себя в мастерской 31 мая 1953 года. Художника кремировали и похоронили в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ионина Е. Д.

Рекламный рынок в условиях неопределенности..... 243

Кантор И. В.

Преимущества и недостатки упрощенной системы налогообложения..... 245

Карцева Д. Ю.

Развитие банковского права в России с древних времен и до конца XIX века 246

Кирилова И. А., Мосина А. А.

Этический кодекс как инструмент регулирования конфликта интересов..... 248

Клевцова К. Ф.

Перспективы развития института компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве 251

Клевцова К. Ф.

Гражданский иск о компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства: актуальные проблемы предъявления и рассмотрения..... 253

Климова О. С.

Теоретические аспекты договора на оказание медицинских услуг: понятие, сущность и формы 256

Кожевникова Е. В.

Практика реализации института местного референдума в Российской Федерации 257

Кожевникова Е. В.

Некоторые проблемные вопросы в реализации права граждан на местный референдум..... 261

Конахина А. Б.

Совершенствование внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы 263

Кравченко А. В.

Семейно-бытовая преступность: факты и реалии 267

Кравченко А. В.

Семейное неблагополучие как условие формирования личности преступника..... 271

Красильникова А. С.

Понятие и виды преступлений в сфере экономической деятельности..... 273

Ксьонжик А. В.

Становление системы наказаний в российском уголовном законодательстве..... 276

Кусьминов Е. В.

Формирование обязательных резервов по кредитным операциям российских банков. 280

Лифинцева И. С.

Экспертиза как средство доказывания по уголовному делу 282

Ломоносов А. Н.

Взаимосвязь юридических фактов, правовых норм и правоотношений..... 284

Миннебаева Г. А.

Реализация принципа разумного срока при рассмотрении уголовных дел в Верховном Суде Республики Башкортостан 285

Миннебаева Г. А.

Право на судебную защиту в уголовном процессе России..... 287

Накостоев Р. Р., Гринев В. А.

Место личного обыска в системе следственных действий..... 290

Наумова Е. А. Гражданско-правовое регулирование контрактной системы в РФ 292	Полинкевич В. В. Обзор особенностей тактики допроса свидетелей в ходе расследования в современных условиях 303
Нестеренко А. В., Яловой О. А. К вопросу об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе и правовом регулировании 294	Проулочнова И. Д. Особенности расследования заражения другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей..... 305
Новиков А. В. Об особенностях проведения контрольных (надзорных) мероприятий в 2022 году 296	Пузанкова И. В. Правовой анализ информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации 307
Петровская Е. В. Проведение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью при необходимости решения вопроса по передаче доли 298	Решетова Е. А. Основные требования режима отбывания наказания в исправительных учреждениях 312
Петухов Д. Ю. Проблема обеспечения достоверности ЕГРН и защиты добросовестного приобретателя недвижимого имущества 301	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рекламный рынок в условиях неопределенности

Ионина Елизавета Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В современных реалиях рынок рекламы и маркетинговых услуг претерпевает большие изменения, как и другие социально-значимые сферы общества. Ежедневно вносятся правки в законопроекты, связанные с регулированием рекламной сферы. Также, социально-экономическая повестка ежедневно меняется, в связи с чем, предпринимателям и организациям необходимо следить за всеми изменениями в законодательстве, касающимися их деятельности напрямую или косвенно.

Кроме того, для того чтобы осуществлять свою деятельность непрерывно, требуется навык адаптации под новые условия, а также навык прогноза изменений в социально-экономической сфере страны.

Ключевые слова: рынок рекламы, маркетинговые услуги, рекламная деятельность, Российская Федерация.

Рекламный рынок в 2022 году переживает колоссальные изменения. Часть налаженных рекламных каналов становится недоступна, часть подвергается дополнительным ограничениям, развиваются новые рекламные кампании. Привычные маркетинговые стратегии теряют свою актуальность, им на смену приходят новые тенденции.

Глобальные изменения в экономике страны бросают вызов юристам, которым нужно учитывать малейшие изменения в законодательстве о рекламе, интеллектуальной собственности и персональных данных, отслеживать новую практику ФАС и судов и искать баланс между строгим следованием законодательным ограничениям и успешностью новых рекламных технологий.

Рассмотрим яркий пример современного времени, когда Тверской районный суд г. Москвы по делу № 02-2473/2022 удовлетворил иск Генеральной прокуратуры и запретил деятельность социальных сетей Facebook и Instagram, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., признав их экстремистскими.

Прецедентом послужило решение Тверского районного суда г. Москвы по делу № 02-2473/2022, по которому размещение на рекламной конструкции указания официальной страницы в социальной сети Instagram не является нарушением закона о рекламе.

Новые поправки к закону «О рекламе» вступили в силу 1 сентября 2022 года. Согласно данным поправкам, будет создана единая система учета всей рекламы в интернете путем обязанности маркировать каждое объявление.

С этой даты отдельные организации и лица физические, которые на законодательном уровне называются как «рекламодатели, рекламодатели, опера-

торы рекламных систем и операторы рекламных данных», обязаны передавать данные о рекламных кампаниях в интернете в единую систему учета.

Следует информацию предоставлять о рекламодателе и всех посредниках, задействованных в цепочке на момент размещения рекламы.

Однако, в законе пока нет четкого определения обязанностей у каждого участника схемы. Предполагается, что участники схемы должны договориться об этом между собой. Один человек может передавать информацию по всему контракту, если он обладает такими должностными обязанностями и всем объемом данных.

Данные изменения в законодательстве будут затруднительны к исполнению и контролю за ними, так как рынок рекламы переполнен и количество рекламных размещений меняется ежедневно, весь объем информации передавать в единую систему учета, скорее всего, только замедлит развитие данной отрасли.

На сегодняшний день в Российской Федерации регулирование рекламной деятельности основывается в основном на действиях Федеральной антимонопольной службы и растущем влиянии саморегулируемых организаций и частных лиц. Для защиты своих прав потребители иногда полагаются не только на федеральный антимонопольный орган, но и на общественных объединений, которые уже сейчас набирают значительную роль в регулировании рекламы. Роль системы саморегулирования на рынке рекламы становится все более очевидной, включая органы саморегулирования, созданные самими предприятиями и принципы рекламной деятельности, созданные самими предприятиями. Субъекты рекламного бизнеса активно участвуют в национальном регулиро-

вании рекламной деятельности и пытаются влиять на общественное мнение и принятие политических решений в рекламном секторе.

Существует практика, когда сами субъекты Российской Федерации опубликовывают нормативные акты, регулирующие сферу рекламной деятельности в конкретном регионе.

Так, Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело, по которому был отменен нормативно-правовой акт, касающийся рекламной деятельности, принятый на местах.

В Кемеровской области была законодательно запрещена реклама алкогольных напитков и табачных изделий в средствах массовой информации. Запрет этот был отменен Определением Верховного Суда от 26 декабря 2007 г. по делу № 3-201/07, в связи с тем, что оспариваемое Постановление Законодательного собрания Кемеровской области от 11.07.1994 г. № 1-ОП «О рекламе» по своему содержанию не соответствует федеральному законодательству [1, с. 2].

Отдельное рассмотрение требует правовое регулирование рекламы и товаров, реализуемых дистанционным способом, что обусловлено необходимостью правовой защиты потребителей.

В Правилах дистанционной торговли, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 регулируются отношения между покупателем и продавцом при продаже товаров дистанционным способом и оказании в связи с такой продажей услуг [2, с. 10].

Дистанционная торговля — это договорные отношения между потребителем и продавцом, при которых товар поступает получателю посредством транспортировки.

В 2020 году и 2021 году, несмотря на режим повышенной готовности и самоизоляцию в некоторых регионах страны, в целях предупреждения распространения на территории страны новой коронавирусной инфекции, для Интернет-магазинов и служб доставки были пре-

доставлены большие возможности для осуществления их деятельности без ограничений. При этом, каждая организация обязана действовать в соответствии с подтвержденным видом деятельности ОКВЭД.

Из-за ограничений в передвижении, случаи доставки товаров являлись одним из главных способов их приобретения, что обуславливает потребность в развитии системной правовой регламентации.

На региональном уровне аналогичные правила были введены, например, в соответствии с Указом мэра Москвы от 05 марта 2020 № 12-УМ, в соответствии с которым «необходимо приостановить работу объектов розничной торговли, за исключением аптек и аптечных пунктов, специализированных объектов розничной торговли, в которых осуществляется заключение договоров на оказание услуг связи и реализация связанных с данными услугами средств связи (в том числе мобильных телефонов, планшетов), специализированных объектов розничной торговли, реализующих зоотовары, а также объектов розничной торговли в части реализации продовольственных товаров и (или) непродовольственных товаров первой необходимости, указанных в приложении 1 к настоящему указу, продажи товаров дистанционным способом, в том числе с условием доставки» [3, с. 15].

Таким образом, рекламодателям и рекламодателям необходимо учитывать и предвещать любые изменения в законодательстве страны, в которой они осуществляют свою деятельность. Внесение правок в нормативно-правовые акты, регулирующие маркетинговую деятельность может повлечь за собой передел всей системы работы сферы. Умение работать в условиях неопределенности является значимым фактором при приеме на работу новых кадров, ведь не все общество готово идти в ногу со временем и продолжать свою деятельность не смотря на значимые изменения в методах работы, к которым привыкли.

Литература:

1. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006г № 38-ФЗ//Российская газета. 2006. 15 марта.
2. Об организациях, обеспечивающих население продуктами питания и товарами первой необходимости в период нерабочих дней, установленных Указом Президента, и утверждении рекомендуемого Перечня непродовольственных товаров первой необходимости: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 762-р (ред. от 18.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определением Верховного Суда от 26 декабря 2007 г. по делу № 3-201/07. Собрание законодательства.

Преимущества и недостатки упрощенной системы налогообложения

Кантор Ирина Васильевна, студент магистратуры
Ступинский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье раскрываются преимущества и недостатки упрощенной системы налогообложения.

Ключевые слова: упрощенная система налогообложения, специальный налоговый режим, доходы, расходы, субъекты малого и среднего предпринимательства.

Упрощенная система налогообложения применяется в России сравнительно недавно. Данный специальный налоговый режим создан для применения его малым и средним предпринимательством, так как именно данная категория налогоплательщиков в большей мере способствует росту экономики страны.

Упрощенная система налогообложения применяется только налогоплательщиками-организациями и индивидуальными предпринимателями.

Основными нормативными актами, регулирующими упрощенную систему налогообложения в Московской области, являются:

— Глава 26.2 Налогового Кодекса Российской Федерации «Упрощенная система налогообложения»;

— Закон Московской области от 12 февраля 2009 г. N 9/2009-ОЗ «О ставках налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения» (принят постановлением Московской областной Думы

— от 5 февраля 2009 г. N 2/68-П).

Основными преимуществами упрощенной системы налогообложения, как специального налогового режима, по сравнению с общей системой налогообложения, являются следующие нормы права:

1. Согласно п. 2 ст. 346.11 Налогового Кодекса РФ (далее — НК РФ) [1] применение упрощенной системы налогообложения организациями предусматривает их освобождение от обязанности по уплате налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций (за исключением налога, уплачиваемого в отношении объектов недвижимого имущества, налоговая база по которым определяется как их кадастровая стоимость в соответствии с НК РФ). Организации, применяющие упрощенную систему налогообложения, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость.

2. Согласно п. 3 ст. 346.11 НК РФ применение упрощенной системы налогообложения индивидуальными предпринимателями предусматривает их освобождение от обязанности по уплате налога на доходы физических лиц, налога на имущество физических лиц (в отношении имущества, используемого для предпринимательской деятельности), индивидуальные предприниматели, применяющие упрощенную систему налогообложения, не признаются налогоплательщиками налога на добавленную стоимость.

Далее разберем преимущества и недостатки упрощенной системы налогообложения по статьям главы 26.2 НК РФ, регулирующей данный налоговый режим:

1. Согласно п. 1 ст. 346.17 НК РФ датой получения доходов признается день поступления денежных средств на расчетные счета в банках и кассу, а также погашения задолженности налогоплательщику иным способом.

Недостатки: предприниматели обязаны платить налог с авансов, не получив еще прибыль, в отличие от предпринимателей, применяющих общую систему налогообложения (метод начисления).

2. Согласно п. 1 ст. 346.16 НК РФ при определении объекта налогообложения налогоплательщик уменьшает полученные доходы на поименованные в данной статье расходы. Минфин России в письмах от 23.03.2017 N 03-11-11/16982, от 13.02.2013 N 03-11-06/2/3694, от 20.12.2012 N 03-11-06/2/147 разъяснил, что расходы, не поименованные в п. 1 ст. 346.16 НК РФ, не учитываются при определении налоговой базы при УСН.

Недостатки: закрытый перечень расходов, поименованный в п. 1 ст. 346.16 НК РФ, не дает возможности учесть в расходы затраты и убытки, которые можно учесть при налогообложении прибыли, в частности:

- представительские расходы;
- стоимость информационных и консультационных услуг;
- потери от брака;
- санкции за нарушение долговых и договорных обязательств;
- расходы на подбор персонала;
- затраты на личное добровольное страхование работников;
- списание безнадежных долгов;
- убытки прошлых лет, обнаруженные в отчетном периоде.

3. Согласно пп. 1 п. 1 ст. 346.16 НК РФ при определении объекта налогообложения налогоплательщик уменьшает полученные доходы на расходы на приобретение основных средств (с учетом положений п. 3 и 4 ст. 346.16 НК РФ).

Преимущества: расходы на приобретение основных средств отражаются в расходах в том налоговом периоде, в котором основные средства поставлены на учет и оплачены, в отличие от общей системы налогообложения, где сумма амортизации отражается в расходах в зависимости от срока полезного действия амортизируемого имуще-

ства. Следовательно, налоговая нагрузка по налогу уменьшается уже в настоящем налоговом периоде, а не распространяется на будущие налоговые периоды.

4. Согласно п. 6 ст. 346.18 НК РФ, в случае, если у налогоплательщика сумма исчисленного в общем порядке налога меньше суммы исчисленного минимального налога, который равен 1% налоговой базы, которой являются доходы, определяемые в соответствии со ст. 346.15 НК РФ, то он должен заплатить минимальный налог.

Недостатки: уплата обязательного минимального налога при отсутствии прибыли.

5. В соответствии со ст. 346.23 НК РФ налоговая декларация по УСН представляется 1 раз в год.

Преимущества: сокращение налоговой документации.

6. Согласно п. 2 ст. 346.12 НК РФ организация имеет право перейти на упрощенную систему налогообложения, если по итогам девяти месяцев того года, в котором организация подает уведомление о переходе на упрощенную систему налогообложения, доходы, определяемые в соответствии со статьей 248 НК РФ, не превысили 112,5 млн. рублей.

Недостатки: не каждая организация может себе позволить перейти на упрощенную систему налогообложения, ограниченная лимитом по доходам.

7. В п. 3 ст. 346.12 НК РФ перечислены налогоплательщики, которые не имеют права применять упрощенную систему налогообложения.

Недостатки: не каждый налогоплательщик имеет право применять упрощенную систему налогообложения.

8. Согласно п. 4 ст. 346.13 НК РФ, если по итогам налогового или отчетного периода доходы налогоплательщика, определяемые в соответствии со ст. 346.15 и с пп. 1 и 3 п. 1 ст. 346.25 НК РФ, превысили 200 млн. рублей, и (или) в течение налогового или отчетного периода допущено несоответствие требованиям, установленным пп. 1-11, 13, 14 и 16-21 п. 3 и п. 3 ст. 346.14 НК РФ, и (или) средняя численность работников налогоплательщика превысила ограничение, установленное пп. 15 п. 3 ст. 346.12 НК РФ, более чем на 30 человек, такой налогоплательщик считается утратившим право на применение упрощенной системы налогообложения с начала того квартала, в котором допущены указанные превышения доходов налогоплательщика и (или) средней численности его работников и (или) несоответствие указанным требованиям.

Недостатки: утрата права применения упрощенной системы налогообложения.

Проанализировав статьи НК РФ, регулирующие упрощенную систему налогообложения, мы видим, что у нее больше недостатков, чем преимуществ.

Поэтому, выбирая систему налогообложения, предприниматель должен просчитать все налоговые риски и провести сравнительный анализ ряда сопоставимых показателей по каждому из режимов.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
2. Закон Московской области от 12 февраля 2009 г. N 9/2009-ОЗ «О ставках налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения» (принят постановлением Московской областной Думы от 5 февраля 2009 г. N 2/68-П).
3. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 13 февраля 2013 г. N 03-11-06/2/3694.
4. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина РФ от 20 декабря 2012 г. N 03-11-06/2/147.
5. Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 23 марта 2017 г. N 03-11-11/16982.

Развитие банковского права в России с древних времен и до конца XIX века

Карцева Дарья Юрьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Процесс возникновения и развития банковского права тесно связан с процессом возникновения и развития банковских отношений, который в каждом государстве индивидуален и отличается самобытностью в силу особенностей экономических и политических условий, существовавших в определенные периоды внутри конкретного государства и между странами.

В древние времена словом «банк» называли столы или скамьи, на которых раскладывали монеты менялы,

совершались обменные операции, в редких случаях выдавались заемные средства [4, с. 155]. Однако в те времена о регулирование данных отношений на законодательном уровне не осуществлялось.

Законодательство, регулирующее деятельность, которая в настоящее время называется банковской, начало формироваться с того момента, как сложился регулярный денежный оборот. В научной литературе основными предпосылками возникновения банковских отношений

называют переход от натурального обмена к денежным формам расчета, а также развитие внутреннего и внешнего торгового оборота. У населения и юридических лиц стали образовываться свободные денежные средства, в связи с чем возникла необходимость их аккумуляции и дальнейшего перераспределения. Для удовлетворения данных потребностей сложилась система приема вкладов и выдачи займов. Подобные отношения требовали их урегулирования, «облачения» в правовую форму, что и явилось началом создания и развития нормативной правовой базы деятельности банковской деятельности [8, с. 12-13].

Первые банки («деловые дома») появились в глубокой древности на Ближнем Востоке. Конечно, их нельзя сравнивать с теми банками, которые существуют сегодня. Вместе с тем уже в VII-VI вв. до н. э. «деловые дома» стали выполнять такие операции, которые в современном мире называются банковскими. В их числе были: прием и выдача вкладов, учет векселей, оплата чеков, некоторые виды кредитных операций [2, с. 62-63].

Следует отметить, что изначально банковская система возникла как неотъемлемая экономическая структура в относительно развитых странах. При этом банковская деятельность находилась преимущественно в ведении церковных учреждений. Например, в Риме и Древней Греции хранением свободных денежных средств граждан и выдачей ссуд занимались многие храмы. Аналогично и в средневековой Европе такая деятельность была отдана на откуп монастырям. Несмотря на то, что храмы и монастыри занимались коммерческой деятельностью, не относящейся к сфере отправления религиозных обрядов, священнослужители подчинялись в большей степени праву каноническому, чем светскому, что объясняет медленные темпы развития последнего. Единственным свидетельством нормативного регулирования отношений в банковской сфере того времени считается закон, принятый в Дельфах, в котором закреплялся максимальный процент по займу у частных лиц и ассоциаций [8, с. 13-14].

Что касается России, то здесь кредитные отношения возникли позднее, чем в восточных и западных странах. Между тем, наличие кредитных отношений в Киевской Руси в XII в. находит свое подтверждение в тексте Русской Правды. Так, например, в ст. 50 пространной редакции Русской Правды говорилось о проценте, который уплачивался на деньги, мед или зерно, данные в качестве займа другому лицу [7, с. 67]. В ст. 53 ограничивался размер процентов, которые мог взять кредитор по договору долгосрочного займа: если размер процентов по договору долгосрочного займа составлял 50% от суммы долга и кредитор уже дважды получил по их (т.е. получил 100% суммы долга), то он больше не вправе требовать от должника уплаты процентов, но за ним сохраняется право на получение суммы долга обратно; если же кредитор получил проценты трижды (т.е. 150% от данных в долг денег), то должник считался погасившим задолженность в полном объеме и свободным от долга [7, с. 101-102].

Анализ обозначенных выше положений законодательства позволяет отметить, что регулирование кредитных отношений в Древней Руси начало зарождаться, но к банковскому праву эти нормы отнести достаточно сложно, поскольку речь шла о частных лицах и только об одном виде операции — заем.

Возникновение банковского дела современного типа связываются со средневековой Италией. В этой стране в силу ее удачного географического расположения успешно развивались торговые отношения, которые, в свою очередь, связаны со значительными оборотами товаров и денег. Как отмечалось выше, именно высокие темпы развития товарно-денежных отношений — основная предпосылка становления института профессиональных посредников между теми, у кого есть свободные денежные средства и теми, кто в таких средствах нуждается для развития промысла. В результате уже в 1407-1408 гг. в Италии (Генуе) был создан первый публичный банк — Банк Святого Георгия, который принимал вклады, выдавал кредиты, проводил вексельные и иные операции. В последующее столетие в Италии было создано также несколько муниципальных банков, которые, помимо кредитования, стали заниматься и безналичными расчетами между клиентами путем перечисления денежных сумм с одного счета на другой [1, с. 8].

Во второй половине XVII в. современные формы кредитных отношений стали применяться во всей Западной Европе и с этого времени уже можно наблюдать создание национальных банковских систем [8, с. 15]. В России же банковская деятельность системно начала разворачиваться несколько позднее — в первой половине XVIII в., причем инициатива исходила от царской власти. Так, по царскому приказу Анны Иоанновны в период ее пребывания на престоле была открыта «Монетная контора», выдававшая кредиты, обеспеченные золотом и серебром, под 8% годовых.

В 1754 г. Елизаветой Петровной были учреждены первые Дворянские Заемные Банки, которые занимались выдачей ссуд дворянам под залог их имущества. Начиная с 1766 г. эти банки стали выдавать ссуды крестьянам под 6% годовых. Примерно в тот же период учрежден Купеческий Банк, основная деятельность которого сводилась к кредитованию торговцев; были открыты Медный Банк, Банковские конторы вексельного производства и иные кредитные организации.

Развитием банковского сектора в России занималась и Екатерина II, во время царствования которой были созданы Ассигнационные банки, вводившие в оборот бумажные деньги (1769 г.). В 1796 г. был учрежден Государственный Заемный Банк, занимавшийся долгосрочным кредитованием землевладельцев дворянского сословия.

Несмотря на активное становление банковской деятельности в России на протяжении XVIII в., специальное правовое регулирование подобных отношений отсутствовало. Порядок осуществления отдельных банковских операций можно было найти в нормах торгового права.

И только с приходом к власти Александра I началось создание единой правовой базы для всех кредитных учреждений. В стране был специально учрежден Совет государственных кредитных установлений, в полномочия которого входило издание нормативных источников, регулирующих банковскую деятельность [8, с. 32].

На протяжении всего XIX в. банковский сектор в России продолжал развиваться. К концу столетия в стране насчитывалось 511 частных, общественных и государственных кредитных учреждений, а также 461 отделение [6, с. 58]. Количественный рост банков, конечно же, не означал улучшение качества их работы. Многие банки стали заниматься спекулятивными операциями, что привело к их ликвидации при том в отсутствие какого-либо законодательства, позволяющего бороться с подобными явлениями.

В 1872 г. законодательно введен запрет на учреждение новых кредитных организаций, в тех городах, где уже действовал хотя бы один акционерный банк [3, с. 364]. В это же время ужесточен порядок деятельности банков

и утверждения их уставов, что способствовало снижению чрезмерной конкуренции на рынке банковских услуг [5, с. 43]. Активное развитие банковской системы продолжилось и было успешным вплоть до 1917 г.

Подводя итог изложенному, необходимо подчеркнуть, что период с древних времен и до конца XIX века — время зарождения, становления и активного развития банковских отношений. Однако нельзя сказать то же и о банковском законодательстве, поскольку самостоятельные правовые акты, регулирующие кредитно-денежные отношения, длительное время не принимались. Банковское право в этот период являлось частью права торгового (предпринимательского). Только в начале XVIII в. стали издаваться первые нормативные документы, регулирующие банковский сектор. Между тем, говорить о существовании в тот период целой системы источников права, которые можно было бы назвать самостоятельной отраслью, не приходится. Полноценное развитие банковское право получило уже в более поздний период.

Литература:

1. Авдийский, В. И. Роль государства и права в становлении и развитии банковской системы: исторический опыт Западной Европы и России. М.: Крипто-логос, 2003. 143 с.
2. Вартапетян, В. А. Зарождение банковского дела в Древнем мире // Банковское право. 2006. № 3. с. 62-64.
3. Гиндин, И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 годы). М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.
4. Долгих, Н. В. История возникновения банковского права как кредитно-банковской системы (с античности и до конца XVIII века) // Science Time. 2015. № 3 (15). с. 155-161.
5. Иволина, Е. В. Кредитная система в эпоху Великих реформ (1859 г. — начало 1914 г.) // Предпринимательское право. 2010. № 2. с. 41-46.
6. Олимпиев, А. Ю., Сидорова М. А. Ответственность за правонарушения в кредитно-банковской сфере в России: дореволюционный период // Административное и муниципальное право. 2012. № 8. с. 56-65.
7. Российское законодательство X-XX веков. В 9 томах. Том 1: Законодательство Древней Руси/под ред. докт. юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
8. Ручкин, Р. О. Правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 196 с.

Этический кодекс как инструмент регулирования конфликта интересов

Кирилова Ирина Александровна, начальник отдела привлечения и поддержки иностранных обучающихся
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Мосина Арина Александровна, юристконсульт
ПАО завод «Красное знамя» (г. Рязань)

В данной статье хотелось проанализировать правовую природу этических кодексов, их общность и отличия, раскрыть понятие конфликта интересов и влияние этического кодекса на конфликт интересов, а также с учетом многогранности кодексов этики осуществить попытку определить основное их предназначение и место в общей правовой системе.

Этические кодексы уже давно не являются отличительной чертой крупных холдингов, организаций и внедрены в корпоративное управление многих российских компаний. Именно кодексы или другие аналогичные по объему документы регулирования устанавливают основополагающие принципы урегулирования конфликта интересов на уровне конкретного юридического лица.

Как правило, кодекс обязывает работника избегать неправомерного поведения не только в состоянии конфликта интересов, а также сообщать своему руководителю или специальному органу (например, комиссии по корпоративной этике) обо всех случаях наличия конфликта интересов или подозрения на его наличие.

Для более полного раскрытия данной темы необходимо определиться со следующими понятиями. В правовой среде очень часто используется такое неправомерное понятие, как этика. Из большей части определений, предлагаемых различными словарями, можно сделать вывод, что этика представляет собой «философское учение о морали и нравственности». А в свою очередь, мораль можно определить, как совокупность универсальных правил и норм поведения, которыми руководствуются люди в своей жизни. Нравственность же — это оценка, способности и свойства характера человека и его поведение [5; 6].

Принято выделять несколько направлений этических знаний: религиозная, социально-историческая, профессиональная и натуралистическая этика.

Для настоящей статьи интерес будет представлять только профессиональная этика, поскольку, я думаю, именно на ней базируются концепции существующих этических кодексов.

Профессиональная этика — это совокупность правил поведения определенной группы, объединенной корпоративными интересами, обеспечивающая нравственный характер взаимоотношений, обусловленных или сопряженных с профессиональной деятельностью [7].

Таким образом, кодекс этики той или иной профессиональной группы должен определять правила поведения и взаимоотношений в профессиональной деятельности, обеспечивающие определенные нравственные стандарты к профессиональному долгу.

Сегодня в Российской Федерации нет недостатка в таких кодексах. Большая часть государственных органов и организаций еще в начале 2000-х гг. задумались об этическом облике своих сотрудников. Их принятие было обусловлено требованием подп. «и» п. 2 Указа Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Со временем этическое поведение служащих в разных сферах было решено унифицировать Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.).

Часто правила, изложенные в кодексах этики, содержат требования, выходящие за рамки возможного регулирования отношений в области осуществления профессиональной деятельности, а их несоблюдение часто влечет последствия ограничения различных прав лица на труд (например, установление правил внеслужебного поведения, требований к внешнему виду (одежде, макияжу

и украшениям), порядка взаимодействия с коллегами и т. п.).

В основе данных требований, очевидно, лежат морально-этические категории из сферы производственной психологии, которые законом по понятным причинам не могут квалифицироваться дисциплинарным проступком, влекущим высшую меру дисциплинарной ответственности, но через этические кодексы они трансформируются в таковые, более того, получают судебную защиту. Все это с учетом наличия в специальных законах, регулирующих деятельность государственных органов и профессиональных сообществ, отдельного перечня предусмотренных норм и дисциплинарной ответственности (для прокуроров) и положений, устанавливающих основания для приостановления и прекращения полномочий (для судей, адвокатов, нотариусов), приобретает характер дополнительной ответственности, накладываемой в произвольном порядке.

В целом, оценивая содержание кодексов этики профессиональных сообществ, многие авторы отмечают, что все они страдают размытостью в содержании и непредсказуемостью, связанной с соотношением дисциплинарного проступка и авторитета службы: невозможно заранее предвидеть, какие действия (бездействие) подпадут под эту категорию и могут служить основанием лишения особого статуса лица, их совершившего, что в результате остается на исключительном усмотрении вышестоящего должностного лица или правоприменителя.

Говоря о таком универсальном для всех этических кодексов основании, как совершение проступка, умаляющего авторитет органа (порочащего честь службы) общества или юридического лица, необходимо отметить наличие правовой неопределенности в установлении степени тяжести совершенного проступка, даже если это будет отражено в профильных законах. Вопрос об авторитете или чести сообщества в отсутствие четких критериев оценки носит явно субъективный характер.

Существуют и другие проблемы, связанные с этическими кодексами. Так, возможность лишения статуса лица, осуществляющего независимо публичные полномочия с целью обеспечения защиты прав и свобод граждан, приводящая не только к ограничению его индивидуальных, но и защищаемых им публичных прав, на основании корпоративных нормативных актов, каковыми являются этические кодексы, даже если они находятся в системной связи с законами, могут являться не соответствующими конституционным требованиям к ограничениям прав (часть 3 статья 55 Конституции РФ).

Сегодня в основе лишения полномочий или увольнения на основании этических кодексов лежат положения, закрепленные корпоративными актами, и не могут в силу требования конституции предусматривать такого рода ограничения.

Соответственно, орган профессионального сообщества или вышестоящее должностное лицо при решении

вопроса о наложении дисциплинарной ответственности за несоблюдение этических норм связан требованием наличия оснований их применения в специальном федеральном законе. В противном случае — вопреки конституционным положениям о правовом и социальном государстве и в нарушение принципов справедливости и равенства — допускается произвольный выбор указанными органами профессионального сообщества и должностными лицами основания лишения полномочия и увольнения сотрудника.

При этом именно в силу принципа правовой определенности, выступающего одним из основных признаков верховенства права, избранное основание увольнения должно соответствовать тем фактическим обстоятельствам, которые послужили его причиной, что соответствует также общему принципу реализации норм права, которые сформулированы законодателем (Определение КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2749-О, Постановление КС РФ от 29 марта 2016 г. № 8-П).

Таким образом, требуется четкое разграничение сфер регулирования закона и корпоративного акта, где любые основания, влекущие наложение каких-либо ограничений, должны быть закреплены в законе. Этические кодексы при их объективной необходимости не могут подменять собой закон.

Что касается практики применения мер предотвращения и урегулирования конфликта интересов, то к ним относятся:

- изменение должностного или служебного положения соответствующего лица, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей;
- отказ соответствующего лица от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов [8].

Литература:

1. Васильева, В. М. Коррупционные рынки/В. М. Васильева, А. Н. Воробьев // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. с. 78-96.
2. Лафитский, В. И. Конституционный принцип противодействия коррупции: монография/В. И. Лафитский. Москва: Проспект, 2010. 200 с.
3. Матулис, С. Н., Цирин А. М. Понятие скрытой аффилированности и способы ее выявления/С. Н. Матулис, А. М. Цирин // Журнал российского права. 2021. № 2. с. 164-174.
4. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография/С. Б. Иванов [и др.]; ответственный редактор Т. Я. Хабриева. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2016. 376 с.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка/под ред. Н. Ю. Шведовой. 16-е изд. М., 1984. 515 с.;
6. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2002. 959 с.
7. Цыденкова, О. Г. Нравственно-правовые основы деятельности адвоката-защитника на предварительном следствии в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. с. 18.
8. Об Обзоре практики правоприменения в сфере конфликта интересов N 1: письмо Минтруда России от 29.03.2018 N 18-0/10/П-2061. Минтруд России: сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/13> (дата обращения: 30.03.2022).

— Антикоррупционным законодательством Российской Федерации предусмотрены санкции за непринятие руководящими лицами различного уровня мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является подчиненное ему лицо.

Заключение

Как видно из данной статьи, этический кодекс как инструмент регулирования конфликта интересов различен по группам норм, лиц на которых он распространяется, а также последствия его применения. Я постаралась наглядно показать, что в данном вопросе требуется четкое разграничение сфер регулирования закона и корпоративного акта, где любые основания, влекущие наложение каких-либо ограничений, должны быть закреплены в именно законе.

Кодексы этики при их объективной необходимости не могут подменять собой закон. Вместе с тем они прекрасно могут минимизировать конфликт интересов.

Кроме того, одним из проблемных вопросов в рассматриваемой сфере является законодательная регламентация правил применения субъектами, на которых возложена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Анализ статей Федерального закона «О противодействии коррупции» не позволяют с полной уверенностью утверждать, является ли исчерпывающим перечень лиц, на которых возлагается обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов и не указан точный срок, в течение которого субъекту, на которого возложена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, необходимо сообщить о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения.

Перспективы развития института компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве

Клевцова Кристина Федоровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье рассматриваются перспективы развития института компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве. Анализируются варианты совершенствования действующего законодательства в сфере компенсации морального вреда, исходя из пробелов, существующих на сегодняшний день.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск, гражданский истец, моральный вред, преступление.

Prospects of development of the institute compensation moral harm in criminal proceedings

Klevtsova Kristina Fedorovna, student master's degree
Saratov State Law Academy

This article discusses the prospects for the development of the institution of compensation for moral damage in criminal proceedings. The options for improving the current legislation in the field of compensation for non-pecuniary damage are analyzed, based on the gaps that exist today.

Keywords: criminal proceedings, civil action, civil plaintiff, moral injury, crime.

Компенсация морального вреда является распространенным способом защиты прав граждан, который часто используется на практике в судах различного уровня. Количество исковых заявлений с просьбой о взыскании компенсации морального вреда подчеркивает, что данный институт является актуальным на сегодняшний день.

Несмотря на частоту применения рассматриваемого института, существует множество спорных моментов, которые неоднозначно могут повлиять на дальнейшее развитие института компенсации морального вреда в России. Для повышения эффективности рассматриваемого в данной работе института требуется минимизировать пробелы в действующем законодательстве, чтобы при наличии определенных оснований, люди могли воспользоваться данным способом защиты своего нарушенного права.

На сегодняшний день ученые ведут дискуссии по различным аспектам компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве, но среди основных из них можно выделить:

- понятийный аппарат института компенсации морального вреда;
- формы компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве;
- порядок определения размера компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрим каждое из вышеперечисленных направлений развития. Первое из направлений — это совершенствование понятийного аппарата. На сегодняшний день

основным нормативно-правовым актом, регламентирующим компенсацию морального вреда, является Гражданский кодекс Российской Федерации [3]. Также большое значение для регламентации рассматриваемого института имеет Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 года № 10 [4].

Многие ученые-правоведы выступают против одновременного использования терминов «моральный» и «нравственный». Среди ученых, придерживающихся указанной позиции можно назвать профессора МГЮА Малеину М. Н., которая считает, что термин «моральный вред» не является удачным и исходя из правовой природы данного института более уместным будет термин «неимущественный вред». На самой процедуре взыскания данной компенсации это никак не отразится, и граждане также смогут подавать в суд соответствующие исковые заявления [8].

Также Малеина М. Н. считает, что требуется изменить круг субъектов, которые могут претендовать на компенсацию морального вреда. Предполагается, что не только физические лица могут испытывать неимущественный вред, но и юридические лица. На наш взгляд, это вполне обоснованная теория, если рассматривать ее в рамках уголовных преступлений. Так, например, юридические лица смогут взыскивать компенсацию после совершения преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренные 22 Главой УК РФ [2].

Но нужно отметить, что на практике зачастую суды не взыскивают в пользу потерпевшего компенсацию морального вреда в тех ситуациях, когда преступления носят

ненасильственный характер. Рассмотрим в качестве примера Решение Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-27/2020. Обвиняемые совершили тайное хищение чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину. Суд изучив материалы уголовного дела пришел к выводу, что действующим законодательством не предусмотрена компенсация морального вреда за причиненный в результате хищения имущественный вред. По итогу в компенсации морального вреда было отказано [6].

На наш взгляд, даже при совершении преступлений против собственности, как в вышеуказанном примере, человеку также причиняется и нематериальный ущерб.

В подтверждении нашей позиции обратимся к Определению Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1171-О в котором указывается, что несмотря на имущественный характер совершенного преступления, потерпевший не теряет право компенсации морального вреда, ведь любое преступление каким-либо образом затрагивает права гражданина, посягательство на которые недопустимо [5].

Соответственно, законодателю следует задуматься над перспективой расширить круг субъектов и над формулировкой рассматриваемой компенсации.

Следующий рассматриваемый в данной работе вопрос касается формы компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский кодекс РФ предусматривает компенсацию морального вреда в денежной форме [3]. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. помимо денежной формы содержит формулировку «иная материальная форма» [4]. А Уголовно-процессуальный кодекс РФ в статье 136 содержит положение о принесении прокурором от имени государства официального извинения реабилитированному за причиненный ему вред [1].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что законодателю требуется более детально закрепить формы компенсации морального вреда либо перечислением всех возможных форм, либо с помощью указания на то, в каких случаях, какая форма будет использована на практике.

Самый основной вопрос, который больше всего на сегодняшний день требует внимания законодателя — это порядок определения размера компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве. Действующее зако-

нодательство содержит очень размытую формулировку «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред».

Из-за подобной формулировки судебная практика по данной категории дел не характеризуется единообразием, а скорее наоборот, можно обнаружить массу уголовных дел, по которым сумма компенсации морального вреда имеет большие различия.

Интересным на наш взгляд будет являться рассмотрение «Калькулятора определения размера компенсации морального вреда». Данная система была разработана в 2020 году Ассоциацией юристов. Несомненный плюс данной программы заключается в том, что существует определённая система расчётов для минимизации расходов в практике взысканий данного института [7].

Вышеназванный «калькулятор» отталкивается от базовой ставки, которая изменяется в каждом конкретном случае исходя из коэффициентов, которые зависят от совершенного деяния. Данная система как раз позволяет учесть те параметры, которые законодатель в очень размытом виде указал в Гражданском кодексе РФ.

Создатели рассматриваемой программы ввели так называемую «базовую компенсацию» в размере одного миллиона рублей за унижение человеческого достоинства и страха за свою жизнь, а далее согласно коэффициентам, в их программе данная сумма может как уменьшаться, так и увеличиваться, исходя из материалов дела.

На наш взгляд «Калькулятор определения размера компенсации морального вреда» очень удачный проект, который позволит снизить количество расходов в судебной практике, в том числе по уголовным делам при взыскании компенсации морального вреда, но и данная система не решает все существующие проблемы при определении размера рассматриваемой компенсации.

Таким образом, подводя итог данной работе мы можем сказать, что в ближайшем будущем акцент законодателя должен быть сделан на то, чтобы максимально детализировать и конкретизировать действующее законодательство для того, чтобы минимизировать расхождения в суммах компенсации на практике, для того, чтобы граждане не испытывали трудностей при взыскании данного способа защиты своего нарушенного права.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета, № 29, 08.02.1995.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2016 № 1171-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трубиловой Маи Георгиевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и четвертой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс (Электронный ресурс) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202234/ (дата обращения 07.09.2022 г.).
6. Решение Соль-Илецкого районного суда Оренбургской области от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-27/2020 // SUDACT (Электронный ресурс) URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zmYpPXvCnA5q> (дата обращения 07.09.2022 г.).
7. Антонов, И. О. Особенности возмещения морального вреда в рамках гражданского иска в уголовном судопроизводстве/И. О. Антонов, А. О. Лапшина // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 46. — с. 254-265.
8. Малеина, М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан/М. Н. Малеина // Журнал российского права. — 2015. — № 5 (221). — с. 59-73.

Гражданский иск о компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства: актуальные проблемы предъявления и рассмотрения

Клевцова Кристина Федоровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В настоящей статье рассматриваются особенности гражданского иска о компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства, в частности, межотраслевой характер данного института, особенности подачи гражданского иска прокурором, а также определения размеров морального вреда в рамках уголовного судопроизводства на примерах судебной практики.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданский иск, гражданский истец, моральный вред, преступление.

Civil action for compensation for non-pecuniary damage in the framework of criminal proceedings: topical problems of presentation and consideration

Klevtsova Kristina Fedorovna, student master's degree
Saratov State Law Academy

This article deals with the peculiarities of a civil claim for compensation for non-pecuniary damage in criminal proceedings, in the frequency of the intersectoral nature of this institution, the peculiarities of filing a civil claim by the prosecutor, as well as the determination of the amount of non-pecuniary damage in criminal proceedings using examples of judicial practice

Keywords: criminal proceedings, civil action, civil plaintiff, moral injury, crime.

Любое преступление нарушает действующие нормы законодательства, в связи с этим могут нарушаться права и законные интересы граждан и юридических лиц, причиняя им различный вред, одним из которых является моральный вред. На сегодняшний день возмещение вреда лицам, в том числе и морального вреда, являющимся потерпевшими от преступлений, является одной из важнейших задач уголовного судопроизводства в целом. Такое возмещение морального вреда может достигаться с помощью добровольного возмещения морального вреда,

подачи гражданского иска, а также возвращении отчужденного имущества его владельцу.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает в содержании статьи 44 УПК РФ особенности процессуального статуса и прав гражданского истца в рамках уголовного судопроизводства [2]. При этом, в качестве гражданского истца может выступать физическое или юридическое лицо, которое и предъявляет требование о возмещении имущественного, в том числе и мо-

рального вреда, если имеются данные о том, что такой вред причинен совершенным преступлением.

Немаловажным критерием является тот факт, что иск о возмещении морального и имущественного вреда истец может предъявить после факта возбуждения уголовного дела, а также до момента окончания судебного следствия, в суде 1 инстанции.

Как справедливо отмечает А.Г. Русаков, гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства носит межотраслевой характер, и выступает в качестве эффективного средства защиты прав как физических лиц, так и юридических лиц. При этом, при реализации института гражданского иска применяются как нормы гражданского права, так и гражданского процессуального права с учетом положений уголовно — процессуального права [11, с. 263]. Необходимость гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства обусловлена быстрой восстановлением нарушенных прав потерпевшего, назначения соразмерного наказания виновному лицу, которое выражается в возмещении денежной компенсации, назначаемой с другими видами санкций в отношении виновного лица.

Гражданский иск о возмещении как имущественного, так и морального вреда в уголовном судопроизводстве играет важную роль и его значение очень велико, которое выражается в том, что, во-первых, благодаря гражданскому иску осуществляется экономия времени и затрат на производство по делу; во-вторых, гражданский иск способствует наиболее подробному исследованию обстоятельств уголовного дела, для достижения ключевой цели — назначения справедливого наказания виновному; в-третьих, благодаря гражданскому иску также реализуется воспитательная функция в отношении преступника, так как приговор суда реализует в себе и воспитательную функцию на виновного лица. Обобщая сказанное, необходимо отметить, что благодаря гражданскому иску также происходит понимание неотвратимости и неизбежности наказания за совершенное общественно-опасное деяние, в том числе и в вопросах возмещения морального вреда.

Как отмечает В.А. Семенцов, под моральным вредом понимается физическое или нравственное страдание, которое причинено действиями или бездействиями, посягающими на принадлежащее человеку от рождения либо в соответствии с законом нематериальные блага, например, жизнь, здоровье, личную или семейную тайну и т.д., а также нарушающими его личные неимущественные либо имущественные права [12, с. 320]. Однако важно учитывать и положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», где говорится о том, что при осуществлении рассмотрения дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, даже несмотря на то, что он компенсируется в денежной или другой матери-

альной форме. Это положение важно учитывать при вынесении приговоров судами [3].

Исчисление размера и особенностей компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства при подаче соответствующего гражданского иска происходит с учетом положений статей 1099-1101 ГК РФ [1]. При этом, размер морального вреда устанавливается судом с учетом индивидуальных особенностей личности потерпевшей стороны, характера причиненных физических или нравственных страданий, фактических обстоятельств совершенного деяния и иных критериев. Важно отметить, что размер морального вреда определяется с учетом того, как его воспринимает потерпевшая сторона, каково его психическое и психоэмоциональное состояние, как моральный вред повлиял на его образ жизни.

Однако имеется ряд существенных проблем при заявлении и рассмотрении гражданского иска о возмещении морального вреда. Например, в части 3 статьи 44 УПК РФ говорится о том, что гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних лиц, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, а также Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий может быть предъявлен прокурором. Однако считаю, что в таком случае данное положение процессуального законодательства должно предусматривать обязанность прокурора по подаче гражданского иска, а не его право, в связи с тем, что защита прав лиц, которые не могут самостоятельно защитить свои права в связи с совершенным в отношении них преступлением, должна быть на более высоком уровне и гарантироваться со стороны государства каждому. В особенности это касается несовершеннолетних лиц и лиц, ограниченных либо лишенных дееспособности.

Вопрос о размере морального вреда в рамках уголовного судопроизводства является актуальным как в юридической литературе, так и на практике. Рассмотрим некоторые примеры судебной практики, где размеры морального вреда существенно разнятся между собой, при этом потерпевшими в обоих случаях заявлен гражданский иск до разрешения уголовного дела по существу. Так, в приговоре Приволжского районного суда Самарской области № 1 (2) — 2/2020 (1 (2) — 60/2019) от 14 июля 2020 г. двое потерпевших заявили гражданские иски о возмещении морального вреда в размере по 300000 рублей каждому в связи с тем, что подсудимый совершил в отношении них преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 112, ч. 1 ст. 139 УК РФ. Суд удовлетворил гражданские иски лишь в части, обязав подсудимого выплатить каждой из потерпевших моральный ущерб в размере 30000 рублей [6]. А вот другой пример: приговор Люберецкого городского суда Московской области от 9 октября 2020 г. по делу № 1-717/2020, где представитель потерпевшего заявил гражданский иск в размере 1500000 рублей за причи-

нение морального вреда потерпевшему в связи с совершением подсудимым преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. При этом суд удовлетворил данное требование частично и обязал выплатить осужденного моральный вред в размере 500000 рублей [7]. Для сравнения также необходимо отметить пример Постановления Саратовского областного суда № 44У-95/20194У-1059/2019 от 11 ноября 2019 г. по делу № 44У-95/2019, где было рассмотрено заявление осужденного, который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, и было возложено обязательство по компенсации морального вреда в размере 700000 рублей, при этом дело было направлено на новое рассмотрение [5].

Или также можно отметить пример Апелляционного постановления Ярославского областного суда № 22-2462/2021 от 20 декабря 2021 г. по делу № 4/17-595/2021, где рассматривалась апелляционная жалоба на приговор суда, по которому З. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ и назначено также компенсация морального вреда в размере 1000000 рублей. Апелляционная жалоба была отклонена [8].

И важно выделить пример решения Первого кассационного суда, где рассматривалось уголовное дело о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, так, было установлено, что по приговору Суворовского районного суда Тульской области, оставленному без изменения апелляционной инстанцией, Р.А. Н. осужден по ст. 116.1 УК РФ за совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, к 160 часам обязательных работ. В пользу потерпевшей с осужденного в счет компенсации морального вреда взыскано 10000 рублей. Р.А. Н. подал кассационную жалобу в Первый кассационный суд, но 18 января

2022 года Первый кассационный суд общей юрисдикции оставил данную жалобу без удовлетворения [10].

И также важно отметить пример решения Первого кассационного суда, где рассматривалась кассационная жалоба К., который осужден по п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы на основании ст. 73 УК РФ условно, с испытательным сроком на 3 года и 6 месяцев, с установлением ограничений и возложением обязанностей. Также в пользу двух потерпевших в счет компенсации морального вреда с него взыскано по 100000 рублей каждому. В данном случае 24 марта 2022 года Первый кассационный суд отказал в удовлетворении жалобы [9].

Указанные примеры свидетельствуют о том, что размеры компенсации морального вреда могут быть совершенно разными, при этом суды самостоятельно определяют, удовлетворять гражданский иск частично или полностью, либо отказывать в его удовлетворении. Считаю, что не может быть такая существенная разница в размерах компенсации морального вреда, связанных со вредом здоровья человека, при этом в обоих случаях судебной практики был причинен вред здоровью потерпевших различной степени тяжести. В этой связи стоит согласиться с председателем Совета Судей России В.В. Момотовым, который отмечает, что компенсация морального вреда должна быть не 5000, не 10000 и не 25000 рублей, а составлять большую сумму, чтобы эта сумма могла сгладить причинившие страдания потерпевшей стороне. При этом, также он отмечает, что размеры компенсации морального вреда не должны быть номинальными [13].

Таким образом, подача, рассмотрение и удовлетворение гражданского иска о компенсации морального вреда в рамках уголовного судопроизводства являются актуальными проблемами, которые препятствуют в полной мере реализации института защиты прав потерпевших лиц. Важно уделять повышенное внимание данному институту, в особенности размерам компенсации морального вреда.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая: федеральный закон от 26 января 1996 № 51-ФЗ (в ред. 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (часть I). — ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1995. — № 3.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2020. — № 12.
5. Постановление Саратовского областного суда № 44У-95/20194У-1059/2019 от 11 ноября 2019 г. по делу № 44У-95/2019. Практика Саратовского областного суда // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6BX8iyxUkAJ/> (дата обращения: 06.07.2022).
6. Приговор № 1 (2) — 2/20201 (2) — 60/2019 от 14 июля 2020 г. Практика Приволжского районного суда Самарской области // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UcNN0UC1dMhK/> (дата обращения: 04.09.2021).
7. Приговор № 1-717/2020 от 9 октября 2020 г. по делу № 1-717/2020. Практика Люберецкого городского суда Московской области // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jlGB31mjJioc/> (дата обращения: 03.09.2021).

8. Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-2462/2021 от 20 декабря 2021 г. по делу № 4/17-595/2021. Практика Ярославского областного суда // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QQPLAJQvpSU1/> (дата обращения: 06.07.2022).
9. Мужчина, истязавший своих соседей, просил отправить уголовное дело в отношении него на новое рассмотрение. Практика Первого кассационного суда общей юрисдикции // URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=330 (дата обращения: 06.07.2022).
10. Первый кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел уголовное дело о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию. Практика Первого кассационного суда общей юрисдикции // URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=299 (дата обращения: 06.07.2022).
11. Русаков, А. Г. Гражданский иск в уголовном деле/А. Г. Русаков // Современные закономерности и тенденции развития наук криминального цикла: Материалы международной научной конференции, Красноярск, 05 декабря 2019 года/Отв. за выпуск В. Л. Бопп, Е. А. Ерахтина. — Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. — с. 263-267.
12. Семенцов, В. А. Моральный вред от преступлений и способы его возмещения/В. А. Семенцов // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета, Краснодар, 27 марта 2020 года/Отв. ред. В. А. Семенцов. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. — с. 319-329.
13. Судья Верховного Суда считает, что размеры компенсаций морального вреда должны быть выше // TASS. RU. — 2018. — 20 марта.

Теоретические аспекты договора на оказание медицинских услуг: понятие, сущность и формы

Климова Олеся Сергеевна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Актуальность темы заключается в том, что в современном мире возрастает потребность в медицинских услугах и, следовательно, растет и рынок этих услуг, что неизбежно приводит к увеличению конфликтных ситуаций в данной сфере.

Ключевые слова: медицинские услуги, врач, пациент, договор, права, обязанности.

Theoretical aspects of the contract for the provision of medical services: concept, essence and forms

The relevance of the topic lies in the fact that in the modern world the need for medical services is increasing and, consequently, the market for these services is also growing, which inevitably leads to an increase in conflict situations in this area.

Keywords: medical services, doctor, patient, contract, rights, obligations.

Зарождение платных медицинских услуг в России можно отнести к 80-м годам XX века.

Этот период характеризуется тем, что в стране наблюдался дефицит бюджетных средств, необходимых для обеспечения одинаковой для всего населения бесплатной медицинской помощью. Как раз в этот момент и началась формироваться практика так называемых теневого платежей, связанная с взаимной договоренностью врача и пациента. Государство рассматривало данное явление как незаконное [1].

Согласно пункту 16 действующих Правил предоставления медицинских платных услуг населению медицинскими учреждениями договор на оказание медицинских платных услуг должен заключаться в письменной форме.

При оформлении медицинского договора письменная форма будет считаться соблюденной, если потребитель совершает акцепт публичной оферты исполнителя медицинских услуг. В данном случае под акцептом понимается оплата стоимости определенных медицинских услуг.

Публичной офертой можно считать Правила оказания медицинских услуг, которые установлены в конкретной

медицинской организации, при условии, что они находятся в Интернете и на информационных стендах [3].

Правила должны содержать все существенные условия договора, а также предложение заключить договор на указанных в нем условиях с лицом, которое обратилось за этой услугой.

Договор на оказание платных медицинских услуг заключается в письменной форме (п. 16 Правил). Установлено, что у каждой из сторон на руках остается по экземпляру соглашения. Наличие подписей всех контрагентов в документе обязательно (пп. 17, 18 Правил) [2].

Таким образом, следует говорить о том, что сделка по предоставлению медицинских услуг оформляется как подписанный всеми ее участниками единый документ (п. 4 ст. 434 ГК РФ) [4].

Вместе с тем в судебной практике содержится и другой вывод. В частности, требование иметь количество экземпляров договора по числу участников не говорит об обязанности оформлять это соглашение как 1 документ, подписанный сторонами.

Требования к договору на оказание платных медицинских услуг содержатся в принятых Правительством РФ Правилах предоставления медицинскими организациями

платных медицинских услуг от 04.10.2012 № 1006 Сторонами сделки выступают (п. 2 Правил) [2]:

1) Медицинская организация, оказывающая услуги (исполнитель), — юрлицо или ИП. Деятельность по предоставлению медуслуг предполагает наличие у осуществляющего ее лица специального разрешения — лицензии.

2) Гражданин, непосредственно получающий услуги или намеревающийся их получить (потребитель/пациент).

3) Заказчик, приобретающий услуги для потребителя. Им может быть как физическое, так и юридическое лицо.

В свою очередь, образец договора на оказание платных медицинских услуг, заключаемый напрямую с потребителем, будет рассмотрен в статье более подробно и доступен для скачивания.

Из вышеизложенного следует вывод, что в отношении такого вида возмездных услуг, как медицинские, законодательством РФ установлены специальные требования. Каждое медицинское учреждение обязано точно соблюдать условия выдачи ему лицензии, порядок доведения до пациентов информации, предоставления платной и бесплатной медицинской помощи, а также исполнять требования нормативных актов о качестве оказываемых услуг.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ. — 31.03.2018. — N 1. — Ст. 4.
2. из информационного банка «Медицина и фармацевтика// Собрание законодательства РФ. — 31.03.2018. — N 8. — Ст. 4.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 N 83-ФЗ (последняя редакция)// Собрание законодательства РФ. — 31.03.2018. — N 9. — Ст. 4.
4. Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N 326-ФЗ (последняя редакция)// Собрание законодательства РФ. — 31.03.2018. — N 5. — Ст. 2.
5. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция)// Собрание законодательства РФ. — 31.03.2018. — N 5. — Ст. 9.

Практика реализации института местного референдума в Российской Федерации

Кожевникова Екатерина Вячеславовна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье автор пытается проанализировать практику использования местных референдумов в Российской Федерации и определить эффективность данного института.

Ключевые слова: местный референдум, Российская Федерация, муниципальное образование.

В современной России применение института местных референдумов началось в 2003 году с принятием Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Несмотря на сравнительно недолгий период существования, уже имеется небольшой опыт. С 2003 по конец 2019 года прошло 4564 местных референдума, участие в которых приняли различные муниципальные образования [1].

С 2012 года начинается рост числа референдумов с небольшими спадами, а в 2016-2018 годах наблюдается их резкое увеличение. Это связано с тем, что большинство референдумов было проведено в Республике Татарстан. С 2016 по 2019 года на территории муниципальных образований данного региона прошло 3202 местных референдума, из чего следует, что процентное соотношение от общего числа референдумов составляет 68,7% [2].

Для более подробного рассмотрения возьмем последние несколько лет практики применения института местных референдумов в России.

Например, в 2019 году местные референдумы проводились 114 раз в муниципалитетах 8 субъектов Российской Федерации. Референдумы о введении самообложения проводились 111 раз, в том числе 54 раза в поселениях Республики Татарстан (16 раз в городских поселениях и 38 раз в сельских), 20 раз в поселениях Республики Мордовия (2 раза — в городских поселениях и 18 раз в сельских), 34 раза в сельских поселениях Кировской области, 2 раза в сельских поселениях Алтайского края, по одному разу в сельских поселениях Забайкальского и Пермского краев.

В Республике Саха в 2019 году проводилось 3 местных референдума: о присвоении национального статуса двум муниципалитетам — Нижнеколымскому району и Юпоятскому наслегу (сельскому поселению) и о запрете ре-

ализации алкогольной продукции в городском поселении Белая Гора.

Местные референдумы о введении самообложения в 2020 году проводились 21 раз в 3 субъектах Российской Федерации (15 раз — в поселениях Кировской области, 5 раз — в поселениях Республики Татарстан, 1 раз — в одном из поселений Алтайского края), по иным вопросам местные референдумы в 2020 году не проводились.

В 2021 году местные референдумы проводились 73 раза в муниципалитетах 4 субъектов Российской Федерации. Референдумы о введении самообложения проводились 72 раза, в том числе 1 раз в городском поселении, 69 раз в сельских поселениях и 2 в муниципальных округах [3].

Один местный референдум был проведен Аяно-Майский муниципальном районе (Хабаровский край) по вопросу: «Вы одобряете реализацию на территории Аяно-Майского района Хабаровского края комплексного проекта «Аянский газохимический парк», включая объекты инфраструктуры?» [1].

В 2022 году на территории Российской Федерации было организовано 65 местных референдумов, все по вопросам самообложения.

Для удобства представим полученные данные в виде инфографики.

Рис. 1. Количество местных референдумов в РФ по годам

Как видно из представленного рисунка, в 2020 году просматривается наиболее низкая активность проведения местных референдумов.

По информации из доклада «О результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год» подготовленного комитетом Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению, активность местных сообществ по проведению местных референдумов по сравнению с 2019 годом снизилась более чем в 5 раз. Как причина приводится эпидемиологическая обстановка, не располагающая к публичным мероприятиям.

Также показательным будет сравнение местных референдумов в 2019-2022 годах в зависимости от выносимых вопросов (рис. 2).

Из данной диаграммы видно, что 99% выносимых вопросов на местные референдумы — это вопросы о введении самообложения.

Если просматривать всю имеющуюся статистику по местным референдумам, то также наблюдается значительное преобладание вопросов о введении самообложения. В 95,1% случаев, на голосование выносятся предложение о введении дополнительных разовых платежей для граждан, проживающих на территории муниципальных образований [2].

В данной ситуации, можно сделать вывод, что в сложившейся практике местный референдум оказался тесно связан с механизмом самообложения.

По итогу анализа статистики можно было бы сказать, что местные референдумы наиболее востребованы

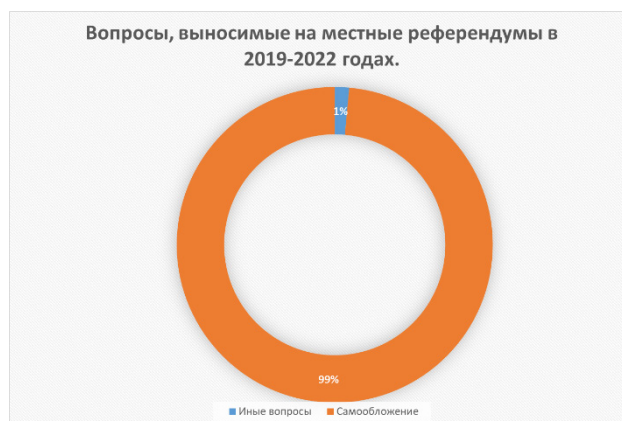

Рис. 2. Вопросы, выносимые на местные референдумы в 2019-2022 годах

по сравнению с федеральными и региональными референдумами, если сравнить их количественное соотношение. Однако, по статистке с местными референдумами всё наоборот, большое число местных референдумов не показывает их эффективность, ведь по приведённой статистике больше 90% местных референдумов проводились по единообразным вопросам, таким как вопрос самообложения граждан, а как известно, референдум по данному вопросу, обязателен по закону.

Далее рассмотрим подробнее проведение нетипичных местных референдумов, то есть без учета вопроса референдума о самообложении граждан.

31 марта 2019 года в муниципальном образовании «Югюлятский наслег» Вилюйского улуса (района) проводился местный референдум, вопрос выносимы на местный референдум: «Согласны ли вы на присвоение национального статуса — «муниципальное образование «Югюлятский эвенкийский национальный наслег» муниципальному образованию «Югюлятский наслег»?».

Данный местный референдум проводился в соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) от 30 марта 2005 года 210-3 № 423-III «О местном референдуме в Республике Саха (Якутия)».

Инициатива о проведении местного референдума была выдвинута главой и депутатами Совета муниципального округа «Югюлятский наслег» совместно. Решение о назначении местного референдума было принято 15 января 2019 года и опубликовано в установленные законом сроки.

В соответствии с законом Республики Саха (Якутия) от 6 июля 1995 года 3 № 77-1 «Об административно-территориальном устройстве Республики Саха (Якутия)»: «административно-территориальные единицы в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера могут иметь статус национальных административно-территориальных образований».

Согласно статье 5 закона Республики Саха (Якутия) от 27 января 2005 года 207-3 № 419-III «О статусе национального административно-территориального образования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных

малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (новая редакция)» основными принципами образования национального улуса (района), наслега являются:

- «особый статус национального улуса (района), наслега, соответствующий задачам национального и социально-экономического возрождения и развития коренных малочисленных народов Севера»;

- «добровольное волеизъявление граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего национального административно-территориального образования».

Референдум признан состоявшимся: «да» ответили 92,76 процента участников референдума [1].

Также 8 сентября 2019 года на территории муниципального района «Нижнеколымский район» (республика Саха) проводился референдум по вопросу: «Согласны ли вы с наделением национальным статусом — «муниципальный район «Нижнеколымский национальный район» муниципального района «Нижнеколымский район?»

Как следует из решения избирательной комиссии муниципального образования «Нижнеколымский район» от 09.09.2019 года № 1/3-21:

«В соответствии с пунктом 8 статьи 70 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», на основании протоколов участковых избирательных комиссий, избирательная комиссия муниципального района «Нижнеколымский район» решила: 1. Признать референдум на территории муниципального района «Нижнеколымский район» по вопросу наделения муниципального района «Нижнеколымский район» статусом «национальный» не состоявшимся, из за участия меньше половины участников референдума, внесенных в списки участников референдума на территории проведения референдума — число участников референдума внесенных в списки избирателей 3276, проголосовавших 1595, что составляет 48,69%».

9 июня 2019 года в п. Белая Гора Абыйского улуса (района) был проведен референдум по вопросу: «Согласны ли Вы на полный запрет реализации алкогольной

продукции на территории муниципального образования городское поселение «поселок Белая Гора?»».

Численность участников референдума, внесенных в список участников референдума — 1496 человек. Из них в референдуме приняло участие 353 участника референдума (23,60%). В голосовании приняло участие 352 участника референдума (23,53%).

В соответствии с частью 9 статьи 51 Закона Республики Саха (Якутия) «О местном референдуме в Республике Саха (Якутия)» местный референдум признан комиссией местного референдума не состоявшимся в связи с тем, что в нем приняло участие не более половины участников местного референдума (23,60%), внесенных в списки участников местного референдума [4].

В качестве примера также возьмем такой последний состоявшийся местный референдум в Российской Федерации — 21 марта 2021 года проводился местный референдум по вопросу реализации проекта «Аянский газохимический парк».

Данный референдум проводился в Хабаровском крае, на территории Аяно-Майского района.

В организации и проведении местного референдума были задействованы Избирательная комиссия муниципального образования Аяно-Майского района и 4 участковые избирательные комиссии [5].

В списки участников референдума было включено 1574 человека [1]. В течение 10 дней до дня голосования досрочно проголосовало 112 человек или 7,12% от списочного состава, в том числе в помещении избирательной комиссии муниципального образования — 29 участников и, соответственно в участковых избирательных комиссиях — 83 человека.

Общая активность участников референдума составила 59,09%. Стоит отметить, что явка участников референдума достаточно высокая, но, если разобраться в данном вопросе, можно объяснить высокую активность избирателей. По итогам голосования 90,22% жителей высказались против реализации на территории Аяно-Майского района комплексного проекта «Аянский газохимический парк», за проголосовало лишь 9,14% участников референдума.

Данный опыт проведения местного референдума интересен тем, что законность выносимого на местный референдум вопроса подверглась критике.

В законности референдума сомневалась прокуратура, посчитав некорректным вопрос, который собирались задавать всем голосующим.

Прокурор, который и подал заявление в суд с требованием признать незаконным проведение референдума, заявил, что вопрос, выставленный на голосование, некорректен. Звучит он так: «Вы одобряете реализацию на территории Аяно-Майского района Хабаровского края комплексного проекта «Аянский газохимический парк, включая объекты инфраструктуры?»».

В органе надзора отметили, что вопрос состоит сразу из двух частей: «О реализации на территории Аяно-Майского района Хабаровского края комплексного проекта

«Аянский газохимический парк» и «О реализации на территории Аяно-Майского района Хабаровского края объектов инфраструктуры комплексного проекта «Аянский газохимический парк»».

Ведомство решило, что такая формулировка затрагивает сразу два вопроса, избиратель может пожелать ответить на один вопрос положительно, а на другой — отрицательно. Поэтому прокуратура опротестовала референдум, однако апелляционный суд проиграла.

«Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Хабаровского краевого суда 19 февраля 2021 года отменено решение Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края, которым суд удовлетворил требования прокурора, обратившегося в защиту интересов неопределенного круга лиц, о признании незаконным решения Собрания депутатов Аяно-Майского муниципального района от 12.11.2020 № 141 «О вопросе, предлагаемом для вынесения на местный референдум», — такая информация размещена на официальном сайте Хабаровского краевого суда.

Как пишут СМИ по данному референдуму: «В Хабаровском крае случилось небывалое: не только удалось провести местный референдум о запрете экологически опасного проекта, но и отстоять его результаты в суде».

Действительно, состоявшееся в Хабаровском крае волеизъявление граждан по экологическому вопросу — едва ли не единственный значимый прецедент подобного рода за последние десятилетия.

Данный прецедент действительно есть высшее непосредственное выражение воли местного населения. Ведь главная важность и ценность института местного референдума — право местного населения использовать данный институт по собственной воле.

В то же время, несмотря на рост практики применения местных референдумов, нужно сказать, что они применяются не повсеместно. Существуют десятки субъектов федерации, в которых за прошедшее время не было проведено ни одного местного референдума. Во многих субъектах был проведен один или два местных референдума. Таким образом, институт местного референдума в России получил распространение не повсеместно.

Существует большая диспропорция: есть регионы-лидеры, есть регионы-аутсайдеры. Среди последних числятся и столичные регионы — Москва и Санкт-Петербург, в которых существует достаточно своеобразная система местного самоуправления (фактически она не является в полной мере местным самоуправлением). В то же самое время есть и очевидные лидеры. К ним нужно отнести республику Татарстан, Кировскую область, Пермский край, Алтайский край, Челябинскую область.

О чем это свидетельствует? О том, что все-таки большую роль играют та политическая ситуация, которая существует на уровне региона, то, насколько развито понимание необходимости активизации населения, прямой демократии, участия жителей в осуществлении местного самоуправления в этом формате.

Литература:

1. Официальный сайт Центральной Избирательной Комиссии. URL: <http://www.cikrf.ru/>
2. Гавриленко, О.А. Анализ практики применения института референдума на территории Российской Федерации/«Вопросы студенческой науки», Выпуск № 6 (46), июнь 2020
3. Комитет Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/>
4. Избирательная комиссия Республики Саха (Якутия). URL: <http://www.yakut.izbirkom.ru/news/2709/>
5. Избирательная комиссия Хабаровского края. URL: <http://www.khabarovsk.izbirkom.ru/news/21449/>

Некоторые проблемные вопросы в реализации права граждан на местный референдум

Кожевникова Екатерина Вячеславовна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье автор пытается определить некоторые проблемные вопросы использования местных референдумов в Российской Федерации на основе практического использования института местных референдумов.

Ключевые слова: местный референдум, Российская Федерация, муниципальное образование.

Проведя анализ статистики по местным референдумам в Российской Федерации, с уверенностью можно сказать, что существуют удачные «кейсы» применения данного института.

Но все же следует признать, что местные референдумы в России не применяются повсеместно и не пользуются особой популярностью среди граждан в качестве механизма высшего непосредственного выражения их воли. Зачастую, преобладающая часть проведенных местных референдумов касалась вопроса самообложения граждан.

Причин, почему в России проведение местных референдумов не является актуальной практикой, может быть несколько.

Как отмечает Воробьева Е.И. «причины непопулярности референдума достаточно популярны: с одной стороны, это большие финансовые затраты на его проведение, с другой стороны, несовершенство законодательства» [1].

По моему мнению, все же главными причинами непопулярности института референдума является излишне сложная законодательная процедура инициирования и проведения, организационные и материальные затраты, а также состояние гражданского общества.

Проанализировав законодательные акты, регулирующие порядок проведения местных референдумов в Российской Федерации, можно сделать некоторые выводы.

Граждане и их общественные объединения, иницирующие местные референдумы, зачастую не в состоянии преодолеть препятствия уже на начальных стадиях и этапах референдумного процесса — не в состоянии выполнить установленные для них законодательством условия инициирования и назначения референдума.

Для назначения местного референдума инициативная группа по проведению местного референдума должна представить в орган, установленный законом субъекта РФ, уставом муниципального образования, подписи участников местного референдума в поддержку инициативы его проведения.

Точное количество данных подписей устанавливается законом субъекта РФ, но не может быть более пяти процентов от числа участников референдума, зарегистрированных на территории муниципального образования.

Как считает И.В. Гранкин: «данное условие дает возможность легко заблокировать проведение местных референдумов в городах-миллионниках или других крупных городах, посредством установления законом субъекта максимального процента необходимых подписей. Видится весьма затруднительным сбор подписей по установленной форме в таком количестве» [2].

Стоит отметить, что процедура сбора подписей весьма сложна, сборщику подписей не только необходимо брать подписи только у «подходящих» жителей муниципального образования, но и правильно оформить все подписные листы. А еще и процедура проверки подписей, и множество причин признания подписей участников референдума недействительными накладывают определенные сложности на процесс инициации проведения референдума.

Также можно сделать вывод, что такой этап как выдвижение инициативы проведения референдума является сложным, трудозатратным и довольно длительным по времени, что конечно же затрудняет весь процесс.

Процедура инициирования проведения местного референдума может затянуться по времени на срок в почти 4 месяца.

Предполагаю, что данный временной период может отталкивать некоторых инициаторов проведения местных референдумов.

И даже преодолев все бюрократические трудности на пути инициации и организации проведения референдума, можно столкнуться с еще одной проблемой.

Инициаторам проведения местного референдума следует уделить пристальное внимание к формулировке вопроса, выносимого на местный референдум. В соответствии с ч. 3 ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях...» на местный референдум могут быть вынесены вопросы только местного значения.

Даже при положительном решении представительного органа муниципального образования о соответствии вопроса, предлагаемого для вынесения на местный референдум, требованиям закона, могут возникнуть проблемы с верным интерпретированием вопроса.

Также полемику вызывает сама формулировка «наиболее значимые вопросы». Споры возникают по правильному определению формулировки «наиболее значимые» вопросы.

У каждого человека существует свой взгляд на степень значимости того или иного вопроса и довольно трудно определить какие «наиболее значимые» вопросы у всего населения муниципального образования.

Также, по моему мнению, еще одной причиной сложности использовании механизма местного референдума является неспособность и неготовность населения объединяться и воспринимать себя как одно сообщество.

Данное выражение находит отражение даже в том, что некоторые проведенные референдумы признаны несостоявшимися из-за низкой явки. Для легитимности подобного голосования необходимо участие 50% зарегистрированных на участке избирателей.

Данный порог, конечно же, достаточно высокий. Статистика показывает, что в больших населенных пунктах средняя явка избирателей на местные референдумы очень редко достигает такой цифры. Вероятно, в настоящее время российское общество не осознало преимущества референдума в процессах демократического государства.

Следует отметить, что у данного вопроса, есть и, по моему мнению, положительная сторона вопроса — законодательное введение возможности принимать участие в голосовании электронным способом.

Данное новшество упрощает многим гражданам право на участие в голосовании, особенно это применительно к крупным населенным пунктам, где люди проживают в одном месте, а имеют регистрацию в другом.

Конечно, процедура назначения местного референдума, влекущего серьезные бюджетные затраты, не должна быть упрощенной. Но законодательство должно обеспечить реальную возможность назначения референдума и создать гарантии для его инициаторов, в том числе в случаях, когда органы местного самоуправ-

ления не заинтересованы в проведении референдума.

Итак, определив некоторые проблемные вопросы в реализации права граждан на местный референдум, видится логичным предложить некоторые пути их решения.

Как было рассмотрено выше, процедура сбора подписей в поддержку инициативы проведения местного референдума отнюдь не проста, материально и трудозатратна.

Но в условиях нынешней цифровизации общества, ей видится логичное решение.

Предлагается внедрить практику сбора подписей для местного референдума также и в электронном виде на специальной интернет-платформе, такой как «Госуслуги» или применительно для Москвы «мос.ру». Данное решение могло бы значительно сократить организационные и финансовые затраты на данную процедуру. Также предполагается, что данная форма могла бы быть удобна для многих жителей. Тем более, что уже внедрена и практикуется электронная форма голосования на выборах различных уровней.

Для этого необходимо внести изменения в Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части статьи 37, дополнив пункт 16.1 возможностью сбора подписей с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и при иницировании местного референдума.

Также в связи с полемикой вокруг формулировки «наиболее значимые» вопросы, видится логичным отказаться от данного определения как это сделано в Федеральном конституционном законе от 28.06.2004 № 5-ФКЗ («О референдуме Российской Федерации»).

Еще один важный момент — соответствие вопроса, предлагаемого для вынесения на местный референдум, требованиям закона. Даже при положительном решении представительного органа муниципального образования могут возникать проблемы с его верным интерпретированием.

В данной связи предлагается привлекать к данной работе филологов с обязательным вынесением ими какого-либо решения.

И, конечно же, вопрос явки на местный референдум. Законодательное введение возможности принимать участие в голосовании электронным способом во многом должно помочь решению данного вопроса, однако, в настоящее время наблюдается недоверие граждан к данному способу участия в голосовании.

В данной связи остается только надеяться на развитие сильного гражданского общества. Как только граждане поймут, что сами могут принимать решение, и их голос важен, повысится интерес к самоуправлению и, следовательно, электоральная активность.

Литература:

1. Воробьева, Е. И. «Институт референдума в России: проблемы реализации»/Развитие общественных наук российскими студентами, 2017
2. Гранкин, И. В. Законодательное обеспечение прямой демократии на муниципальном уровне // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. с. 36.

Совершенствование внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы

Конахина Ангелина Борисовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор анализирует систему прав и свобод человека и проблемы ее совершенствования на современном этапе развития международных отношений.

Ключевые слова: права, свободы, закон, Совет Европы, судебная система, Конституционный Суд.

В современных реалиях все большую актуальность приобретает такая задача Конституционного Суда РФ, как поиск баланса между мировыми глобализационными политико-правовыми процессами и конституционной идентичностью государства. Несмотря на все большую активизацию в мировом пространстве процессов несправедливого распределения между странами Запада и иными государствами экономических благ, Российской Федерации, по нашему мнению, не целесообразно ограничиваться исключительно своей правовой самобытностью, а напротив, необходимо прикладывать максимальные усилия и активно искать пути выхода из сложившегося кризиса, в том числе посредством установления доверительных партнерских отношений между различными международно-правовыми субъектами.

В любом случае, в современных условиях перед Российской Федерацией стоит достаточно непростая задача — укреплять и развивать национальную судебную систему, и в первую очередь в сфере защиты прав человека и гражданина. Причем, важно отметить, что в настоящее время во многих ведущих государствах механизмы защиты прав личности предусмотрены только в рамках внутригосударственной судебной системы, и наиболее яркими примерами выступают США и КНР, в законодательстве которых предусмотрены исключительно внутригосударственные процедуры разрешения споров в сфере вероятных нарушений прав личности.

Сформированная на данный момент российская судебная система в части наличия функций судебного и конституционного контроля в целом схожа с американской судебной системой, при этом, на наш взгляд, судебная система Российской Федерации видится более совершенной. Так, в частности, в российской судебной системе функции судебного и конституционного контроля разделены между высшими судами: реализация функции судебного

контроля возложена на Верховный Суд РФ, тогда как конституционный контроль осуществляет исключительно Конституционный Суд РФ.

Вследствие вышесказанного, формирование в России нового внутригосударственного судебного органа, в полной мере схожего по своим компетенциям с ЕСЧП (такое мнение встречается в научных кругах), видится нерациональным, поскольку произойдет дублирование функций Верховного и Конституционного Судов РФ, за которыми функции судебного и конституционного контроля дел, так или иначе затрагивающих сферу прав человека, уже закреплены. Да и сам предмет для проверки у схожего с ЕСЧП внутригосударственного судебного органа по факту будет отсутствовать ввиду денонсирования Европейской конвенции. При этом, денонсирование Европейской конвенции и прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы (а значит и участия нашей страны в ЕСЧП) требует от национальной судебной системы еще более активного использования как внутригосударственных, так и межгосударственных механизмов защиты основных прав и свобод человека (в том числе и активного применения международного законодательства, что, например, отражено в ряде постановлений Пленума Верховного Суда [13,14]).

По нашему мнению, в современных условиях совершенствование российской судебной системы в сфере защиты прав человека и гражданина должно осуществляться в первую очередь посредством усиления роли в данном механизме существующих внутригосударственных институтов, а именно высших судов (Конституционного и Верховного Судов РФ).

Опираясь на межгосударственных механизмах защиты прав человека, считаем возможным предложить к рассмотрению следующие направления по совершенствованию российской судебной системы в рассматриваемой сфере:

1) С целью расширения возможностей Конституционного Суда РФ в отношении рассмотрения дел на основании жалоб о нарушении прав человека и восстановления данных прав, считаем целесообразным рассмотреть возможность проработки и дальнейшего практического использования в деятельности высшего судебного органа конституционного контроля отдельных механизмов и процедур, апробированных и активно используемых в практике ЕСПЧ, в частности:

2) активное применение в практике Конституционного Суда РФ механизма соединения жалоб, имеющих единый или схожий (по возможности) предмет, в одно производство и их совместное рассмотрение — данный механизм активно применяется в ЕСЧП в соответствии с правилом 61 Регламента ЕСПЧ [1], тогда как для высшего российского судебного органа конституционного контроля возможность применения такого механизма закреплена в ст. 48 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»;

3) проработка и применение процедуры упрощенного рассмотрения жалоб, если по данному вопросу правовая позиция Конституционным Судом РФ уже была высказана ранее — данная процедура также предусмотрена правилом 61 Регламента ЕСПЧ;

4) проработка нормативной основы и предоставление Конституционному Суду РФ возможности проводить заседания с применением систем видео-конференц-связи, с целью обеспечения принципов гласности и открытости правосудия. Стоит уточнить, что в российской процессуальной законодательстве уже закреплены базовые положения, предусматривающие возможность применения видео-конференц-связи в уголовном, гражданском и административном судебных процессах, вследствие чего только Конституционный Суд РФ пока еще не применяет на практике проведение судебных заседаний с применением видео-конференц-связи. Однако такая необходимость для высшего российского судебного органа конституционного контроля давно назрела, поскольку применение различных систем видео-конференц-связи дает возможность сторонам судебного процесса в полной мере реализовывать свое право на личное участие в заседании суда. Важно отметить, что право сторон на личное участие в судебном заседании выступает одной из фундаментальных (базовых) процессуальных гарантий, причем на необходимость беспрекословного ее соблюдения указывал не только ЕСЧП [2], но и сам Конституционный Суд РФ [6]. Так, для реализации данного предложения считаем необходимым рекомендовать законодателю внести соответствующие дополнения в ст. 54 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» («Открытые заседания»). Также, при реализации положений ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», то есть применении процедуры рассмотрения Конституционным Судом РФ дел без проведения слушания, для дачи необходимых заключений и/или ответов на возникающие вопросы (письменно или по видео-конференц-связи) считаем целесообразным законодательно закрепить норму об обе-

спечении постоянного привлечения представителей издавшего оспариваемый нормативный акт органа государственной власти, представителей Минюста России, представителей Генеральной прокуратуры РФ, представителей Генеральной прокуратуры РФ, а также представителей исполнительных органов государственной власти, осуществляющих правоприменение оспариваемого нормативного акта. В данном случае считаем возможным воспользоваться опытом работы комиссий, подготавливающих проекты Пленума Верховного Суда РФ.

5) предоставление возможности постоянного участия в судебном процессе конституционного судопроизводства по делам о защите прав человека представителя Уполномоченного по правам человека РФ (уровнем не ниже заместителя руководителя Аппарата Уполномоченного). Данную функцию за представителя Уполномоченного предлагается закрепить на постоянной основе ввиду особой важности решений Конституционного Суда РФ, а также законодательно закрепленной за омбудсменом не только обязанности представлять в суде интересы заявителя, но и обеспечивать реализацию гарантий защиты прав человека и общества в целом. Необходимость данного предложения обусловлена тем, что в период с 2017 по 2019 год представитель Уполномоченного в рамках конституционного судопроизводства принял участие в рассмотрении только трех дел [7,8,9] (в период с 2020 по 2021 год в связи с пандемией COVID-19 слушания были ограничены), тогда как именно в конституционном судопроизводстве участие представителя Уполномоченного особо важно и может существенно повысить эффективность всей внутригосударственной системы защиты прав человека.

Реализовать данное предложение на нормативном уровне возможно внесением соответствующих изменений в ст. 52 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» или расширить перечень лиц, постоянно приглашаемых в суд для дачи заключений по делу, включив в него представителя Уполномоченного (наравне с представителями Минюста России и Генеральной прокуратуры РФ). Также считаем необходимым обеспечить активное участие представителя Уполномоченного при применении процедуры рассмотрения Конституционным Судом РФ дел без проведения слушания (ст. 47.1 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»); активизация применения Уполномоченным по правам человека закрепленного в п. 1 ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [10] права на обращение в суд с административным иском о признании недействующим нормативно-правового акта, если его положения и нормы нарушают закрепленные в Конституции РФ права и свободы человека и гражданина. Ввиду того, что нормативно-правовые акты как правило обращены к неограниченному кругу лиц и так или иначе затрагивают их права и свободы, деятельность Уполномоченного в данной сфере имеет существенное практическое значение для повы-

шения гарантий защиты прав человека в целом. При этом, согласно ч. 3 ст. 208 КАС РФ, в перечне лиц, обладающих правом подачи административного иска на признание нормативно-правового акта недействующим, Уполномоченный по правам человека отсутствует, вследствие чего считаем необходимым внести соответствующие изменения в данную статью.

Несмотря на то, что Верховный Суд РФ в рамках своих компетенций в настоящее время уже наделен достаточным объемом полномочиями в сфере защиты прав человека, считаем возможным сформулировать предложения для дальнейшего совершенствования этой деятельности, а именно:

1) проработка возможности формирования в структуре Верховного Суда РФ специальной Судебной коллегии, в компетенции которой входило бы рассмотрение жалоб, подаваемых российскими гражданами и юридическими лицами в межгосударственные судебные органы (в частности, по вопросам возможного нарушения закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина). В случае формирования такой коллегии данная структура могла бы рассматривать и урегулировать вопросы, например, по получению гражданами денежных компенсаций за нарушения иных конституционных прав и свобод человека;

2) рассмотрение возможности обязательного участия в подготовке проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ, обобщающих судебную практику, представителя Уполномоченного по правам человека РФ. В данном аспекте считаем необходимым расширить участие представителя Уполномоченного в процессе подготовки проектов постановлений Пленума по причине того, что именно Уполномоченный по правам человека РФ обладает значительным объемом информации о практике правоприменения в сфере защиты прав человека. В целях реализации данного предложения считаем необходимым внести соответствующие дополнения в ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» [11];

3) до внесения изменений в нормативно-правовые акты в июне 2022 года [12] в связи с выходом России из Совета Европы и его органов (включая ЕСЧП), п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ [3], п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ [5] и п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ [4] в качестве основания для пересмотра дела как нового или вновь открывшегося обстоятельства в гражданском, уголовном и административном производстве предусматривали принятие по соответствующему вопросу решения ЕСЧП. По нашему мнению, полное исключение данного положения (пусть, по которому пошел российский законодатель) является нецелесообразным, поскольку, как уже говорилось выше, помимо ЕСЧП компетенцией по рассмотрению индивидуальных жалоб относительно возможного нарушения прав человека обладает целый ряд межгосударственных органов (организаций), в том числе и в структуре ООН. Вследствие этого, с целью сохранения за гражданами Россий-

ской Федерации возможности защищать свои права и свободы на надгосударственном уровне в межгосударственных организациях (органах), считаем необходимым вернуть в измененном виде п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 350 КАС РФ, указав, что основанием для пересмотра дела в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве в качестве нового или вновь открывшегося обстоятельства являются решения межгосударственных правозащитных организаций (органов), членами которых является Российская Федерация (например, Комитет по правам человека ООН, Комитет против пыток ООН и др.), по индивидуальным жалобам граждан Российской Федерации.

Актуальным и остро необходимым в современных условиях выхода России из Совета Европы и денонсирования Европейской конвенции видится активизация взаимодействия Российской Федерации с различными межгосударственными правозащитными организациями, и в первую очередь это касается международных правозащитных органов в структуре ООН.

В аспекте защиты прав человека в первую очередь обращает на себя внимание деятельность Комитета по правам человека ООН (далее — КЧП ООН), причем необходимо уточнить, что КЧП ООН и Совет по правам человека ООН — это две различные структуры, и выход России из Совета по правам человека ООН 7 апреля 2022 года юрисдикцию КЧП ООН в отношении Российской Федерации не отменяет и на право подачи индивидуальных жалоб в данный межгосударственный правозащитный орган гражданами нашей страны не влияет.

Сформировавшаяся в рассматриваемом международном правозащитном органе ООН практика рассмотрения индивидуальных жалоб на возможное нарушение прав человека свидетельствует о достаточно активной деятельности КЧП ООН, который в случае подтверждения нарушений исходя из своей трактовки Международного пакта 1966 года, рекомендует государству использовать в отношении лица, права которого были нарушены, определенные эффективные средства правовой защиты (в частности, это может быть рекомендация о проведении повторного судебного разбирательства, рекомендация выплаты денежной компенсации и др.). Также КЧП ООН, в случае подтверждения изложенных в жалобе обстоятельств, вправе признать факт нарушения государством в отношении лица-заявителя определенных обязательств и требовать исправить сложившееся положение посредством принятия государством как определенных индивидуальных, так и общих мер с целью предотвращения аналогичных нарушений в будущем.

Принимаемые КЧП ООН решения носят рекомендательный характер, однако данный факт не означает, что для стран-участников Международного пакта 1966 года они не являются обязательными. В данном аспекте стоит также обратить внимание на п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 [13], согласно которому высшая судебная инстанция

рекомендует российским судам в случае возникновения трудностей при толковании норм международного права применять решения и нормативные правовые акты межгосударственных (международных) организаций, включая межгосударственные органы в структуре ООН.

Таким образом, в целях усовершенствования участия в деятельности и расширения границ взаимодействия Российской Федерации и КЧП ООН, в первую очередь считаем необходимым активизировать работу в следующих ключевых направлениях:

1) вследствие того, что Организация Объединенных Наций сегодня является ключевой международной организацией, обеспечивающей развитие межгосударственного сотрудничества в различных областях и сферах, а Международный пакт 1966 года выступает к качеству общепризнанного универсального международно-правового акта в сфере защиты прав человека (отметим, что Европейская конвенция является региональным международно-правовым актом в данной сфере, действующим исключительно в отношении европейских стран), КЧП ООН, в отличие от ЕСПЧ, обладает более широкой юрисдикцией. При этом, в настоящее время, несмотря на высокую значимость данного межгосударственного органа, в Российской Федерации решения и правовые позиции КЧП ООН в полном объеме и официально не публикуются, что существенно усложняет их использование правоприменителем в судебной практике. Исходя из этого, преследуя цель переориентирования судебной практики в сфере прав человека с европейского вектора на международный, считаем целесообразным (аналогично издаваемому в России Бюллетеню Европейского Суда по правам человека) официально и на постоянной основе вырабаты-

вать и публиковать в Российской Федерации в специализированном периодическом издании обзоры правоприменительной практики КЧП ООН;

2) видится необходимым широкое информирование и акцентирование внимания широких слоев населения на то, что выход России из Совета Европы, прекращение участия в ЕСЧП и денонсирование Европейской конвенции не снижают степень защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, причем данная защита не только в полной мере обеспечена внутригосударственными механизмами, но и остается возможность обращения с индивидуальными жалобами в межгосударственные органы и структуры (в частности, в КЧП ООН).

Стоит также отметить, что к рассмотрению индивидуальных жалоб на нарушения прав человека КЧП ООН подходит достаточно дифференцированно, стараясь сбалансировать публичные (государственные) и частные интересы, причем в случае, когда факты нарушения прав человека, заявленные в жалобе, не подтверждаются, жалоба признается неприемлемой. Таким образом, дальнейшее совершенствование внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека в условиях выхода Российской Федерации из Совета Европы должно осуществляться комплексно, одновременно по ряду направлений и с задействованием всех возможных механизмов и средств защиты. При этом, вследствие прекращения участия Российской Федерации в деятельности ЕСЧП и денонсировании Европейской конвенции, значительно повышается роль в сфере защиты прав человека внутригосударственной судебной системы (в первую очередь высших судов) и межгосударственных правозащитных органов в структуре ООН.

Литература:

1. Регламент (Правила процедуры) Европейского суда по правам человека (Принят в г. Страсбурге 04.11.1998) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 6. с. 116-159
2. Постановление ЕСПЧ от 19.07.2016 «Дело «Попов (Роров) против Российской Федерации» (жалоба № 32013/07) // Российская хроника Европейского суда. 2017. № 1. с. 93-99
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2012 № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Г. Круглова, А. В. Маргина, В. А. Мартынова и Ю. С. Шардыко» // Собрание законодательства РФ, 17.12.2012, № 51, ст. 7323
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // Собрание законодательства РФ, 27.02.2017, № 9, ст. 1422.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2017, № 12, ст. 1779.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой» // Собрание законодательства РФ, 25.11.2019, № 47, ст. 6737
10. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.03.1997, № 9, ст. 1011
11. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.02.2014, № 6, ст. 550
12. Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.06.2022, № 24, ст. 3943
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, 2003
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 10, октябрь, 2019

Семейно-бытовая преступность: факты и реалии

Кравченко Андрей Владимирович, студент магистратуры
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье автор с точки зрения доктринальных источников исследует понятие семейно-бытовой преступности, анализирует криминологическую классификацию конфликтных ситуаций, возникающих в семейно-бытовой сфере, предпринимает попытку теоретического осмысления данного вида преступности, с целью формирования определения.

Ключевые слова: семейно-бытовая преступность, семейное насилие, семья, конфликт.

Конституция Российской Федерации (далее — РФ) статьей 21 устанавливает, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Достоинство личности охраняется государством» [17]. VII разделом Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) установлены санкции за преступления против жизни и здоровья. Однако, «семейно-бытовое» или «семейное насилие» не только не имеет законодательного закрепления, но и само его существование отрицается общественностью и официальными властями.

Среди ученых также нет единства во мнениях по определению семейно-бытовых преступлений. Так, С.В. Максимов считает, что «это преступления, совершаемые на почве конкретно-личностных непроизводственных отношений, конфликтов, мотивированных неприязнью, завистью, местью, ревностью или хулиганскими побуждениями виновного, связанного с потерпевшим семейным, иным родственным или соседским общением» [8, с. 15]. По мнению Е.Г. Баалы «это уголовно-наказуемые деяния, посягающие на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь и достоинство, а также имущество граждан, являющиеся результатом разрешения конфликта виновным, связанным с потерпевшим семейным, родственным, соседским или дружеским общением» [5, с. 36]. Считаю определение Е.Г. Баалы наиболее приемлемым.

У всех семейно-бытовых преступлений выявлены общие признаки, которые характеризуются:

- конкретным местом совершения преступления. Обычно это квартира, дом, подъезд, дачный участок, гараж, придомовая территория;
- особыми взаимоотношениями между преступником и жертвой (супружескими, родственными, соседскими, дружескими);
- наличием между преступником и жертвой длительного, краткосрочного или одноразового конфликта;
- насильственным характером семейно-бытовых преступлений;
- совершением таких деяний в абсолютном большинстве случаев в состоянии алкогольного, или наркотического опьянения;
- ситуационным, заранее не подготовленным характером таких преступлений [1, с. 17].

В юридическом смысле семья — это люди, проживающие совместно и связанные друг с другом правовыми отношениями, появившимися после официального оформления брака. Специфика семьи заключается в том, что она «перерабатывает» общественные факторы в семейные. Все негативные процессы общества отрицательно сказываются на отношениях в семье.

Исследователи указывают, что пьянство и наркомания, половая распущенность и проституция, бесстыдное туне-

ядство делают людей примитивными тиранами и деспотами, агрессивными, жестокими [5, с. 38]. Таким образом, по мнению И.М. Мацкевич, «семья нивелирует положение в обществе, исходя из этого, причиной внутрисемейных насильственных преступлений являются безработица, бедность, нищета, что порождают депривацию, пьянство, алкоголизм, ощущение ненужности, выброшенности из общества, которые выступают непосредственными причинами преступности. Одновременно идет процесс криминализации образа жизни, навязанный новыми условиями, обусловленный необходимостью физического выживания» [9, с. 24].

Анализ эмпирических данных правоприменительной практики расследования уголовных дел в сфере семейно-бытовых конфликтов, проведенный независимыми экспертами показывает, что:

— большинство умышленного причинения вреда здоровью, совершенного на семейно-бытовой почве, происходит по месту совместного жительства преступников и потерпевших (около 90%), из них: 70% — в собственных изолированных квартирах; 14% — в коммунальных и общих квартирах; 6% совершается в общежитиях, и только 10% — на улице или в других местах общественного пользования;

— пик активности (64% всех бытовых преступлений, в том числе умышленного причинения вреда здоровью) приходится на вечернее и ночное время, на время, когда человек не занят на производстве;

— среди дней недели лидером по бытовым преступлениям, и в том числе умышленному причинению вреда здоровью, является пятница;

— рост и снижение бытовой преступности меняется в зависимости от времени года. В период повышения температуры окружающей среды (летнее время) люди могут находиться вне помещений, что снижает психологическую напряженность. В зимнее время большинство людей вынужденно находится в закрытых чаще всего в небольших помещениях, что способствует росту раздражения и возникновению личной неприязни, которая на фоне употребления алкоголя может перерасти в преступление» [16, с. 418].

Любые члены семьи могут стать объектом домашнего насильника. Обычно насилие имеет место между супругами (сожителями) и порождается ревностью, мстостью за действительные или мнимые обиды, неприязненными отношениями. Например, «муж Маргариты Грачевой вел себя с супругой агрессивно, женщина обращалась в полицию, но дело в отношении ее мужа возбуждать не стали, что привело к тому, что в январе 2017 года супруг вывез Маргариту Грачеву в лес и отрубил ей кисти обеих рук топором» [6, с. 137].

«Муж Елены Гершман избивал ее несколько раз, но в полиции говорили, что травмы недостаточно серьезны для привлечения супруга к ответственности. Когда Елена подала заявление о побоях в рамках ст. 116 УК РФ, дело было прекращено в связи с декриминализацией побоев в семье. В возбуждении дела об истязаниях по ст. 117 УК РФ ей также было отказано, так как, по оценке правоохранительных органов, муж не пытался наносить ей травмы систематически» [7, с. 137].

Г.В. Антонов-Романовский в своем исследовании указывает, что «супруги (жены и мужья) составляют, по данным выборочных исследований, около 35% потерпевших от бытовых насильственных преступлений, а сожительницы и сожители — около 30%. Потерпевшие женского пола составляют 80% от всех жертв преступного насилия в семье. Родители, братья, сестры, иные родственники — около 15% всех жертв бытовых насильственных преступлений, тогда как соседи — 10%. В совокупности все жертвы бытовых насильственных преступлений, не связанные узами брака, родства и свойства с преступниками составляют примерно 20%. Около 80% бытовых преступлений совершается в состоянии опьянения» [3].

Согласно данным Росстата за 2019 год, по преступлениям, совершенным в отношении члена семьи, 69,7% женщин и 30,3% мужчин являются потерпевшими. В 2020 году она составила 70,9% женщин, а в 2021 году — 71,7%. Общее число женщин, погибших в семейно-бытовых конфликтах составило: в 2015 году — 304; в 2016 году — 352; в 2017 году — 288; в 2018 году — 253; в 2019 году — 243.

За время пандемии коронавируса (2020-2021 гг.) жертвами домашнего насилия стали более 70% всех убитых в России женщин — это 2680 женщин. За период с 2011 по 2019 годы анализ приговоров показал, что за восемь лет в России от рук мужей и сожителей погибли 12209 женщин¹.

На законодательном уровне нет специального закона о домашнем (бытовом) насилии, хотя вопрос о его принятии активно обсуждается в обществе. Теи ни менее, тема защиты от домашнего насилия будет включена в Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2023-2030 годы, разрабатываемую Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации.

Особую обеспокоенность вызывает семейно-бытовая преступность в отношении несовершеннолетних детей, престарелых родителей.

Насилие против престарелых родителей (как правило, со стороны сыновей) обычно представляет собой ретрансляцию детских обид, «возвращение ударов».

Что касается детей — жертв насилия в семье, то они находятся еще и в правовой зависимости от тех, кто совер-

1 Статистику обнародовал правозащитный Консорциум женских неправительственных организаций, который занимается юридическим сопровождением жертв домашнего насилия. Такие данные были получены после анализа 11 175 судебных приговоров, размещенных в открытом доступе на государственной автоматизированной системе «Правосудие» и сайте Мосгорсуда вынесенных за «убийство», «убийство в состоянии аффекта» и «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Статистика преступности Росстат: по полу, возрасту и виду [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/> (Дата обращения: 15.09.2022 г.).

шает в отношении них насильственные действия. Их инициаторами, как правило, являются родители, близкие родственники. «Ежегодно около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями. Для многих из этих детей исходом является смерть. Более 50 тысяч детей в течение года уходят из дома, спасаясь от собственных родителей, 25 тысяч несовершеннолетних находятся в розыске» [10].

По результатам исследования Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского «жестокое обращение в семье терпят в основном дети 6-7 лет; 60-70% таких детей, постоянно избиваемых своими родителями, отчимами (мачехами), сожителями матери (отца), отстают в развитии, страдают различными физическими, психологическими и эмоциональными расстройствами» [10]. Многие дети являются жертвами «пьяной педагогики», которая подчас приводит к трагическим для ребенка последствиям.

Как правило, преступления, совершенным по бытовым мотивам (ревность, алкоголизм, хулиганство), предшествуют длительные семейные конфликты. По мнению Е.О. Алауханова «циклически повторяющиеся криминально-конфликтные ситуации продолжаются в среднем в 33% случаев от полугода до трех лет, а в 63% случаев — от трех до восьми и более лет» [2, с. 159].

Конфликт — это столкновение противоположностей по различным мотивам. В основе конфликта — межличностные антипатии, психологическая несовместимость, особенности характера и т.д. Прогрессируя конфликт, создает невыносимую обстановку, разрешением которой становится семейное насилие. «В большинстве случаев, конфликт лежал в основе 84% умышленных убийств, 78% тяжких и 86% менее тяжких телесных повреждений, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений, а также 98% истязаний, 73% случаев хулиганства в квартирах и общежитиях» [10].

По сути, конфликт возникает там, где нет непосредственного контроля со стороны государственных органов и общественных организаций за поведением граждан, то есть в семейно-бытовых отношениях.

Криминологические классификации конфликтных ситуаций, возникающих в семейно-бытовой сфере различны. Наиболее обоснованной представляется следующая:

- преступление как итог длительного и острого конфликта, инициатором которого был преступник;
- преступление, явившееся следствием конфликтного поведения потерпевшего;
- преступление как результат аморального образа жизни преступника и потерпевшего (на почве совместных пьянок и т.п.);
- преступление, явившееся следствием разрешения преступником внутриличностного конфликта обще-

ственно опасным способом в объективно нейтральной ситуации» [14, с. 125].

Так, «Никитин Е.Г. примерно в 16 часов 40 минут, находясь по месту своего жительства, в ходе ссоры, возникшей на почве длительных личных неприязненных отношений со своей бывшей супругой Никитиной А.В., имея умысел на угрозу убийством в отношении последней, взял в руки кухонный нож, после чего, действуя во исполнение задуманного, демонстрируя указанный нож, формируя тем самым у потерпевшей Никитиной А.В. стойкую уверенность в применении в отношении нее насилия, замахнулся им на Никитину А.В., сопровождая свои действия угрозами физической расправы в адрес последней, при этом потерпевшая восприняла данную угрозу как реальную» [12].

Интенсивность развития бытового конфликта идет по нарастающей, что в конечном итоге находит выход в неправомерном разрешении ситуации — в совершении преступления, аутоагрессии¹, суициде.

Правомерным разрешением конфликтов является развод. «Последние 20 лет число разводов в России начинает постепенно сокращаться, однако такая тенденция весьма неустойчива. Наибольшее число разводов за последние 70 лет было зафиксировано в 2002 году — 853647 разводов, а за последние 20 лет скачок разводимости наблюдался в 2008 году — 703412 разводов. И, напротив, меньше всего граждане России за последние 30 лет развелись в ковидный 2020 год.

Количество зарегистрированных браков в 2020 году — 770760, в 2019 году — 950167. Количество оформленных разводов в 2020 году — 564033, в 2019 году — 620730» [13]. Развод негативно влияет на психику детей, ведет к их дезадаптации в обществе. По данным Росстата ежегодно разводы затрагивают около двух миллионов несовершеннолетних».

Различают два вида неблагополучных семей — дезорганизованные и проблемные. Для первых характерны конфликты внутри семьи, между ее членами. Для вторых — напряженность внутрисемейных отношений, отсутствие общих интересов, взаимопонимания, которые дополняются конфликтами во вне семейной сфере, вызванными тунеядством, аморальностью, пьянством и т.д. [4, с. 91].

Так, одной из причин конфликта является форма проявления семейной власти, когда один из супругов претендует на роль «главы» без учета мнения других членов семьи. Как правило, это проявляется в поведенческой сфере — от морального давления до прямого насилия, перерастающего в преступление.

Связь бытовой преступности с пьянством и наркоманией обусловлена отрицательным воздействием данных веществ на человеческий организм, в частности на нервную систему и течение психических процессов, что в конечном итоге провоцирует конфликт.

1 Аутоагрессия – активность, нацеленная на причинение себе вреда в физической и психической сферах/

Как правило, преступления в сфере семейно-бытовых отношений в основном совершаются мужчинами (90%) в возрасте 20-35 лет, не занятыми общественно полезным трудом, злоупотребляющими алкоголем и наркотиками [15].

Таким образом, семейно-бытовые преступления в России являются широко распространенным явлением. Данный вид правонарушения официально не закреплен

в нормативных правовых актах и не имеет легального определения, тем не менее, из всего вышесказанного следует, что семейно-бытовая преступность — это умышленные общественно-опасные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом семейные отношения, однако принятие законопроекта о домашнем насилии преждевременно.

Литература:

1. Абельцев, С. Н. Семейные конфликты и преступления // Российская юстиция. — 1999. — № 5.
2. Алауханов, Е. О. Криминология. — М.: Юридический центр. 2013.
3. Антонов-Романовский, Г. В. Энциклопедия юриста. Преступность бытовая [Электронный ресурс]. — URL: <http://law.niv.ru/doc/encyclopedia/law/articles/338/prestupnost-bytovaya.htm> (Дата обращения: 09.11.2022).
4. Антонян, Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 2.
5. Бааль, Е. Г. Понятие и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере жилищно-бытовых отношений // Труды Омской ВШ МВД СССР. — 1978. — № 29.
6. Зубарева, К. В. Насилие в семье как основной показатель при квалификации // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 6-4 (96).
7. Лысова, А. В. Насилие в семье. Основные теоретические проблемы. — Владивосток, 2001.
8. Максимов, С. В., Ревин В. П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики. — М.: Норма, 1993.
9. Мацкевич, И. М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. — 2013. — № 19.
10. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ: статистические данные [Электронный ресурс]. — URL: www.genprok.gov.ru (Дата обращения: 09.10.2022).
11. Побегайло, Э. Ф. Криминологическая характеристика личности насильственных преступников и детерминация насильственных преступлений // Криминология. — 2008. — № 1 (14).
12. Приговор Бабушкинского районного суда (Город Москва) от 25.05.2017 г. по уголовному делу № 1-97/2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>. (Дата обращения: 16.09.2022).
13. Развод в цифрах — статистика разводов в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.planeta-zakona.ru/blog/razvod-v-tsifrakh-statistika-razvodov-v-rossii.html> (Дата обращения: 16.09.2022).
14. Саламова, С. Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. — 2018. — № 9 (142).
15. Статистика преступности Росстат: по полу, возрасту и виду [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosinfostat.ru/prestupnost/> (Дата обращения: 10.11.2022).
16. Тимошенко, С. Е. Особенности криминологической характеристики убийств, совершенных на семейно-бытовой почве // Вопросы раскрытия, расследования и профилактики преступлений: материалы IX научной конференции Омской юридической академии. — 2017. — № 1.
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (Дата обращения: 10.11.2022).

Семейное неблагополучие как условие формирования личности преступника

Кравченко Андрей Владимирович, студент магистратуры
 Научный руководитель: Сутурин Михаил Александрович, кандидат юридических наук, доцент
 Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что в настоящее время не существует действенной комплексной методики борьбы с формированием личности преступника в неблагополучных семьях. В рамках существующей профилактики и борьбы с преступностью очень незначительную роль занимает противодействие девиантному поведению внутри семьи и ограждение несовершеннолетних от деструктивной модели поведения своих ближайших родственников, что влечет за собой увеличение вероятности появления криминального элемента в лице повзрослевшего члена семьи.

Ключевые слова: семья, деструктивная семья, семейное неблагополучие, личность преступника, криминогенные факторы, Российская Федерация.

Family trouble as a condition for the formation of the identity of the offender

Kravchenko Andrey Vladimirovich, student master's degree
 Scientific adviser: Suturin Mikhail Aleksandrovich, candidate of legal sciences, associate professor
 East-Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Irkutsk)

The relevance of the topic under study is due to the fact that at present there is no effective comprehensive methodology for combating the formation of the personality of a criminal in dysfunctional families. Within the framework of the existing prevention and fight against crime, a very insignificant role is occupied by counteracting deviant behavior within the family and protecting minors from the destructive behavior of their closest relatives, which entails an increase in the likelihood of a criminal element appearing in the person of an adult family member.

Keywords: family, destructive family, family trouble, the identity of the perpetrator, criminogenic factors, Russian Federation.

Личность преступника формируется целым рядом условий и факторов, сопровождающих индивида на протяжении всей жизни. Однако, наибольшее негативное влияние может распространяться на уровне семейных взаимоотношений, где члены семьи, своим активным участием, дают пример ценностных установок и жизненных ориентиров.

Под личностью преступника понимается совокупность ее социально значимых негативных свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение. [1, с. 186]

Основополагающие факторы становления личности преступника в семье представлены следующим образом:

- дефектное семейное воспитание;
- пробелы системы образования;
- неспособность мирного способа разрешения конфликтных ситуаций;
- злоупотребление алкоголем и наркотическими средствами;
- психические аномалии, влияющие на моральные установки и ценностные ориентиры;
- аморальное поведение жертв семейно-бытового насилия;
- отсутствие надлежащего материального достатка в семье;
- наличие проблематики в области реагирования правоохранительных органов на сообщения о бытовых конфликтах.

Следует отметить, что большинство лиц, осужденных за совершение бытовых преступлений, формировались в точно таких же условиях взаимного уничтожения и криминогенной атмосферы. Таким образом устанавливается круговая порука, те кто воспитывался и рос в условиях семейно-бытовой преступности сами воспроизводят похожие условия в своей нынешней семье, считая их общепринятыми и соответствующими их маргинальным ценностям.

Также, на фоне постоянного неблагополучия, выраженного посредством ссор и драк, оскорблений и других стрессовых ситуаций у потенциальных преступников наблюдается эмоциональный дисбаланс и нарушение психики.

Не существует четко определенного понятия «неблагополучная семья», вместо этого принято употреблять такие синонимы как: дисфункциональная семья, деструктивная семья и так далее. Однако, обладая совокупной информацией по каждому из этих понятий можно сделать вывод что неблагополучная семья, — это семья, в которой процесс социального взаимодействия и функционирования имеет устойчивую дефективную направленность по отношению к социуму, выраженный посредством безответственного отношения к родительским, попечительским и иным обязанностям.

На протяжении нескольких лет в Российской Федерации отмечается тенденция на возрастание удельного веса преступлений, совершаемых в семейно-бытовой

сфере, являющихся признаком семейного неблагополучия. Это обусловлено целым рядом причин, выраженных в виде социально-экономического положения населения. Безработица, употребление спиртных напитков и наркотиков, безусловно, отягощают ситуацию, превращая семейно-бытовую преступность в проблему государственного масштаба. Физическое и психологическое насилие не только является деструктивными взаимоотношениями в социуме, но и также повышает вероятность обогащения окружающей среды криминальными элементами, благодаря чему повышается возможность становления личности преступника на ранних этапах формирования личности.

К правонарушениям, совершенным в сфере семейно-бытовых отношений, относятся противоправные деяния, посягающие на жизнь и здоровье, личную свободу, честь и достоинство людей, общественный порядок, в основе которых лежат неприязненные взаимоотношения либо внезапно возникшие конфликты между близкими родственниками, членами семьи. [2]

Для начала, необходимо понять как институт семьи формирует общие ценности и дает направление развития в сторону девиантного поведения в обществе со стороны ее членов.

Институт семьи всегда являлся благодатной почвой для различного рода исследований. Тому причиной служит её первоначальные функции по социализации и взаимодействию с обществом, которые имеют огромное значение, в первую очередь, для самих членов семьи. Таким образом семья выступает в качестве некоего фильтра или же катализатора общественных отношений, влияющих на формирование личности ребенка.

Процесс формирования личности преступника имеет длительный характер, однако самые важные и первостепенные конъектуры прививаются на стадии взросления индивида.

Общее отрицательное воздействие семьи выявляется в стереотипах жестокости, в присутствии в семье лиц, привлекавшихся не только к административной, но и уголовной ответственности, в том числе и нанесении физического или психологического ущерба членам семьи. Имеют место быть случаи, когда у ребенка прослеживаются правильные жизненные установки и ориентиры, однако под воздействием неблагополучной семьи происходят метаморфозы в дегенеративное русло, проявляемое в лице: пренебрежительного отношения к нравственным и правовым запретам, образцов противоправного поведения, преступной деятельности.

Существуют объективные и субъективные обстоятельства, способствующие формированию личности преступника в подсознании ребенка. К таковым можно причислить:

- бытовое насилие;
- неполная семья;
- отсутствие взаимопонимания;
- нравственно-педагогическая позиция семьи.

К нравственно-педагогической ущербности этого типа социальной микросреды относятся и случаи, когда члены семьи совершают преступления, иные противоправные деяния, аморальные поступки, не предпринимая попыток прямого вовлечения других ее членов в антиобщественную деятельность. Примерно в 30% случаев лица, ставшие преступниками, воспитывались в семьях, где они сталкивались с постоянным отрицательным примером родителей — систематическими пьянками, проявлением жестокости, развратным поведением родителей или лиц, их заменяющих, и так далее. [3, с. 92]

Предупреждение семейного неблагополучия со стороны государства разделяется на два направления.

Одно из них представлено в виде социальной помощи и защиты, основными задачами которой является повышение уровня жизни каждой отдельно взятой семьи, финансово-материальная поддержка, пропаганда здоровых взаимоотношений. Для этого предусмотрены различные социальные фонды, оказывающие финансовую поддержку, в том числе: выплаты по беременности, по уходу за ребенком, материнский капитал и так далее. Прежде всего, это помогает получить должное образование и место жительства, что в значительной мере уменьшает шансы на проявление криминогенных наклонностей в семье. Далее, имеется ряд организаций, помогающих в трудоустройстве и социализации неблагополучных семей, существуют соцработники, социальные педагоги, психологи и иные кадры, призванные следить за психологическим здоровьем семьи.

На данный момент существует около 30 социальных гостиных для женщин с несовершеннолетними детьми, 34 кризисных центра и втрое большее количество кризисных отделений. Они выполняют функции структурных подразделений социального обслуживания населения, где каждый гражданин имеет право на получение квалифицированной помощи.

Вторым направлением по предупреждению и профилактике семейного неблагополучия выступают правоохранительные органы. К примеру, наиболее ответственную работу проводят службы участковых уполномоченных полиции, которые, совместно с инспекторами по делам несовершеннолетних, проводят следующие мероприятия:

- создание паспортов наиболее криминогенных локаций с указанием адресов и сопутствующих данных;
- проведение проверок сохранности гражданского огнестрельного оружия;
- выступление в СМИ по вопросам профилактики семейно-бытового насилия с разъяснением действующего законодательства;
- проведение комплексных профилактических мероприятий и так далее.

Также, существуют специальные меры по предупреждению насилия в семье, являющиеся определенными формами реагирования органов внутренних дел на осуществление такого рода насилия. Прежде всего, они представлены следующим образом:

— незамедлительное устранение угрозы жизни и здоровью лица, а также других членов семьи, пострадавших от насилия внутри семьи;

— задержание виновного лица и пресечение его попыток на совершение новых эпизодов семейного насилия;

— привлечение виновного лица к уголовной или административной ответственности;

— помещение лица, пострадавшего лица в безопасное место или убежище с его согласия, в том случае, если имеется угроза его жизни и здоровью.

Прежде всего, следует понимать первоначальную природу криминогенных факторов на пути становления личности преступника. Они существуют по вполне объективным причинам, их можно отследить, принять соответствующие меры и ликвидировать еще до того момента, как они принесут непоправимый ущерб обществу.

В качестве мер противодействия семейному неблагополучию, являющимся одни из таких факторов, зачастую требуется лишь два узконаправленных, но одновременно с этим и самых эффективных метода, а именно:

— повышение уровня жизни населения;

— пропаганда здоровых общественных отношений как внутри семьи, так и за ее пределами.

С первым методом государственная политика справляется более чем хорошо. Так как существует целый ряд различных фондов, основной задачей которых является материальная помощь семье, попавшей в затруднительное положение. Имеют место быть бюджетные места как на воспитание детей, так и на их обучение, трудоу-

стройство членов семьи, социализация и так далее. Однако, следует учесть, что выдача материальной помощи, это еще не гарант того, что ей распределяться правильно сами лица, получающие помощь. Несмотря на целевой характер выдаваемых средств, граждане находят пробелы в законодательстве для использования в личных целях, которые далеко не всегда совпадают с улучшением качества жизни отдельно взятой семьи. Из чего следует необходимость по ужесточению контроля за эффективностью расходования и распределения материальной помощи.

Второй метод имеет превалирующее значение, так как он влияет на становление правильных морально-этических установок, препятствующих самой идеи о противоправных действиях, как недопустимых или аморальных. На пути к успешной реализации данного метода стоит отсутствие единой, то есть комплексной и консолидированной деятельности субъектов профилактической работы. Безусловно, существуют программы по пропаганде здоровых отношений в средствах массовой информации, однако нельзя с уверенностью сказать, что они имеют комплексный характер. В целях чего рекомендуется внедрение законодательных инициатив по расширению и углублению пропаганды здоровых отношений на территории Российской Федерации.

Противодействие семейному неблагополучию как условию формирования личности преступника должно включать в себя не только экономическую, но и также социальную поддержку семьи, целью которой является развитие антикриминогенных факторов.

Литература:

1. Шиханцов, Г. Г. Криминология. Учебное пособие // Под ред. Кукушкина Е. Е., Минск, Изд. 2006. — 186 с.
2. Ильина, Г. А. Бытовая преступность: стороны конфликта, причины, ответственность. Новостной блок комиссии по профилактике правонарушений. 2022 г. [Электронный ресурс]: <https://www.admrad.ru/bytovaja-prestupnost-storony-konflikta-prichiny-otvetstvennost-2/>
3. Алауханов, Е. О. Криминология. Учебное пособие // 2-е изд., доп. под ред. Меньшакова И. С., М., 2022 г. — 92 с.

Понятие и виды преступлений в сфере экономической деятельности

Красильникова Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В настоящей статье автор анализирует понятие преступлений в сфере экономической деятельности, а также предлагаемые варианты классификации данных посягательств. Кроме того, проводится соотношение понятий «преступления в сфере экономической деятельности» и «экономические преступления».

Ключевые слова: экономическая деятельность, экономика, предпринимательская деятельность.

В последнее время замечен скачек проблем и трудностей экономического характера и, как результат, социальной напряженности. Отмечаются признаки экономического кризиса. Трудности в экономической сфере возникают не только из-за политических аспектов,

но и в связи с преступным влиянием на данную сферу. В различных сферах экономики действуют целые преступные синдикаты по легализации преступных капиталов, обналичиванию денег, незаконное предпринимательство, фиктивному и преднамеренному банкротству

юридических лиц, хищению денежных средств с банковских счетов и из банков и иных финансовых учреждений.

По данным МВД России в 2020 году по сравнению с 2019 годом на 0,5% увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 105,5 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 5,2%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 339,5 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 61,2%.

Негативная тенденция, отмеченная в 2020 году, сохранилась и в 2021 году. В частности, число экономических преступлений в 2021 году увеличилось на 11,6%. Всего выявлено 117,7 тыс. преступлений данной категории. Соответственно удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 5,9%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 641,9 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 57,8% [6].

Приведенная статистика свидетельствует о довольно большом удельном весе экономических преступлений в целом, в совокупной преступности, официально регистрируемой в Российской Федерации. Что, в свою очередь, свидетельствует о безусловной актуальности вопросов противодействия ей, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Вместе с тем, изучение данной преступности и, тем более, разработка мер по повышению эффективности ее предупреждения, сталкиваются с рядом проблем правового и научного характера.

Преступления в сфере экономической деятельности размещены в Главе 22 Раздела 8 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) [7]. Соответственно родовым объектом данных посягательств являются отношения в сфере экономики, а видовым — отношения в сфере экономической деятельности в обобщенном смысле.

Экономика традиционно понимается как система общественных отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления.

Что касается экономической деятельности, то под ней понимается задействование ресурсов, производственный процесс и выпуск продукции (товаров или услуг) [5].

Виды экономической деятельности разнообразны, что отражено в конкретных составах преступления, размещенных в главе 22 УК РФ.

Традиционно преступления принято делить на виды в зависимости от непосредственного объекта посягательства [2, с. 16]. Однако анализ научных статей, монографий и учебников на предмет классификации преступлений в сфере экономической деятельности на виды показывает

отсутствие единства мнений среди ученых по данному вопросу.

Так, В.Т. Батычко классифицирует преступления в сфере экономической деятельности на три группы: в сфере предпринимательства; в денежно-кредитной сфере; в сфере финансовой деятельности государства [1, с. 50].

Данная классификация, по нашему мнению, не лишена недостатков. Прежде всего, автор слишком «укрупнил» группы, включив в одну группу преступления, посягающие на разные виды экономической деятельности. Например, В.Т. Батычко отнес к преступлениям в сфере предпринимательства состав преступления, предусмотренный ст. 170 УК РФ, где речь идет о регистрации незаконных сделок с недвижимостью [1, с. 50].

Б.В. Яценко также подразделяет рассматриваемую категорию преступлений на три группы:

— «преступления в области предпринимательства, другой экономической (финансовой) деятельности (ст. ст. 169-172.3, 173.1-175, 178-180, 183, 184, 195-197 УК РФ);

— преступления, использующие в качестве орудия совершения данных правонарушений сами денежные и кредитные средства (ст. ст. 176, 177, 181, 185-187 УК РФ);

— общественно-опасные деяния, затрагивающие объекты федерального уровня, в том числе в сфере безопасности государства (в части экономической (финансовой) сферы) (ст. ст. 189-194, 198, 199 УК РФ)». [8, с. 145].

Более детальную классификацию проводит И.А. Клепицкий, подразделяя преступления в сфере экономической деятельности на семь групп [4, с. 25].

Мы считаем, что преступления в сфере экономической деятельности необходимо подразделить на следующие группы (виды):

— преступления в сфере предпринимательской и связанной с ней деятельностью — ст. ст. 169, 170.1, 171-171.5, 173.1-173.2, 175, 178, 179, 180, 183, 184, 185.3, 185.5, 185.6, 189, 195, 196, 197, 200.3, 200.4, 200.5, 200.6, 200.7 УК РФ;

— преступления в банковской и финансовой сферах — ст. ст. 172-172.3, 174-174.1, 171-171.5, 180 УК РФ;

— преступления в сфере денежно-кредитных отношений — ст. ст. 176, 177, 172.3, 174-174.1, 171-171.5, 185, 185.1, 185.2, 186, 187 УК РФ;

— преступления в сфере внешнеэкономических отношений — ст. ст. 190, 193, 193.1, 194, 200.1, 200.2, 172.3, 174-174.1, 171-171.5, 185, 185.1, 185.2, 186, 187, 193, 193.1 УК РФ;

— преступления в сфере налоговых отношениях и других обязательных платежей — ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3, 199.4, 171-171.5, 185, 185.1, 185.2, 186, 187, 193, 193.1 УК РФ.

Таким образом, учитывая всё многообразие экономических отношений, под преступлениями в сфере экономической деятельности следует понимать общественно опасные посягательства, совершаемые в предпринимательской, банковской, денежно-кредитной, внешнеэкономической, налоговой и иных сферах деятельности.

При этом понятие «преступления в сфере экономической деятельности» не тождественно понятию «экономические преступления». Последние определены шире, включая все преступления, затрагивающие экономические отношения. Это не только преступления в сфере экономической деятельности (ст. ст. 169-200.7 УК РФ), но и против собственности (ст. ст. 158-168 УК РФ), против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. ст. 169-204.2 УК РФ), а также общественно опасные деяния, размещенные в других разделах УК РФ. К примеру, нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ).

Анализируя конкретные сферы экономической деятельности, в которых совершаются преступления, предусмотренные главой 22, необходимо отметить, что для выработки понятийного аппарата в данном случае необходимо обращаться к другим отраслям права, прежде всего, гражданского.

Так, в п. 3 ч. 1 ст. 2 части первой Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) дается определение предпринимательской деятельности. Это самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой страх и риск с целью систематического получения прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, занимающиеся такой деятельностью, подлежат обязательной по закону регистрации, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ [3].

Необходимо обратить внимание на то, что регистрация — это не право, а обязанность лица, занимающегося предпринимательской деятельностью. На это указывают положения ст. 23 ГК РФ, согласно которым гражданин имеет право заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого лица, и ч. 1 ст. 51 ГК РФ, в которой указывается, что гражданин имеет право заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого лица, а юридическое лицо подлежит государственной регистрации в уполномоченном государственном органе в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [9].

Моментом государственной регистрации является внесение регистрирующим органом соответствующей записи в соответствующий реестр.

Что касается необходимости получения лицензии, то перечень видов деятельности, подлежащих лицензированию, приведен в ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [10].

Литература:

1. Батычко, В. Т. Уголовное право. Особенная часть: конспект лекций. — Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010.
2. Гаухман, Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. — М., 1998.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Клепичский, И. А. Система хозяйственных преступлений. — М.: Статут, 2005.
5. Приказ Росстата от 31.12.2014 г. № 742 «О Методических указаниях по определению основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) для формирования сводной официальной статистической информации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Статистика и аналитика // Состояние преступности за 2019, 2020, 2021 г. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 31.10.2022).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25 (часть I). Ст. 3431.
8. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник/под ред.: Рагоз А. И. — М.: Изд-во ИМПЭ, 1996.
9. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 2954.
10. Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

Становление системы наказаний в российском уголовном законодательстве

Ксьонжик Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В данной статье обзорно исследованы изменения, происходящие в системе уголовного и уголовно-исполнительного права России.

Ключевые слова: лишение свободы, вид наказания, уголовное наказание, условное осуждение, исправление осужденных, тюрьма, место лишения свободы.

В исторической ретроспективе «цель уголовного дела всегда одна и та же, а именно установление виновного и его наказание после установления вины. Однако меры, ведущие к этой цели, могут быть самыми разнообразными.

В каждой стране определяются конкретные внутренние и внешние факторы. В случае России можно сделать вывод, что ее правовая система изначально развивалась преимущественно эволюционным путем и если и меняла форму, то всегда сохраняла некоторые исторически обусловленные традиции. Неписанные обычаи удачно дополнили свод норм писаного права, во многих случаях удачно нивелировав его недостатки. Благодаря этому право могло относительно быстро адаптироваться к текущим социальным потребностям. Ситуация меняется в связи с усилением центральной власти. С момента объединения России в XV веке под властью Москвы высшим приоритетом российской политики в области права и суда стала защита широко понимаемых интересов государства как внутри страны, так и за ее пределами. Это было не случайно, учитывая, что для России сильная государственная организация всегда была условием сохранения территориального единства и развития.

Долгое время судебная власть здесь была тесно связана с административной властью, всегда полностью ей подчинялась. На смену следственному процессу, характеризующемуся преобладанием публичных интересов, приходит противоречивый уголовный процесс, в котором частные интересы являются приоритетным объектом правовой защиты.

Масштабные административно-правовые реформы привели к созданию ранее неизвестных отечественному праву институтов: суда присяжных, адвокатуры, независимого и полностью независимого суда. В сочетании с открытостью и откровенностью реформированного уголовного судопроизводства расширение права обвиняемого на защиту, соблюдение принципа равенства всех граждан перед законом. Эти институты коренным образом изменили прежний облик российского правосудия. Полученный опыт оказался достаточно положительным, чтобы вернуться к этим идеям спустя многие десятилетия.

Обычай мести, исторически следующий из первых правовых обычаев, лег в первооснову пенитенциарной политики в качестве проявления мести от государства. Впервые тюремное заключение как вид наказания в рос-

сийском уголовном праве появилось в 1550 г., в Судебнике Ивана IV. Особенностью явилось то, что точный срок такого заключения не был указан. Устанавливались три типа мест заключения [3]:

- частные тюрьмы (располагались на тюремных дворах зажиточных феодалов, лиц содержали в дворовых постройках, ямниках);
- государственные тюрьмы;
- монастыри (отбытие наказания за религиозные преступления).

В монастырях существовали довольно жестокие условия отбывания наказания вплоть до в XIX в.

Цель исправления осужденного не стояла. Как указывал Н. С. Таганцев, «чиновники Российской империи были озабочены только тем, чтобы арестованные не могли сбежать из тюрем. Никакие другие цели они не преследовали». [14]

Впервые задача уголовного наказания была сформулирована в Соборном уложении 1649 года. На тот момент она выражалась в формировании страха перед уголовным наказанием, а также в изоляции осужденных с целью предупреждения совершения аналогичных деяний. Вопросы условий и порядка отбывания наказания регламентированы еще не были, они были отнесены к компетенции административных тюремных учреждений. Впервые получили упоминание конкретные сроки лишения свободы.

В 1715 г. Петр I издал Воинский артикул, установивший новые места отбывания наказаний: каторга и галеры. Отбывая наказание в особых местах заключения, осужденный своим трудом приносил несомненную пользу государству, выполняя строительные работы [13].

Морской устав, принятый в 1720 г., ввел новый вид наказания — ссылку. Осужденное к данному виду наказания лицо теряло право проживать в центральных районах государства, изгонялось на окраины. Различалось три вида ссылки: на работы, на поселение, в тюрьму. Данный вид наказания возымел решающее значение для внутримиграционной политики государства, поскольку, несмотря на возросшее количество осужденных и ограниченную заполняемость тюрем, разрешал проблему создания поселений на окраинах государств.

За наиболее тяжкие преступления следовало одно из наиболее тяжелых наказаний — каторжные работы. Осужденные направлялись в географически отдаленные от столицы районы, где их труд использовался на самых

тяжелых видах работ. Каторжане активно использовались при строительстве городов, гаваней, при застройке промышленных кварталов. Условия и порядок отбывания новых видов наказания прописаны не были, они получили дальнейшее развитие лишь в более поздних законодательных актах этой эпохи. Поскольку осужденные являлись бесплатной рабочей силой, используемой для градостроения и ресурсодобычи, единственными показателями вида наказания были фискальные показатели, поскольку осужденные были бесплатной рабочей силой, направляемой на строительство [16].

Подводя итог, можно сказать, что первая половина XVIII в. практически не оказала существенного влияния на существующую систему уголовного и уголовно-исполнительного права. Особо остро в данное время стояла проблема труда.

В 1721 г. Сводом правил Главного магистрата, в целях самообеспечения осужденными пропитания, в нескольких городах России были созданы смиренные дома для мужчин и прядильно-ткацкие дома для женщин. Деятельность данных учреждений была направлена на получение дохода от труда лиц, осужденных к заключению. Тем не менее, главной целью государственных деятелей было устрашение населения, поскольку очень широко применялась смертная казнь.

Судебное рассмотрение преступного деяния в тот период носило весьма формальный характер. Для вынесения приговора было достаточно признать состоявшимся факт преступления. Широко применялись телесные виды наказаний, смертная казнь, их применение носило публичный и демонстративный характер, по прежнему преследуя цель устрашения населения, предупреждения совершения новых преступлений, а также как первичная форма реабилитации поправленных прав и интересов потерпевших лиц. Наказание в виде изоляции от общества на определенный срок в сравнении с вышеуказанными видами наказаний применялось существенно реже [15].

До середины XIX в. вступавший в законную силу приговор старался уравнивать вред, причиненный преступлением и назначенное за данное деяние наказание, тем самым определяя его как месть. Наказание в обязательном порядке предусматривало социальную изоляцию виновного, физические и моральные мучения.

Принятый в 1832 г. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и о ссыльных ознаменовал собой первую систематизацию нормативно-правовых актов в уголовно-исполнительном праве той эпохи. Первая часть данного свода содержала в себе положения о тюремном заключении, вторая подробно рассказывала о ссылке. Примечательны данный документ также тем, что в нем законодатель впервые попытался создать обособленные разделы: материальные, процессуальные и исполнительные нормы. Из этого следует вывод, что уголовно-исполнительное право сформировалась из собственной базы, а не когда-то отделилось от уголовного права [5].

Центральное место в системе наказаний заняло лишение свободы, приобретя знакомые современнику черты: принудительный характер исполнения, социальная изоляция лица в специализированном учреждении.

Пенитенциарная система заметно шагнула вперед с принятием в 1845 г. первого уголовного кодекса в истории России — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Система наказаний приобрела сословный характер, были определены 11 родов наказаний, в свою очередь делившиеся на 35 ступеней.

Наказания делились на уголовные и исправительные, их порядок их назначения и применения подробно регламентировался [4]. Первая категория предусматривала смертную казнь, лишение всех прав состояния (фактически, гражданская смерть), ссылка на каторгу, на поселение в Сибирь и Кавказ. Исправительные наказания представляли собой лишение определенных преимуществ и прав, службу в арестантской роте, заключение в тюрьме, работном доме, денежные взыскания, выговор и внушение, телесные наказания. Арест понимался как помещение в специализированное учреждение на краткий период: от одного дня до трех месяцев. В целях совершенствования уголовно-испытательной системы позднее увидели свет Устав о ссыльных, Инструкция смотрителю губернского тюремного замка и др.

Ряд исследователей (например, Гернет М. Н. [3]) полагают, что пенитенциарное законодательство России берет истоки лишь с середины

XIX в., когда были четко сформулированы цели лишения свободы как вида уголовного наказания. Цели исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений пришли на смену главенствовавшей ранее цели устрашения и запугивания. Законодатель стал применять иные меры для принуждения населения к правомерному поведению.

Связи с историческими тенденциями, тюремная политика также претерпела изменения. Различные категории осужденных были четко разграничены при определении условий содержания. Возросло значение и количество исправительных учреждений. Ссылка, ранее применявшаяся довольно широко, потеряла свою значимость, поскольку страна остро нуждалась в рабочей силе. Труд осужденных получил разделение на принудительный и обязательный [1].

11 декабря 1879 г. был принят закон «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях». Новеллой данного нормативно-правового акта стало снятие ранее существовавших правоограничений при аресте. Лица, подвергнутые аресту, стали дифференцироваться по половому, возрастному и классовому признаку. Мужчины содержались отдельно от женщин; несовершеннолетних, а также лиц высшего сословия изолировали от основной массы арестантов. Отдельно друг от друга содержались лица, в отношении которых при-

говор уже был постановлен и лица, которые еще находились под следствием и ожидали разрешения своей судьбы.

Существенно изменились порядок и условия отбывания тюремного заключения. Закон от 11 декабря 1879 г. указал на существенные недостатки уголовно-исполнительной системы Российской Империи. Необходимо было внести изменения в устоявшиеся порядки. На первое место встала цель исправления осужденных, в связи с чем законодателем установлена следующая градация специализированных учреждений для отбывания наказания:

- краткосрочного содержания (тюремь);
- среднесрочного содержания (исправительные дома);
- долгосрочного содержания (карательные учреждения).

Исправление осужденных как цель уголовного наказания диктовало новое содержание лишения свободы как вида наказания — это явилось универсальной мерой, имевшей безусловный приоритет. Заключение в тюрьме имело верхнюю планку — один год в условиях одиночного заключения и строгое отбывание обязательных работ. Новый закон определял и новые условия порядка содержания в местах лишения свободы, вводилось обязательное применение мер воздействия воспитательного характера с момента начала уголовного преследования и до освобождения лица [1].

Устав о ссыльных соответствовал прогрессивным тенденциям пенитенциарной системы. Закреплялось отношение к каторжным, лишенное излишней суровости, направленное на поощрение осужденного. Существовала практика снижения сроков наказания на местах. Тем не менее, нельзя не учитывать, что гуманизация наказания в данной части была продиктована необходимостью решить проблему переполненных тюрем, мест ссылки и каторги [7].

На появление нового уголовного законодательства в России повлияло множество исторических, социально-экономических и финансовых факторов [10]. Своего рода революцией стала отмена крепостного права: существенные изменения претерпели социальная, политическая, финансовая, духовные сферы общественной жизни. Исключением не стало и уголовное право.

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало трехчленную классификацию преступлений в зависимости от тяжести назначаемых за их совершение наказаний, выделялись тяжкие преступления, преступления и проступки. Данный подход перекликается с современным определением категории преступления, которая, помимо привязки к общественной опасности деяния, также поставлена в зависимость от срока максимального наказания. Новая дифференциация преступлений на три группы была закономерным результатом развития системы уголовного и уголовно-исполнительного права [12].

Лишение свободы получило верхнюю планку в виде одного года одиночного заключения, а также предусматривало выполнение обязательных работ. Новая структура исправительных учреждений диктовала особенности вну-

треннего порядка в тюрьмах, где лишение свободы обязательно совмещалось с оказанием воспитательного воздействия на осужденных, распространявшегося на все время пребывания в стенах учреждения.

В советский период структура населения претерпела реформирование, устройство общества значительно менялось.

В конце XIX века появились предпосылки к появлению института условного осуждения. Ученые (А. А. Пионтковский, Н. С. Тимашев и др.) обосновывали необходимость введения условного осуждения лишь в отношении определенных категорий преступников [9].

После революции 1917 года все ранее существовавшие законы потеряли свою силу, новое государство активно создавало новую законодательную базу. В судебной практике активнее применялись наказания, не связанные с лишением свободы. Институт условно-досрочного освобождения получил свое закрепление в инструкции «О досрочном освобождении», утвержденной постановлением НКЮ от 25 ноября 1918 года, отныне места лишения свободы при соблюдении определенных условий можно было покинуть до истечения срока наказания, определенного приговором.

В 1918 году увидела свет Временная инструкция «О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового», оказавшая заметное влияние на развитие советской системы пенитенциарных учреждений. Места лишения свободы подразделялись на:

- общие места заключения (тюремь);
- реформатории и земледельческие колонии;
- испытательные заведения для лиц, имеющих право на послабление режима или на условно-досрочное освобождение;
- карательно-лечебные заведения для лиц с хроническими психическими расстройствами;
- тюремные больницы [6].

Государственная политика в области уголовного наказания, в соответствии с Программой РКП (б), принятой на VIII съезде (1919 г.), получила новый курс развития. Особое внимание предписывалось уделять пенитенциарно-педагогическим целям наказания, применению общественного порицания. Главной силой, направленной на исправление осужденных, признавался труд и его облагораживающее воздействие на личность человека. Меры исправительно-трудового воздействия получили приоритет в сфере назначения и исполнения наказаний [8].

Первый советский Уголовный кодекс, принятый 22 мая 1922 г., четко закрепил неразрывную связь между лишением свободы и воспитательно-трудовым воздействием на осужденного. Местом для отбывания данного вида наказания, исходя из характера необходимых исправительных мер, назначались: исправительно-трудовой дом, трудовая сельскохозяйственная и ремесленная колония, переходный исправительно-трудовой дом [11].

16 октября 1924 года принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, регламентировавший порядок от-

бывания наказаний, как связанных с лишением свободы, так и наказаний, не связанных с пребыванием осужденного под стражей. В качестве цели наказания выделялось предупреждение совершения преступлений. Практически любой из видов наказания был построен на обязательном труде осужденного. Выделялись виды учреждений, разделенные в зависимости от направленности применяемых в них мер социальной защиты: исправительного характера, медико-педагогического характера, медицинского характера [17].

Гуманизация наказания шла непоследовательно. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. ужесточил имеющиеся уголовно-правовые нормы. Условное осуждение уже не применялось, обязанность возместить причиненный вред более не вменялась. В качестве меры воздействия на лицо, совершившее проступок, появилось предостережение. В более поздних уголовно-правовых актах меры наказания приобрели унифицированный характер, стали именовать меры социальной защиты.

Следует отметить, что существовала определенная социальная напряженность при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы. Осужденные к обязательным работам имели приоритетное право на получение рабочего места на бирже труда, что ставило их в более привилегированное положение по отношению к обычным гражданам.

С 1930 года в качестве наказания активно применялась ссылка. Данное наказание хоть и не считалось связанным с заключением, тем не менее, предполагало определенную социальную изоляцию. Осужденного принудительно на срок от 3 до 10 лет поселяли в местности, указанной судом. Принудительные работы могли быть назначены в качестве дополнительного вида наказания.

1 августа 1933 г. был принят новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, закрепивший в качестве места отбывания наказания в виде лишения свободы трудовые колонии. Среди прочих целей, направленных на исправление осужденных, приоритет отдавался политическому воспитанию и культурному просвещению. Наименование «принудительные работы» исчезло из нового закона. Увеличился объем задач, возложенных на органы, контролирующие отбывание исправительных работ. Отныне они должны были трудоустроить осужденных, контролировать их поведение, проводить воспитательную работу. Бюро исправительных работ переродились в инспекции исправительных работ. Позднее, в 1934 году Инспекции вышли из ведомства Народных комиссариатов юстиции

и были отнесены к компетенции Народного комиссариата внутренних дел.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 25 декабря 1958 г., упразднили термин «исправительно-трудовые работы», заменив его «исправительными работами». Контроль и руководство за исполнением данного вида наказания, назначаемого без лишения свободы, был возложен на отделы исправительных работ МВД союзных и автономных республик, УВД краев и областей, а также отделения исправительных работ УИТУ (ОИТУ). Осужденный, как правило, отбывал данный вид наказания по месту прежней работы, по привычному месту жительства. Воспитательное воздействие в целях исправления оказывалась трудовым коллективом этого лица, совершившего преступление.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. обновил существующую систему пенитенциарных учреждений, приведя ее к следующему виду:

- исправительно-трудовые колонии (режим: общий, усиленный, строгий, особый);
- тюрьма;
- воспитательно-трудовые колонии (режим: общий, усиленный).

Новый Исправительно-трудовой кодекс 1970 г. ввел положение о раздельном содержании осужденных, стратифицируя их, исходя из степени тяжести и общественной опасности совершенных ими уголовно наказуемых деяний. Усиливалась борьба с рецидивизмом. Также было упорядочено исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Дальнейшее развитие система наказаний СССР получала в соответствии с гуманной направленности уголовной политики. В частности, активно развивались институты условного осуждения и условного освобождения с обязательным привлечением к труду.

Уголовный кодекс РФ 1996 г., исторически возникший на основе Уголовного кодекса 1960 г., закрепил аналогичную систему исправительных учреждений. Но перед законодателем возникла новая задача — национальную правовую систему было необходимо привести в соответствие с международными правовыми стандартами, поскольку Россия присоединилась к Уставу Совета Европы, а также подписала Конвенцию о защите прав человека и основных свободы. В очередной раз государство взяло курс на гуманизацию уголовного наказания и расширение видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Литература:

1. Алексеев, В. И. Нравственное и юридическое исправление осужденных в контексте стратегии уголовно-пенитенциарной системы: аспект соотношения (1879-1917 гг.) // История государства и права. 2014. № 5. с. 46-51.
2. Алексеева Г/А. О повышении эффективности исполнения исправительных работ без лишения свободы // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Свердловск, 1980. с. 6.
3. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 2. М., 1951. с. 36.

4. Гончаров, Д. Ю. Законодательная регламентация противодействия преступности во второй половине XIX в. // Там же. № 6. с. 10-15.
5. Гончаров, Д. Ю. Противодействие преступности в российском законодательстве, практике его применения и науке в первой трети XIX в. // История государства и права. 2012. № 4. с. 40-45.
6. Ефимова, А. С. История развития наказания в виде лишения свободы в России. // Научный журнал. 2017. № 8 (21).
7. Иванов, А. А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века. *Baikal Research Journal*. 2011. № 4. с. 48.
8. Кашуба, Ю. А. Условное осуждение (освобождение) с обязательным привлечением к труду: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2018. 167 с.
9. Магомедова, П. Г. Развитие системы наказаний в истории уголовного законодательства России/П. Г. Магомедова // *Colloquium-Journal*. — 2019. — № 27-11 (51). — с. 109-112.
10. Парфиненко, И. П. Уголовное наказание в России: краткий историко-правовой обзор // *Российский следователь*. 2015. № 13. с. 48-50.
11. СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153
12. Сыс, С. В. Классификация преступных деяний по степени тяжести в уголовном Уложении 1903 года // Молодежный сборник научных статей «Научные стремления». 2016. № 17.
13. Сысоева, А. С. Эволюция наказания в виде лишения свободы в процессе исторического развития российского государства // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 2 (58).
14. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. Тула, 2001. с. 176.
15. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX — начала XXI века: учебник для вузов/под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2006. 720 с.
16. Фумм, А. М. Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государства XVIII в. // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2014. № 4. с. 27.
17. Ширвиндт, Е. Г., Утевский Б. С. Советское исправительно-трудовое право. М.: Госюриздат, 1957. 244 с.

Формирование обязательных резервов по кредитным операциям российских банков

Кусьминов Евгений Витальевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Постановка проблемы. В современных условиях опосредованного влияния на банковский сектор имманентные риски деятельности банков, особенно ее кредитной составляющей. Для улучшения высокого уровня негативно классифицированной задолженности банк формирует различные резервы.

Необходимость формирования резерва для возмещения возможных потерь по кредитным операциям банков обусловлена кредитными рисками, что позволяет целесообразно исследовать проблемы формирования резервов на возможные расходы по кредитным операциям.

Анализ последних исследований и публикаций. Научную базу исследования теоретических аспектов формирования резервов под кредитные операции банков составляют научные труды таких ученых, как А. И. Скаско, И. Волошин.

Целью работы является совершенствование научно-методических подходов к формированию резервов по кредитным операциям банков РФ с учетом принципов

и рекомендаций Базельского комитета по банковскому надзору.

Изложение основного материала. Активные операции коммерческих банков сопровождаются влиянием ряда рисков, связанных с экономическими, политическими и социальными факторами. Поскольку наиболее активно банк осуществляет кредитные операции, то риски связанные с невозвратом кредитных средств и процентов по предоставленным кредитам, является одной из приоритетных проблем не только национальных, но и зарубежных банков. Одним из важнейших способов повышения надежности и стабильности коммерческих банков является создание резервов для покрытия возможных потерь по кредитным операциям и принятия залога для покрытия возможных последствий наступления кредитных рисков. Зарубежный опыт ведения банковской деятельности имеет достаточно четкую систему подходов к формированию резервов для покрытия возможных потерь по кредитным операциям.

Практические мероприятия российской банковской системы по развитию своих подходов к формированию таких резервов начались лишь в 1995 году и, реагируя на вызовы изменчивой рыночной среде, претерпели ряд изменений. Так, с целью повышения эффективности механизма формирования резервов под кредитные операции совершенствовалась система оценки кредитного риска: пересматривались критерии классификации кредитов, добавлялись новые характеристики, которые позволили более точно определить размер резерва, а также скорректировать ставки, по которым осуществлялось отчисления в резерв по каждой группе кредитов.

Россия впервые начала использовать обязательные резервы в 1991 году. На тот момент ЦБ РФ устанавливал размер обязательных резервов на максимальном уровне — 22% для счетов до востребования и срочных обязательств до 30 дней включительно.

В России право применения нормативов обязательных резервов, депонируемых в Банке России (резервные требования), возложено на Центральный банк Российской Федерации и закреплено ст. 35 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее по тексту — Федеральный закон № 86-ФЗ). Указанная статья устанавливает, что резервные требования — один из инструментов в денежно-кредитной политике ЦБ РФ.

Уровень обязательных резервов регулируется законодательством. Как следует из ст. 38 Федерального закона № 86-ФЗ Совет директоров Банка самостоятельно устанавливает уровень обязательных резервов в процентном отношении к обязательствам кредитной организации (норматив обязательных резервов). Данный Федеральный закон призван ограничивать применение нормативов обязательных резервов в следующих случаях:

обязательные резервы не могут быть выше 20% совокупных обязательств кредитной организации;

обязательные резервы можно дифференцировать различными кредитными организациями;

обязательные резервы нельзя единолично изменить более чем на пять пунктов.

Создание резервов под кредитные риски — это признание расходов для отражения реального результата деятельности банка с учетом ухудшения качества его активов или повышение рискованности кредитных операций.

Для того чтобы не допустить убытки от невозврата долга из-за неплатежеспособности заемщиков, оценка кредитных рисков осуществляется для всех кредитных операций и средств, размещенных на корреспондентских счетах, открытых в других банках в национальной и иностранной валютах.

Глава 2 Положения Банка России от 07.08.2009 № 342-П «Об обязательных резервах кредитных организаций» (далее по тексту — Положение № 342-П) посвящена составу обязательных резервов. Так указанное Положение устанавливает возможность депонирования резервов как в национальной валюте РФ, так и в ино-

странной (если кредитная операция осуществляет такие операции).

Обязательные резервы группируются по следующим критериям на три категории:

кредитная организация формирует обязательные резервы в отношении юридических лиц-нерезидентов, в состав которых входят обязательства перед юридическими лицами-нерезидентами (в том числе обязательства перед банками-нерезидентами), обязательства перед индивидуальными предпринимателями-нерезидентами, которые возникают на основании договоров банковского (корреспондентского) счета, договоров на привлечение денежных средств (деPOSITными, кредитными и другими договорами);

кредитная организация формирует обязательные резервы в отношении физических лиц, в состав обязательства перед физическими лицами (резидентами и нерезидентами), которые возникают на основании договоров банковского вклада (в том числе удостоверенные сберегательными сертификатами), банковского счета;

прочие обязательства кредитной организации в национальной или иностранной валюте.

В ст. 25 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» закреплена обязанность каждой кредитной организации о выполнять нормативы обязательных резервов (в том числе видам, объемам и срокам привлеченных средств).

Положение № 342-П определяет особенности депонирования обязательных резервов в Центральном банке Российской Федерации осуществляется. Расчет размера обязательных резервов необходимо предоставить в уполномоченное учреждение Банка России каждый месяц на 10 рабочий день, следующий за отчетным, по форме Приложения 1 к Положению № 342-П. Вместе с расчетом резервов кредитная организация обязана предоставить документы, формы которых приведены в Приложениях 2-6 Положения № 342-П.

Размер обязательных резервов рассчитывают, исходя из данных, приведенных в следующих источниках:

— данные об остатках резервируемых обязательств, состав которых определяется в Приложении 2 к Положению № 342-П;

— расшифровка балансовых счетов по учету денежных средств, привлеченных от юридических лиц на срок не менее трех лет (Приложение 3 к Положению № 342-П);

— расшифровка балансовых счетов по учету выпущенных долговых ценных бумаг (Приложение 4 к Положению № 342-П);

— расчет размера наличных денежных средств в национальной валюте в кассе кредитной организации, исключаемых при расчете нормативной величины обязательных резервов (Приложение 5 к Положению № 342-П);

— расшифровка отдельных обязательств, не подлежащих резервированию (Приложение 6 к Положению № 342-П);

— данные бухгалтерского баланса кредитной организации по счетам по учету обязательных резервов.

Основой для заполнения документов по формам Приложений 2-6 к Положению № 342-П являются ежедневные сводные бухгалтерские балансы кредитной организации (за исключением данных по зарубежным филиалам).

Выводы и предложения. Порядок использования обязательных резервов кредитных организаций регламентиру-

ется законодательством Российской Федерации и иными нормативными актами Банка России. Контроль со стороны Банка России за выполнением кредитными организациями обязательных резервных требований осуществляется посредством проведения регулирования размера обязательных резервов, а также при проведении проверки кредитной организации по вопросу выполнения нормативов обязательных резервов.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2022) // Собрание законодательства РФ. — 15.07.2002. — N 28. — ст. 2790
2. Положение ЦБР от 7 августа 2009 г. № 342-П «Об обязательных резервах кредитных организаций» // Вестник Банка России. — 21.09.2009. — N 55
3. Положение Банка России от 28.06.2017 N 590-П (ред. от 18.08.2021) «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности» (вместе с «Порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд») (Зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2017 N 47384)// Вестник Банка России. — N 65-66. — 04.08.2017.

Экспертиза как средство доказывания по уголовному делу

Лифинцева Ирина Сергеевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В настоящее время возрастают масштабы современной преступности, негативные тенденции увеличения ее динамики, рост организованности, профессионализма и технической оснащённости преступников и совершенных ими деяний.

Развитие криминалистических средств и методов становится одной из наиболее важных задач в рамках борьбы с преступностью. Особое внимание в контексте рассматриваемого вопроса следует уделить судебным экспертизам в процессе доказывания по уголовным делам.

Рост актуальности практического применения специальных знаний повышает требования к пониманию различных аспектов института судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства и стадии судебного разбирательства. В научной среде до конца не выработано единого, общепринятого понимания института судебной экспертизы, ее признаков и места в установлении обстоятельств уголовного дела, а также недостаточно изучены вопросы классификации экспертных исследований как одного из основных системных элементов экспертизы в целом.

Законодатель, разрабатывая нормы, регулирующие порядок назначения и проведения судебной экспертизы, предусмотрел понятийный аппарат, перечень обстоятельств, влекущих обязательное производство судебных экспертиз, установил возможность назначения всех ее видов до возбуждения уголовного дела, ввел новые уго-

ловно-правовые запреты, содержащие деяния, требующие в процессе доказывания вины в их совершении использования различных отраслей знаний, установил применение методик экспертного исследования и специальной техники.

Тем не менее, применение данного вида доказательств в уголовном судопроизводстве имеет ряд проблем, которые предлагаем рассмотреть в данном исследовании.

Так в уголовно-процессуальном законодательстве нет четко сформулированного понятия о судебной экспертизе. Проанализировав нормативно-правовые акты, научную литературу и судебную практику сформулировали свое понимание о судебной экспертизе как о процессуальном действии, состоящем из проведения исследования и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в различных областях общественных отношений, и которые поставлены перед экспертом судом, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

В научной литературе все судебные экспертизы разделяют на двенадцать классов: криминалистические, медицинские и психофизиологические, инженерно-технические, инженерно-транспортные, инженерно-технологические, экономические, биологические,

почвоведческие, сельскохозяйственные, экспертиза пищевых продуктов, экологические и искусствоведческие. Данная классификация не является окончательной и в связи с развитием науки, общественных отношений, преступных деяний, способов их совершения может обновляться.

В связи с развитием общественных отношений, внедрением во все сферы общества систем информатизации, предлагаем расширить классификацию судебных экспертиз путем включения в нее нового класса — экспертиза результатов интеллектуальной собственности. В указанный класс предлагаем включить следующие экспертизы: товарного знака, промышленных образцов, изобретений, полезных моделей, коммерческих обозначений и фирменных наименований, различных секретов производства (разработка ноу-хау), баз данных и программного обеспечения. Полагаем, что это положительно повлияет на объективизацию процесса доказывания по преступлениям против интеллектуальной собственности, усовершенствует порядок ее защиты от преступных посягательств.

Заключение эксперта, как и все другие доказательства, не имеет заранее установленной силы и оценивается по общим правилам, то есть по внутреннему убеждению. В законе прямо сказано, что заключение эксперта не является обязательным для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, однако несогласие их с заключением должно быть мотивировано [1].

На практике довольно распространено чрезмерное доверие к заключению эксперта, завышена оценка его доказательственного значения. Полагается, что поскольку оно основано на точных научных расчетах, то не может быть каких-либо сомнений в его достоверности.

Вместе с тем существует такая проблема, как затруднительность оценки уровня компетентности судебного эксперта, производившего экспертное исследование. Поскольку законодательно не запрещено проводить судебные экспертизы в негосударственных и частных экспертных организациях, то при рассмотрении вопроса о заключении эксперта как виде доказательства выявлена такая проблема как отсутствия в законе закрепления требований к квалификации негосударственных и частных экспертов. В связи с этим предлагаем дополнить статью 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» абзацем, согласно которому должен быть унифицирован уровень профессиональных и квалификационных требований, предъявляемых к эксперту в государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждениях.

Также соискатель пришел к выводу, что единственным вариантом проверить научную обоснованность и достоверность экспертного заключения является достижение состязательности экспертных исследований путем предоставления права назначать судебные экспертизы не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты, для ко-

торой сейчас предусмотрено только право заявлять ходатайство о назначении судебной экспертизы.

Между тем, важное значение для оценки заключения эксперта имеет относимость объектов, представленных эксперту для исследования. Если они будут признаны недопустимыми, то автоматически теряет это свойство и само заключение эксперта. Относимость заключения эксперта зависит от относимости объекта экспертного исследования. В связи с этим встает проблема истинности этого объекта. Например, если выяснится, что эксперту по ошибке был представлен не тот объект исследования (например, похожий на нужный объект), то заключение эксперта будет неотносимым, поскольку вопросы, поставленные на разрешение эксперта, относятся именно к необходимому (верному) объекту. Или же, например, когда произошла умышленная подмена объекта исследования. В данном случае объект и заключение эксперта должны быть признаны неотносимыми, а также недопустимыми, поскольку нарушены формальные правила получения доказательств. Поэтому всегда должна быть проверена процессуальная надежность и доброкачественность объектов, на основании которых будет проводиться экспертное исследование. После того, как заключение признано относимым, нужно установить, насколько оно соответствует действительности. Это очень сложный момент оценки, во всяком случае, здесь нет таких четких формальных критериев, как при оценке допустимости [2].

Так, например, А.И. Винберг пишет, что «достоверное заключение — это значит в объективном смысле истинное заключение, т.е. полностью отражающее действительность и, таким образом, отвечающее задачам правосудия в установлении истины по делу». Такую же точку зрения высказывает Л.Е. Ароцкер, указывающий, что «достоверность заключения эксперта — криминалиста — это правильность его выводов, полное соответствие их объективной действительности» [3]. Причем понимается, что имеется в виду соответствие истинному положению как исходных посылок вывода (например, признаков почерка), так и следующих из этих посылок самих выводов (в соответствии с законами логики).

С учетом изложенного, пришли к выводу, что главными факторами при оценке допустимости экспертных исследований являются:

- определение факта компетентности и правомочности эксперта, которому поручено проведение исследования;
- соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при изъятии объекта исследования;
- соответствие поставленных вопросов материалам уголовного дела;
- апробированность и научность использованной экспертом методики;
- соблюдение процессуальных норм при назначении и проведении судебной экспертизы.

Таким образом, можем сказать, что нормативно-правовые акты, регулирующие процесс назначения и орга-

низации судебной экспертизы, содержат ряд проблем и должны быть усовершенствованы и дополнены. Пока законодательная база не будет доведена до идеально от-

вечающего современной ситуации вида, проблемы, связанные с назначением и производством судебной экспертизы, будут неизбежно возникать на практике.

Литература:

1. Криминалистика: учебник/Аверьянова Т.В. [и др.]; под ред. А.И. Бастрыкина. — М.: «Экзамен», 2014.
2. Францифоров, Ю. В., Майков, А.Н. Оценка достоверности заключения и показаний эксперта // Молодой ученый. — 2019. — № 48.
3. Винберг, А. И., Шляхов, А.Р. Общая характеристика методов экспертного исследования/А.И. Винберг, А.Р. Шляхов. — М.: ВНИИСЭ, 2012.

Взаимосвязь юридических фактов, правовых норм и правоотношений

Ломоносов Алексей Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сагалаева Евгения Сергеевна, кандидат юридических наук; доктор философских наук, профессор Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Отношения людей в обществе возникают при удовлетворении их потребностей практически во всех сферах жизнедеятельности, при этом их виды и формы носят социальный характер. Однако, с развитием государственности и возникновением права, возникают правовые отношения, обусловленные необходимостью государственного регулирования общественных отношений. Посредством правовых норм, государственная власть обеспечивает защиту, стабильность, устойчивость общественных отношений, взяв их под свою юрисдикцию, определяя их участникам права и обязанности. Таким образом, именно, право, выступая регулятором общественных отношений придает им правовую форму, позволяющую утверждать новый их вид — правоотношение.

Ключевые слова: право, гражданское право, правоотношения, юридические факты.

Возникновение и действие правоотношений невозможно без особых предпосылок, которые как правило предполагают взаимодействие, не менее двух субъектов и наличия интересов при удовлетворении потребностей. При этом общих предпосылок, которые представлены недостаточно для определения конкретных правовых отношений и здесь добавляются правовые нормы, дееспособность субъектов права и юридический факт.

Необходимо отметить, что в теории права взаимосвязь правоотношения и юридического факта, как основания для его возникновения, не определена точно и рассматривается с разных позиций. При этом, понимание сущности юридического факта возможно, только, при определении такой связи, а также вида правоотношения.

Юридический факт трактуется, как: основание, условие, предпосылка, причина возникновения правоотношения, при этом, во многих юридических источниках раскрытие взаимосвязи данных явлений не производится должным образом [3]. Важно отметить, что само по себе, установление наличия причинно-следственной связи между объектами, в отношении правоотношения и юридического факта не является определяющей назначением и установление важных характеристик последнего [1].

Проблемы определения вида правоотношения, его зависимости от юридических фактов, порождающих определенные последствия, связывают, во-первых, с трудно-

стями, определенными различиями последствий, при том или ином юридическом факте. Так, в отдельных ситуациях, выявленное и зафиксированное должным образом обстоятельство, предполагает наделение субъекта правоотношения правовым статусом, что в свою очередь обуславливает наступление последствий. В частности, признание потерпевшим гражданина, указанное в постановлении с соблюдением процессуальных норм, предполагает возбуждение уголовного дела.

Таким образом, выходит, что правовой акт, составленный уполномоченным лицом, определяет последствия наступления ответственности, при этом сам субъект и его проблемы, то есть потерпевший, нанесенный ему ущерб, его связь с преступным деянием, не устанавливают правоотношение. Более того, отмена признания его таковым в ситуации, доказанного обратного, требует исполнения другой процессуальной процедуры.

Стоит отметить, что основания для признания лица потерпевшим могут быть явными, но без процессуального оформления юридическими фактами не являются. Таким образом, определение взаимозависимости юридического факта с возникновением правоотношения, возможна при установлении приоритетности, что предполагает выяснение такой связи способом обобщения данных.

Во-вторых, правоотношения устанавливаются, не только, при условии наличия юридических оснований.

Определение юридического факта не предполагает установление прав и обязанностей участников правоотношений. В теории права отмечено, что возникновению правоотношений предшествует наличие права, а не основания их породивших. Поэтому, указывая связь между правом, правоотношением и юридическим фактом, стоит понимать, что последний может быть определен только, при наличии правовых норм, которые регулируют отношения участников.

В-третьих, объектом правоотношений является то, на что направлены субъективные права, а юридический факт, являясь обстоятельством реальной действительности, порождаящей возникновение, развитие или прекращение правоотношений, затрагивает субъективную сторону правового регулирования, что осложняет установление связи между ними. При этом, объективные и субъективные признаки юридического факта, могут быть противоречивы, что проявляется нередко в формулировках правовых норм. Если законодатель допускает возможность неточного установления юридического факта к тому или иному правоотношению, последствия пагубны для практики применения такой регулирующей нормы [2].

Необходимо отметить, что многими правоведам указывается что взаимозависимость юридических фактов и правовых последствий есть разновидность социальной связи, определенной потребностью людей в защите своих

прав. Так, специалист В. Б. Исаков утверждает, что связь обстоятельств, и сопутствование им наступления правовых последствий, в большей степени является социальной связью, но при этом, ее имеющей свою специфику.

Однако, не все правоведа согласны с такой позицией, прежде всего обосновывая свои доводы тем, что социальная причинность свойственная связи юридического факта и правовых последствий, подчиняется законам, устанавливающим взаимозависимость причины и следствия, то есть объективной характеристике. Таким образом, рассматривая правоотношения граждан можно констатировать, о неразрывности цепочки юридического факта, обстоятельства посредством правового регулирования, создающего конкретное правоотношение, только, при условии наличия самого правового поля.

Зависимость правоотношения от юридического факта объективно выглядит как причинно-следственная. Но поскольку такой ее характер сконструирован, определен законодателем, т.е. людьми, безоговорочно называть ее причинно-следственной было бы некорректно. Для того, чтобы подчеркнуть заданность причинно-следственной связи по воле законодателя, должна быть использована иная терминология. Можно обозначить эту связь как нормативно-логическую, или как заданную, запрограммированную причинно-следственную, или иным образом, но суть ее остается именно таковой.

Литература:

1. Исаев, И. Т. Принципы всеобщей связи и развития и их методологические функции // Диалектика как методология научного познания. М., 1978. с. 61
2. Крашенинников, Е. А. Этюды о природе юридических фактов // Методологические проблемы теории юридических фактов. Ярославль, 1988. с. 3
3. Синюков, В. Н. О понятии юридического факта в общей теории права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1986. Вып. 7. с. 121.

Реализация принципа разумного срока при рассмотрении уголовных дел в Верховном Суде Республики Башкортостан

Миннебаева Гузель Айдаровна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В данной статье рассматривается общая характеристика принципа разумного срока при рассмотрении уголовного дела на основании судебной практики Верховного Суда Республики Башкортостан, компенсация за его нарушение.

Ключевые слова: компенсация, разумный срок уголовного судопроизводства.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что права человека являются высшей ценностью. Иными словами, суть данного принципа заключается в установлении такого правопорядка, где имеют место государственные гарантии защиты прав и свобод

человека. Говоря о разумном сроке уголовного судопроизводства необходимо сказать, что это понятие является оценочным и не имеет четко определенных границ. Как устанавливает законодатель, при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются

такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства. Поскольку государство дает возможность защищать свои права всем незапрещенными законом способами, то в нашей стране существует Федеральный закон № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1].

Необходимо отметить, что данный нормативный акт вступил в силу 04 мая 2010 г., соответственно право требования установленной законом компенсации не возникает, если судебный акт по делу вступил в законную силу до указанной даты. Так, Верховным Судом Республики Башкортостан рассматривалось дело, по которому лицо, обвиняемое в совершении преступления по ч. 1 ст. 111 Уголовного Кодекса Российской Федерации обратилась с заявлением о присуждении указанной компенсации, ссылаясь на то, что разумный срок судопроизводства был нарушен. Между тем, региональный суд, возвращая указанное заявление, исходил из того, что приговор в законную силу вступил в силу 01 апреля 2020 г., ввиду чего, данное лицо не имеет право подачи заявления о компенсации [2].

В настоящее время принцип разумного срока судопроизводства закреплен в различных отраслях процессуального права, как например, в уголовном, административном, гражданском. Между тем, ни один из процессуальных законов не определяет срок, который можно считать разумным. Соответственно, как Верховному Суду Республики Башкортостан, так и иным судам, приходится руководствоваться практикой Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), который выработал соответствующие критерии определения разумности срока, в частности, достаточность и эффективность действий суда для своевременного рассмотрения дела, фактическая и правовая его сложность [3].

Учитывая, что Верховный Суд Республики Башкортостан рассматривает большое количество дел по данной категории, то автору хочется проанализировать практику вышеуказанного суда по их рассмотрению.

Так, И. обратилась в суд с административным иском к Министерству финансов Российской Федерации о присуждении компенсации за нарушение рассмотрения уголовного дела в разумный срок, указывая, что приговором суда И. был признан виновным в совершении преступлений по ч. 4 статьи 159.1, ч. 4 ст. 159 УК Российской Федерации, который судом апелляционной инстанции был изменен в части отбытия наказания. Между тем, заявитель считал, что от момента начала уголовного пресле-

дования до вступления приговора суда в законную силу прошло 9 лет и 11 месяцев. Сам И. не уклонялся от производства следственных и иных процессуальных действий, не создавал препятствия в расследовании уголовного дела, не злоупотреблял своими правами. Между тем, решением Верховного Суда Республики Башкортостан в удовлетворении данного иска было отказано, мотивируя это тем, что данное дело отличалось определенной сложностью: срок досудебного производства в общей сложности составил 5 лет 3 месяца и 7 дней; данное уголовное дело возвращалась судом, прокурором следователю для устранения процессуальных нарушений; с указанным уголовным делом было соединено 29 уголовных дел, соответственно общее уголовное дело состояло из множества эпизодов; в качестве обвиняемых было привлечено 15 лет, потерпевших насчитывалось около 120 человек, допрошено порядка 120 свидетелей, проведено 50 экспертиз. Когда рассматривалось дело в апелляционном порядке, то Верховным Судом Республики Башкортостан было также отмечено, что отложение рассмотрения дела связано было с необходимостью соблюдения процессуальных прав участников уголовного судопроизводства; при каждом отложении судебного заседания учитывались мнение лиц, участвующих в деле; перерыв по делу были необходимы в связи со сложностью уголовного дела; периоды неактивности суда были недолгими [4].

Из вышеуказанного примера видно, что региональный суд в двух инстанциях учитывал позицию ЕСПЧ, в частности, выработанный им критерий как правовая и фактическая сложность уголовного дела. Вместе с тем, на взгляд автора, сам заявитель не совсем понимал, что если бы уголовное дело рассматривалось слишком быстро при таком количестве участников уголовного процесса, то приговор районного суда, измененный апелляционным определением Верховного Суда Республики Башкортостан, мог бы иметь массу ошибок, что повлекло бы за собой нарушение принципа справедливости.

Для автора интересным представляется также дело, по которому К., который отбывал наказание, обратился в региональный суд с заявлением о присуждении компенсации в размере 350000 руб., мотивируя свои требования тем, что в отношении него было возбуждено уголовное дело по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК Российской Федерации, при этом, уголовное дело четыре раза возвращалось на дополнительное расследование. Всего судом было вынесено два приговора по уголовному делу, один из которых был отменен. Заявитель считал, что в связи длительным рассмотрением уголовного дела имело место нарушение его права на рассмотрение уголовного дела в разумный срок. Верховный Суд Республики Башкортостан, удовлетворяя заявление П. частично в размере 50000 руб., руководствовался тем, что районный суд долгое время бездействовал, уголовное дело находилось без движения в суде с момента оглашения приговора до его апелляционного рассмотрения; в течение более полугода суд первой инстанции не ознакомивал стороны с материалами уголовного дела [5].

Анализируя данное дело, необходимо отметить, что Министерство финансов Российской Федерации обжаловало данное решение суда первой инстанции, которое было оставлено без изменения. Из этого примера видно, что суд первой инстанции бездействовал, лишая стороны соответствующих процессуальных прав, предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, что впоследствии могло повлиять на нарушение права на защиту в виде обжалования несогласия соответствующей стороны с вынесенным приговором суда. Соответственно, региональный суд реализует принцип разумности срока рассмотрения дела, правомерно удовлетворил требования заявителя.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что Верховный Суд Республики Башкортостан, учитывая объем и сложность уголовного дела, количества лиц, участвующих в деле и иных факторов, рассматривает дела с учетом норм, закрепленных в процессуальных законах, а также критериев, определенных Европейский Судом. Важно отметить, что, изучая справочную-правовую систему «Консультант», видно, что огромное большинство дел, рассмотренные по данной категории, не обжаловались в кассационную инстанцию, соответственно можно сделать вывод, что Верховный Суд Республики Башкортостан наиболее полным образом стоит на страже защиты прав и свобод человека.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с посл. изм. и доп. от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 января 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 01 марта 2020 г. № 1-ФКЗ). Российская газета РФ, 2009. № 4.
2. О некоторых проблемах при рассмотрении дел о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в гражданском судопроизводстве. Российский судья № 1, 2011. Режим доступа: http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?did=54&name=press_dep&op=6. Дата обращения (01.06.2022).
3. Понятие разумного срока в судопроизводстве. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/10/02/ponyatie_razumnogo_sroka_v_sudoproizvodstve_0. (Дата обращения: 01.06.2022).
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16.03.2018 по делу № 33а-4990/2018. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=40C>. (Дата обращения 01.06.2022).
5. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 08.04.2016 № 33а-5918/2016. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=40C3004ABV>. (Дата обращения: 01.06.2022).

Право на судебную защиту в уголовном процессе России

Миннебаева Гузель Айдаровна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В статье анализируется право на судебную защиту в российском уголовном процессе. Автором отмечается, что осуществление права на защиту может привести к успеху уголовного правосудия. В заключении автор приходит к выводу, что соблюдение прав подсудимых, обеспечение их защиты является не только формальностью, но и должно осуществляться реалистично и эффективно с учетом всех обстоятельств конкретного уголовного дела.

Ключевые слова: гражданин, права и обязанности человека и гражданина, уголовный процесс, защитник, адвокат.

Россия как правовое демократическое государство отводит главенствующую роль гражданину, его правам и свободам. В настоящее время в связи с демократизацией законодательства Российской Федерации особое внимание уделяется защите прав и свобод человека и гражданина.

Права человека на международном уровне определяются как правила поведения, выбранные в течение истории развития человеческого потенциала, которые с помощью верховенства закона защищают достоинство и свободу каждого человека. В современном мире тщательный контроль государства за соблюдением прав

граждан, а также стимулирование такого контроля со стороны общественности является ключом к построению дееспособного и стабильного государства.

Проблема, с которой сталкивается то или иное общество и государство, заключается в эффективном и реальном использовании каждым человеком своих прав и свобод, а при возникновении споров и совершении правонарушений — в наступлении эффективной и надежной их защиты.

Для обеспечения механизма защиты судебным органом необходимо, как на то указывает Всеобщая де-

кларация прав человека, реализация справедливого судебного разбирательства. В основе данного принципа лежат такие процессуальные гарантии как право на защиту, право на публичное и справедливое разбирательство беспристрастным и независимым судом, применение наказания, мер ответственности к лицу не иначе как в случаях предусмотренных законом. Соответственно, основной из составляющих гарантий прав и свобод человека является их обеспечение правосудием. Общеизвестно, что основным законом страны предусмотрено, что правосудие в России осуществляется исключительно судом и никем более. При этом, нормы главы 7 Конституции РФ закрепляют общие начала и основные направления правосудия, которые обеспечивают эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке.

Также обращаем внимание на то, что в одном из своих постановлений Конституционный Суд РФ указал, что право на судебную защиту предполагает охрану прав и законных интересов гражданина не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда [3]. Это означает, что судебный акт нижестоящей инстанции может быть обжалован в вышестоящую судебную инстанцию в случае несогласия с ним заинтересованным лицом, поскольку отсутствие у него возможности исправить судебную ошибку привело бы к тому, что государство не сможет именоваться правовым, а тем более демократическим.

Уголовный процесс представляет собой деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц по расследованию и рассмотрению уголовных дел, основанную на принципах уголовного судопроизводства и регламентированную уголовно-процессуальным законом. Стоит отметить, что деятельность, осуществляемая в уголовном процессе, далеко неоднородна. Это вполне естественно, поскольку само понятие «процесс» (от лат. *procedere*) означает прохождение, продвижение [6, с. 146].

Из вышесказанного следует, что на сегодняшний день нельзя с точностью определить данную систему норм как целостную и завершенную, поскольку законодателю не всегда удается объективно урегулировать некоторые вопросы применения уголовно-процессуальных норм.

Одним из таких неоднозначных моментов является право на судебную защиту в уголовном процессе. Данная норма обеспечивает не только соблюдение принципа признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, но и поддержку базовых функций в уголовном судопроизводстве — обвинения, защиты и юстиции.

Принцип обеспечения права граждан на судебную защиту является общим конституционным принципом, отраженным в Конституции Российской Федерации (ст. 46, 50, 52) [1].

Судебная власть — это независимая ветвь государственной власти, а ее функции — это правовые принципы, определенные в виде строго определенных процедур в со-

ответствии с Конституцией и законами Российской Федерации. Деятельность судебных органов осуществляется в пределах их компетенции и в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Суть этого принципа сводится к следующим положениям:

— действия и решения государственных органов и их должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан в уголовном судопроизводстве, подлежат судебному контролю в установленном законом порядке;

— судебные решения по результатам судебного контроля как минимум однократно могут быть пересмотрены вышестоящим судом;

— решение суда, вступившее в законную силу по результатам судебного контроля, является обязательным и подлежит строгому исполнению;

— гражданин имеет возможность обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека в соответствии с предписаниями (например, в Европейский суд по правам человека) [8, с. 114].

Судебный контроль в уголовном судопроизводстве осуществляется путем предварительного (до принятия процессуального решения или совершения процессуального действия) и последующего (после принятия решения или совершения действия) контроля. Форма контроля выбирается по значению права, которое может быть ограничено, и последствиями нарушения этого права.

Принципами деятельности судебной власти Российской Федерации по обеспечению гарантии прав и свобод человека и гражданина являются:

— независимость судебной власти;

— самостоятельность судебной власти;

— верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации; законность априори.

Указанные принципы являются проводниками правовой сущности российского правосудия и имеют правовые особенности, среди которых можно выделить следующие: самостоятельный статус судебной власти, влияние на обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Тот или иной принцип характеризует судебную власть, отражает ее стороны, при этом все они направлены на то, чтобы судебная власть могла выполнять главную цель — гарантировать права и свободы человека и гражданина, которым гарантировано достижение этой цели.

Нарушения прав судебной защиты следует считать существенными, если они влияют на вынесение справедливого, законного и обоснованного приговора. Обвиняемое лицо вправе давать объяснения и показания либо отказаться от дачи объяснений и показаний по поводу имеющегося в отношении его подозрения.

Неразъяснение судом, прокурором, следователем и дознавателем подозреваемому и обвиняемому их прав также является нарушением права на защиту. Осуществление права на защиту возможно любыми не запрещенными законом способами и средствами, однако не следует допускать злоупотребления этим правом.

К сожалению, в настоящее время при судебной защите прав наблюдается тенденция несоблюдения основных принципов судебной защиты. Довольно распространенным законодательным пробелом является следующий: судебная защита осуществляется с многочисленным нарушением законов государственных органов и при иных обстоятельствах [5, с. 145]. Не вызывает сомнений тот факт, что только надлежащая судебная защита и представительство прав человека в суде становится гарантией тождества законности в государстве.

Однако стоит отметить и положительные тенденции развития института судебной защиты, к которым относятся следующие:

— принятие мер по формированию судебной власти как самостоятельной силы, не зависящей по своим функциональным возможностям от власти законодательных и исполнительных органов;

— создание системы социальных гарантий независимости судей, расширение судебной юрисдикции [7, с. 29].

Проведенный анализ как положительных, так и отрицательных тенденций развития института судебной защиты позволяет заключить следующее: государство, основная цель которого состоит в единстве и гармоничности всех его сторон, рост благосостояния, защита и гарантированность прав его граждан обладает всеми возмож-

ностями, способствующими ускорению общественных процессов и тенденции развития судебной защиты гражданских прав.

Таким образом, необходимо отметить, что в настоящее время особую значимость приобретает значение гарантий, обеспечивающих право на судебную защиту в уголовном процессе.

Также важно отметить, что право подозреваемого (обвиняемого) на судебную защиту в уголовном процессе Российской Федерации выступает в качестве основы уголовного судопроизводства. Без реализации данного права осуществление справедливого правосудия не представляется возможным.

Гарантии реализации права на защиту, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, а именно: требуется комплексный подход к совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере правоотношений.

В завершении хочется отметить, что судебная защита должна применяться к каждому гражданину, который в ней нуждается, и должна осуществляться в полном объеме, несмотря на обстоятельства конкретного дела. В этой связи мы считаем, что институт судебной защиты является одним из важнейших институтов в области обеспечения прав и законных интересов на современном этапе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 20.12.2020).
4. Алимamedов, Э. Н., Пушкарев В. В. Актуальные вопросы теории и практики заявления и разрешения ходатайств, заявленных по окончании ознакомления с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2015. № 11. с. 143-146.
5. Арзуманова, Е. В. Адвокат как защитник в уголовном процессе // В сборнике: Материалы межвузовской научно-практической конференции «Современные научные достижения и инновационные технологии в гуманитарной и технической сферах». Сочи, 2017. с. 145-147.
6. Долгих, Т. Н. Некоторые аспекты судебной практики, связанные с нарушением права обвиняемого на защиту // Адвокат. 2017. № 1. с. 46-50.
7. Почепко, К. И. Конституционно-правовой статус личности в России: понятие, состав, структура и особенности // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. с. 29-32.
8. Сулейманова, К. М. На Судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство// Юридическая наука. 2017. № 1. с. 114-120.

Место личного обыска в системе следственных действий

Накостоев Рустам Русланович, студент;

Гринев Валерий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассматривается понятие личного обыска и его место в системе следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия, классификация, виды следственных действий

Личный обыск, проведение которого допускается в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, следует рассматривать, в первую очередь, как допустимое ограничение прав и свобод человека.

Основные права и свободы человека и гражданина закреплены в Конституции Российской Федерации. В соответствии со статьей 22 Конституции Российской Федерации в число основных прав человека и гражданина входит право на личную неприкосновенность. [1] Нормы Конституции Российской Федерации о личной неприкосновенности базируются на положениях статьи 1 Всеобщей декларации прав человека, о том, что все люди рождаются свободными и равными в достоинстве и правах. Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 марта 2005 года № 4-П подчеркнул, что право на личную неприкосновенность следует рассматривать как основное социально значимое благо, предполагающее недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии, и являющееся основой демократического устройства общества [12].

Определение личной неприкосновенности как одного из наиболее значимых благ, предполагает, что право на нее может быть ограничено исключительно в случаях, которые прямо предусмотрены законом и только в целях защиты интересов государства и общества. В рамках уголовного судопроизводства ограничение прав и свобод человека признается допустимым в той мере, в какой это необходимо для обеспечения нормального процесса расследования [4, с. 84].

Специфика личного обыска как процессуального действия заключается в том, что, по смыслу положений статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, данное процессуальное действие может быть проведено только в отношении подозреваемого или обвиняемого, права которых, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 13 октября 2009 года № 1232-О-О, гарантируются нормами уголовно-процессуального законодательства [11]. Иные участники уголовного судопроизводства как лица, которые могут быть подвергнуты личному обыску, в законе не упоминаются.

По своему характеру такие процессуальные действия, как личный обыск, обыск и освидетельствование имеют определенное сходство, которое, в первую очередь, заключается в целях проведения указанных процессуальных

действий, то есть в поиске доказательств для установления истины по уголовному делу.

Личный обыск, в соответствии со статьей 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — это следственное действие, которое проводится в отношении подозреваемого либо обвиняемого. По смыслу закона личный обыск заключается в осмотре тела, одежды, обуви и аксессуаров, которые находятся при подозреваемом или обвиняемом [8, с. 82].

Обыск — это следственное действие, направленное на поиск предметов и документов, которые имеют значение по уголовному делу, в том числе орудий, оборудования и иных средств совершения преступления (статья 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2]. Обыск может проводиться как в нежилых помещениях, так и в жилье. В зависимости от того, что является объектом обыска, отличается процедура его проведения, потому что проведение обыска в жилище рассматривается как ограничение конституционно закрепленного права на неприкосновенность жилища, закрепленного в статье 25 Конституции Российской Федерации [1].

Обыск и личный обыск сходны тем, что в процессе их проведения допускается применение принуждения, то есть принудительное и вопреки воле лица изъятие предметов и документов, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу [5, с. 25]. Однако обыск, в отличие от личного обыска, не связывается с личностью подозреваемого или обвиняемого. Обыск может проводиться в любом помещении, где, как предполагает следствие, находятся значимые для уголовного дела предметы. Обыск вообще не связан с личностью, он ориентирован на осмотр помещений, а не живого лица, как это обстоит в ситуации с личным обыском.

Как сходство между обыском и личным обыском с позиции правовой регламентации можно определить цели и основания их проведения, которые применительно к указанным процессуальным действиям определены в статье 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно: наличие оснований полагать, что в определенном месте или у определенного лица находятся орудия, оборудование и иные средства совершения преступления, а также иные предметы и документы, которые могут иметь значение для уголовного дела [2].

По смыслу статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации освидетельствование явля-

ется процессуальным действием, которое заключается в осмотре живого лица. Освидетельствование на стадии досудебного производства по уголовному делу производится следователем, в то время как в процессе судебного разбирательства, согласно статье 290 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — врачом или иным специалистом. На стадии следствия привлечение врача или иного специалиста осуществляется в соответствии с частью 3 статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, по усмотрению следователя. Освидетельствование может быть проведено только при отсутствии оснований для назначения судебной экспертизы.

Совокупно анализируя приведенные выше положения об освидетельствовании и личном обыске, можно утверждать, что данные процессуальные действия существенно отличаются. Во-первых, освидетельствование может быть проведено в отношении не только подозреваемого или обвиняемого, но и в отношении свидетеля, а также потерпевшего, в то время как личный обыск — только в отношении подозреваемого или обвиняемого. Проведение освидетельствования допускается на стадии проверки сообщения о преступлении, а личный обыск — только после того, как будет возбуждено уголовное дело и определено лицо, в отношении которого присутствует подозрения либо предъявлено обвинение в совершении преступления [10, с. 186]. Освидетельствование от личного обыска отличается также тем, что в процессе его проведения осматривается тело на предмет наличия повреждений либо иных следов, в то время как при личном обыске осматриваются и одежда, и обувь, а поиск ориентирован на предметы и документы [3, с. 75].

Анализируя положения статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, можно согласиться с мнением А.В. Оганесян, что проведение освидетельствования не всегда предполагает возможность принуждения по усмотрению следователя [6, с. 138]. Сходное мнение излагает и К. А. Плясов [7, с. 48], В.В. Сте-

панов и В.И. Галушкин [9, с. 137]. В силу части 1 статьи 179 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетель может быть освидетельствован только с его согласия, то есть следователь не вправе принять процессуальное решение и обязать свидетеля пройти освидетельствование.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что по смыслу уголовно-процессуального законодательства личный обыск следует рассматривать как процессуальное действие, цель проведения которого — поиск доказательств по уголовному делу. Личный обыск в рамках уголовного судопроизводства отличается от личного обыска как режимного мероприятия, проведение которого регулируется положениями не Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а иными законами, поскольку в этом случае преследуются иные цели, основной из которых является обеспечение безопасности как сотрудников правоохранительных органов, так и лиц, которые содержатся под стражей и отбывают наказание в виде лишения свободы.

Обыск, личный обыск и освидетельствование следует рассматривать как процессуальные действия, выполнение которых направлено на сбор доказательств по уголовному делу. Их проведение предполагает необходимость процессуального оформления. Перечисленные процессуальные действия отличаются как по объектам, так и по объему допустимого, с позиции действующего законодательства, принуждения. При обыске и личном обыске принуждение допускается для воспрепятствования попыткам скрыть доказательства, уничтожить их, воспрепятствовать деятельности лица, которое осуществляет расследование. Освидетельствование ограничено в аспекте возможности применения принуждения. Кроме того, обыск проводится в целях осмотра помещений, в то время как при личном обыске и освидетельствовании речь идет об осмотре живых людей. При личном обыске, в отличие от освидетельствования, осматривается не только тело человека, но и его одежда, обувь, головной убор и аксессуары.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 — Ст. 4398;
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 41. — Ст. 6946;
3. Кот, Е. А. Отграничение следственного освидетельствования от иных следственных действий: процессуальные и тактические аспекты/Е. А. Кот // Союз криминалистов и криминологов. — 2019. — № 2. — с. 75;
4. Мецгер, А. А. Виды и система гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности/А. А. Мецгер // Образование и право. — 2020. — № 3. — с. 84;
5. Муравьев, К. В. Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации?/К. В. Муравьев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 5. — с. 25;
6. Оганесян, А. В. Некоторые вопросы освидетельствования лиц/А. В. Оганесян // Современное право. — 2019. — № 11. — с. 138;

7. Плясов, К. А. Личный обыск и освидетельствование: актуальные вопросы соотношения/К. А. Плясов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2017. — № 1 (80). — с. 48.
8. Россинский, С. Б. Что такое личный обыск при задержании подозреваемого: следственное действие, непроцессуальное мероприятие или пустая формальность?/С. Б. Россинский // Судебная власть и уголовный процесс. — 2017. — № 1. — с. 82;
9. Степанов, В. В. Процессуальные и криминалистические аспекты производства освидетельствования в уголовном судопроизводстве/В. В. Степанов, В. И. Галушкин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 6 (113). — с. 137;
10. Юсупова, А. Ю. Личный обыск как институт уголовно-процессуального права/А. Ю. Юсупова // Норма. Закон. Законодательство. Право. Материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых: в 2 т. 2017. — с. 186.
11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1232-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 29, 165 и 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.06.2020);
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 14. — Ст. 1271.

Гражданско-правовое регулирование контрактной системы в РФ

Наумова Екатерина Алексеевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В данной статье рассматривается вопрос становления и развития такой формы гражданско-правового регулирования отношений как контрактные отношения. Автор делает акцент на то, что правовую основу зарождения указанных отношений составляют специальные акты, задача которых сформировать необходимые принципы их развития, а также сблизить представителей бизнеса и государственный регулятор в общем посыле экономического взаимодействия. Отдельно автором дается оценка организации исполнительного мониторинга, позволяющего выявлять участие в открытых торгах (аукционах) так называемых притворных участников. Дается оценка отсутствия в действующем законодательстве порядка, позволяющего самостоятельно проводить такой мониторинг, и на его основании отстранять потенциальных участников.

Ключевые слова: контрактная система, гражданско-правовое регулирование, закупки, бизнес, мониторинг, торги.

Сегодня, когда российское сообщество стоит на пороге нового витка развития в использовании предпринимательского ресурса, а преобразования в экономической среде уже не оставляют сомнений в том, что её будущая модель будет выстраиваться с учетом реализации именно предпринимательского интереса, государство все чаще обращает внимание на вопросы позитивного правового воздействия на отношения в указанной сфере. Как отмечает исследователь Г. А. Минигалиева, поиск верного представления о том, что такое «предпринимательская деятельность», и как её регулировать, занял слишком много времени у российских властей на начальном этапе её становления. Это сделало институт предпринимательства одновременно сложнорегулируемым и отчасти нарушило уже принятые в мировой практике принципы экономического развития, используемые другими странами в развитии предпринимательской деятельности [1].

Отдельной строкой во внедрении указанных принципов была прописана программа реализации контрактных отношений, начало которой было положено еще в 2013 году путем принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2], и которая, как отмечает О. В. Климова представляет из себя совокупность участников в сфере закупок и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок, в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок, действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд [3].

Вместе с тем, несмотря на то, что указанным актом была создана, на первый взгляд, эффективная сфера ре-

ализации алгоритма закупок, необходимых для эффективного обеспечения государственных и муниципальных служб, в контексте его применения на практике возникло немало вопросов и проблем.

В частности, одним из сигналов к переоценке эффективности применения упомянутого акта стало то, что в нем отсутствует указание на то, что органы государственной и муниципальной власти обязаны самостоятельно производить мониторинг участников закупок, тем самым, помогая внедрять в организацию деятельности субъектов контрактной системы дополнительные механизмы транспарентности и продуктивности.

Автор диссертационного исследования «Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга реализации государственной политики регламентации закупок» С. А. Сергеева отмечает, что в целом ряде (пакете) законов и правительственных постановлений нет ни одного указания на необходимость (обязательность) проведения мониторинга частоты и качества участия в закупках со стороны организаций. В результате, указанная необходимость была реализована самостоятельно, путем проб и ошибок, и то только после того, как несколько торгов и аукционов были признаны несостоявшимися по причине подачи так называемых «ложных» заявок. В частности, обязанность проводить такие мониторинги на территории г. Москвы была продекларирована специальным распоряжением со стороны правительства субъекта [4].

В силу чего руководящие органы субъектов стали стараться самостоятельно определять ориентиры такого мониторинга и тем самым принимать решения, которые ложатся в основу принятия решения уже специальных комиссий, отклоняющих заявки потенциальных участников. Как следствие, большинство таких решений были обжалованы и в результате отменены, как решения, идущие в разрез с действующим законодательством.

Так, в одном из актов, вынесенных УФАС г. Москвы [5] было указано, что оценка членом комиссии, принимающей решение об участии в открытых торгах, не основана на требованиях действующего законодательства. Несмотря на то, что положения ряда правительственных актов [6] фрагментарно учитывают некоторые сферы реализации механизма закупок, как наиболее остросоциальные, и требующие дополнительных мер контроля и регулирования, приведенные в указанных актах позиции не коррелируют с предписаниями действующих законов, в свою очередь, детально определяющих установленный порядок отклонения поданных заявок для участия в электронных торгах.

Литература:

1. Минигалиева, Г.А. История становления и развития законодательства предпринимательской деятельности. Вектор экономики. 2020. № 9 (51). с. 1.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. N 14. ст. 1652.

По сути аналогичную позицию высказала судебная инстанция, которая, указывая на законность принятого органом ФАС постановления, еще раз обратила внимание на то, что приведенные стороной спора нормативные предписания носят рекомендательный характер, и с точки зрения действующего гражданско-правового регулирования, не являются обязательными к учету со стороны комиссий, и при необходимости обеспечения контроля могут быть во внимание исключительно наравне с иными показателями благонадежности потенциального исполнителя услуги (поставщика товара) [7].

Таким образом, несмотря на то, что становление и развитие современной системы контрактного регулирования в сфере закупок было сформировано не так давно, а базовое правовое основание для функционирования такой системы составляет, по сути, один закон — ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», органам государственного контроля удалось построить конкурентную среду в зоне его применения, и тем самым добиться качественного социально-экономического взаимодействия между его субъектами. Стабильность данного взаимодействия обеспечивается постоянным контролем и необходимыми законодательными преобразованиями. Стоит отметить и то, что за последние годы контрактная система укрепила позиции бизнеса, а также повысила его социальную роль в становлении нового экономического формата гражданско-правового взаимодействия государства и представителей предпринимательской среды.

Между тем, если обратить внимание на регулирование вопроса прозрачности функционирования контрактной сферы, и ввести ежегодный мониторинг реализации работ, тем самым снизить нагрузку в части споров в ФАС в реальном времени. Более того, закон не запрещает неоднократное заявление в качестве участника, равно как и неоднократный отказ от участия в торгах (аукционе) безо всяких причин, что необходимо урегулировать с помощью ввода ограничения на количество заявок и получение мотивированных отказов с указанием ошибок заполнения заявок. Как следствие, такое положение дел с высокой долей текущих нарушений принципов конкуренции, приведет к повышению ответственности органов, уполномоченных принимать решения о допуске к участию в контрактных мероприятиях. Вместе с тем, активность в этом направлении позволяет расширить сферу контроля за качеством действия контрактной системы, и одновременно решить вопрос спекуляций своим положением со стороны участников рынка.

3. Климова, О. В. Понятие и значение контрактной системы в сфере закупок для государственных или муниципальных нужд / О. В. Климова // Евразийский юридический журнал. — 2022. — № 3 (166). — с. 86-88.
4. Сергеева, С. А. Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга реализации государственной политики регламентации закупок: дисс...канд. эконом. наук. Специальность: Экономика и управление народным хозяйством (менеджмент). Москва, 2019, 179 с.
5. Дело № 077/07/00-698/2019 ООО «Интерком Сервис» на действия ООО «Современные технологии... 06.05.2019 (135-ФЗ статья 18.1 Порядок рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров) // [Электронный доступ]. Доступ: <https://br.fas.gov.ru/?text=> (дата обращения: 17.10.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 N 480 (ред. от 17.04.2021) «О торгах (аукционах, конкурсах) на получение лицензии на оказание услуг связи» (вместе с «Правилами проведения торгов (аукциона, конкурса) на получение лицензии на оказание услуг связи») // Собрание законодательства РФ. 02.06.2014. N 22. ст. 2886.
7. Постановление от 21 декабря 2019 г. по делу № А40-121045/20199-го Арбитражного суда г. Москва. // [Электронный источник]. Сайт: Суд акт РФ. Доступ: <https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=44>. (дата обращения: 18.10.2022).

К вопросу об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе и правовом регулировании

Нестеренко Артем Валерьевич, студент магистратуры;
Яловой Олег Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье проведен анализ теоретических и правовых основ прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса в условиях российской экономики. Приведены актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов предприятиями оборонно-промышленного комплекса. Автором сделан вывод о необходимости внесения изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на повышение эффективности механизмов защиты нарушенных имущественных прав государства при реализации государственного оборонного заказа.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оборонно-промышленный комплекс, государственный оборонный заказ, федеральный бюджет.

Regarding the organization of the prosecutor's supervision over compliance with the legalization on the state military order and the legal regulation

Nesterenko Artem Valerievich, student master's degree;
Yalovoy Oleg Anatolievich, candidate of legal sciences, associate professor
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow)

The article analyzes the theoretical and legal foundations of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of the military-industrial complex in the conditions of the Russian economy. The current problems of prosecutorial supervision over the execution of laws by enterprises of the military-industrial complex are presented. The author concludes that it is necessary to amend the legislation of the Russian Federation aimed at improving the effectiveness of mechanisms for protecting violated property rights of the state in the implementation of the state defense order.

Keywords: prosecutor's supervision, military-industrial complex, state defense order, federal budget.

Высокий уровень обороноспособности государства опирающаяся на новейшие достижения научно-технического прогресса, обеспечивает развитая и эффективная экономика,

Обороноспособность страны обеспечена на десятилетия вперед, хотя и здесь нам нельзя почитать на лаврах и расслабляться, а нужно идти вперед, внимательно наблюдая и анализируя то, что происходит в этой сфере в мире, разрабатывать боевые комплексы и системы будущих поколений [1].

Основные задачи военной политики Российской Федерации определены Президентом Российской Федерации, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации и Военной доктриной.

Одной из основных задач в указанной сфере является поддержание Вооруженных Сил, других войск и органов в заданной готовности к боевому применению, и мобилизационной экономики страны на уровне необходимом для обеспечения задач в военное время.

Указанные задачи во многом обеспечиваются посредством положений законодательства о государственном оборонном заказе.

Надзор за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе (далее — ГОЗ) является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Принимая во внимание приоритеты, обозначенные Президентом Российской Федерации, в том числе по усилению государственного контроля, эффективным расходованием головными исполнителями и смежниками бюджетных средств, выделяемых на ГОЗ, повышению финансовой дисциплины участвующих в его исполнении организаций, работа на данном направлении должна носить системный характер и оказывать непосредственное воздействие на состояние законности в оборонной отрасли.

За последние годы системно скоординированная работа органов прокуратуры с органами государственной власти и контролирующими органами позволила добиться укрепления финансовой дисциплины в оборонной сфере, улучшить ситуацию с исполнением ГОЗ, сократить задолженность предприятий по невыполненным обязательствам. Мерами прокурорского реагирования незамедлительно пресекаются срывы сроков выполнения обязательств по государственным контрактам, хищения бюджетных средств, их неправомерного расходования, вывод за рубеж и обналичивание.

Вместе с тем, на сегодняшний день остаются не решены вопросы слабой организации деятельности предприятий оборонно-промышленного комплекса (далее — ОПК), низкого уровня планирования загрузки производственных мощностей, неэффективный механизм ценообразования, несоответствие качества продукции, производимой предприятиями ОПК, сложности в реализации банковского сопровождения ГОЗ и отсутствие действенной системы формирования кооперации.

Вопреки важности выполняемой работы допускаются факты неправомерного использования в рамках ГОЗ контрафактных изделий иностранного производства. Не обе-

спечивается должная защита прав государства на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе выполнения ГОЗ.

Несомненно, органами прокуратуры делается многое, чтобы полностью пресечь воровство и злоупотребления в оборонном комплексе, однако принимаемых мер явно недостаточно. Не соответствующей масштабам проблемы остается деятельность органов прокуратуры по принятию мер к возмещению ущерба, причиненного преступлениями.

Состояние законности свидетельствует о необходимости принятия действенных мер по организации прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства и законодательства о государственном оборонном заказе таким образом, чтобы гарантировано обеспечить получение бюджетных средств конечным потребителем и освоение их в установленном законом порядке исполнителями государственного оборонного заказа.

Таким образом, учитывая выявленные на сегодняшний день проблемы в рамках выполнения заданий ГОЗ, представляется целесообразным внесение изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на повышение эффективности механизмов защиты нарушенных имущественных прав государства при реализации ГОЗ.

Согласно части третьей статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и не подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым [2].

При этом статьей 23 УПК РФ определено, что если деяние, предусмотренное главой 23 УПК РФ, причинило вред интересам исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, и не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя данной организации или с его согласия.

Таким образом, возбуждение уголовных дел по фактам причинения ущерба дочерним предприятиям государственных корпораций, прежде всего в сфере государственного оборонного заказа, в силу перечисленных требований возможно только при условии поступления заявления от их руководителей.

По данным формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за период с 2018 года по июнь 2022 года в Российской Федерации зарегистрировано 4196 преступлений в сфере ОПК (по годам: 2018-673, 2019-784, 2020-923, 2021-1094, 2022-722), из них пред-

варительно расследовано 2652 преступления (по годам: 2018-414, 2019-465, 2020-578, 2021-808, 2022-387), о которых в суд направлено 1754 уголовных дела (по годам: 2018-277, 2019-301, 2020-245, 2021-527, 2022-311).

Размер причиненного материального ущерба по уголовным делам, возбужденным по фактам противоправных деяний в сфере оборонно-промышленного комплекса, за последние несколько лет превысил 16,6 млрд. рублей.

При этом органы предварительного следствия могут столкнуться с необоснованными отказами должностных лиц государственных корпораций либо интегрированных с ними структур от возбуждения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере государственного оборонного заказа.

Отказ в признании ущерба должностные лица могут мотивировать достижением конечных целей государственного оборонного заказа, несмотря на противоправные действия в ходе его исполнения, выявленные в ходе прокурорской проверки, отсутствием претензий со стороны государственных заказчиков. Стоит учесть, что представители предприятий ОПК могут под различными пред-

логами уклоняться от признания материального ущерба, выявленного в рамках проверок органов прокуратуры, особенно в случаях, когда заявление должно поступить от руководителя организации, которым и совершены противоправные действия.

Соответствующие изменения необходимо внести в статьи 20 и 23 УПК РФ, которые будут предусматривать отнесение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 159, 160, 165, 201 части первой Уголовного кодекса Российской Федерации, в случаях, когда предметом преступления являются денежные средства и (или) иное имущество, выделенные в целях реализации государственного оборонного заказа, к делам публичного обвинения, и исключающих необходимость подачи руководителем организации заявления о возбуждении уголовного дела.

Предлагаемые изменения позволяют повысить ответственность организаций ОПК за соблюдение норм законодательства в сфере ГОЗ, а также в полной мере обеспечат неотвратимость уголовного наказания лиц, виновных в хищении средств, выделенных из федерального бюджета, и способствуют своевременному взысканию причиненного ущерба.

Литература:

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001, «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52.

Об особенностях проведения контрольных (надзорных) мероприятий в 2022 году

Новиков Александр Витальевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Маркова Надежда Олеговна, кандидат юридических наук, доцент
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Понятие государственного контроля (надзора) содержится в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее — Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ) и определяется как деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, которая направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований юридическими лицами и их должностными лицами, а также индивидуальными предпринимателями [2]. Отметим, что в данном акте наблюдается смешение понятий «контроль» и «надзор». и законодатель фактически употребляет

их как равнозначные. Бесспорным является осуществление надзорной функции Прокуратурой Российской Федерации, о чем четко прописано в ст. 129 Конституции РФ. [1] Наиболее яркой характеристикой надзора является требование о том, что прокуратура не подменяет другие контролирующие органы, а осуществляет именно надзор за тем, как сами эти органы и соответствующие должностные лица исполняют возложенные на них законом обязанности по обеспечению контроля за исполнением законов.

Контрольные (надзорные) мероприятия проводятся в соответствии с Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 248-ФЗ [3] (далее — Федеральный закон N 248-ФЗ). Однако он

не применяется к видам контроля (надзора), перечисленным в ч. 4, 5 ст. 2 указанного Закона, в их числе налоговый, валютный и таможенный контроль.

Осуществление государственного контроля (надзора) реализуется посредством:

— организации и проведения проверок, а также мероприятий по контролю, которые осуществляются без взаимодействия с субъектами предпринимательской деятельности;

— организации и проведения мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований, а также принятия мер по пресечению (устранению) последствий в случае их выявления.

Прокурорский надзор за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности направлен на:

- повышение их правовой защищенности;
- обеспечение свободы экономической деятельности и благоприятного инвестиционного климата;
- снижение административного давления на бизнес со стороны контрольно-надзорных органов;
- соблюдение законности при проведении проверок хозяйствующих субъектов;
- предупреждение рейдерских захватов собственности. [8]

В ходе выступления в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 26 апреля 2022 года с докладом о состоянии законности и правопорядка в 2021 году и о проделанной работе по их укреплению, Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов, отметил, что в числе основных мер поддержки экономики остается создание благоприятных условий для ведения в стране бизнеса.

В связи с принятием Постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. N 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (далее — Постановление № 336), в 2022 г. по общему правилу плановые контрольные (надзорные) мероприятия не проводятся. [5]

В то же время, прокурорами выявлено порядка 800 незаконных проверок, в том числе проведенных вопреки установленному Постановлением N 336 мораторию.

Установлено, что в 2022 г. могут проводиться плановые контрольные (надзорные) мероприятия, только в отношении ряда объектов контроля, отнесенных к категории чрезвычайно высокого риска в рамках федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) и федерального государственного пожарного надзора. К их числу относятся дошкольное и начальное общее образование, деятельность по организации общественного питания детей, деятельность детских лагерей на время каникул и другие. Плановые контрольные (надзорные) мероприятия также проводятся в рамках федерального государственного надзора в области промышленной безопасности в отношении опасных производственных объектов, отнесенных ко II классу опасности, а также в рамках федерального госу-

дарственного ветеринарного контроля (надзора) в отношении деятельности по содержанию, разведению и убою свиней.

В указанных случаях вместо плановых контрольных (надзорных) мероприятий может быть осуществлен профилактический визит, от которого контролируемое лицо не имеет права отказаться. В то же время, допускается проведение профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия, которые не требуют согласования с органами прокуратуры. Однако, выдача предписаний по итогам проведения подобных контрольных мероприятий не допускается. Так, например, руководствуясь ч. 1 ст. 45 Федерального закона N 248-ФЗ, контрольными (надзорными) органами могут проводиться профилактические мероприятия в виде: информирования; обобщения правоприменительной практики; мер стимулирования добросовестности; объявления предостережения; консультирования; самообследования; профилактического визита. [3]

Важным является также и тот факт, что Постановление Правительства РФ от 08.09.2021 N 1520, которое установило особенности проведения плановых контрольных (надзорных) мероприятий в отношении субъектов малого предпринимательства в 2022 г., не отменено. Так, по общему правилу в 2022 г. в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые отнесены к субъектам малого предпринимательства плановые контрольные (надзорные) мероприятия также не проводятся. [4]

В то же время проведение внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, возможно по согласованию с органами прокуратуры в случаях непосредственной угрозы причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан, а также по фактам причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан.

Следует отметить, что проведение внепланового контрольного (надзорного) мероприятия без согласования с органами прокуратуры возможно исключительно по требованию прокурора в рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям. Однако, в связи с изменениями, внесенными 20.04.2022 в Приказ Генерального прокурора РФ от 27.03.2009 N 93 «О реализации Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» направление подобных требований возможно при условии строгого согласования с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. В то же время, направление требований о проведении проверок прокурорами городов, районов и приравненными к ним специализированными прокурорами и вовсе не допускается. Настоящим приказом также утвержден порядок согласования в органах прокуратуры проведения внеплановых выездных проверок

юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. [6]

В настоящее время отмечается юридически последовательная тенденция к снижению административной нагрузки. В первую очередь, в рамках прокурорского надзора она выражается в возможности проведения проверок исключительно по требованию прокурора. Последнее свидетельствует об усилении надзора за защитой прав предпринимателей, а также снижению числа незаконных контрольно-надзорных мероприятий. Кроме того, наблюдается рост пресеченных нарушений, связанных с направлением запросов на согласование внеплановых проверок. Выявление подобных нарушений на этапе согласования,

а также наличие самого механизма согласования является несомненным инструментом защиты прав предпринимателей. «Реализация прокурорами полномочий в сфере государственного и муниципального контроля стала барьером для незаконных проверок и эффективным способом защиты свободы экономической деятельности». [7]

В современных реалиях, деятельность органов прокуратуры по защите прав предпринимателей приобретает еще большую значимость и преследует цель предупреждения новых нарушений прав предпринимателей в связи с еще более острой необходимостью создания благоприятного экономического климата и условий для ведения в стране бизнеса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.07.2020, N 31, ст. 4412
2. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», // «Российская газета», N 266, 30.12.2008
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»//«Российская газета», N 171, 05.08.2020
4. Постановления Правительства РФ от 08.09.2021 N 1520 «Об особенностях проведения в 2022 году плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 13.09.2021, N 37, ст. 6540
5. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, N 11, ст. 1715
6. Приказ Генерального прокурора РФ от 27.03.2009 N 93 «О реализации Федерального закона от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» «Законность», N 5, 2009.
7. Л. В. Зюзенкова Полномочия прокурора по защите прав предпринимателей при реализации контролируемыми органами контрольно-надзорных функций // Прокурорский надзор за исполнением законов о защите прав предпринимателей: научно-методическое пособие — М., 2014. с. 156
8. Паламарчук, А. В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов о защите прав предпринимателей // Законность. 2014. N 5. с. 3-7.

Проведение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью при необходимости решения вопроса по передаче доли

Петровская Екатерина Владимировна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В исследовании моделируются ситуации, позволяющие определить необходимость совершения определенных законом действий, при условии, что один из участников ООО умер, а оставленная им доля не имеет прямых наследников. Автор обращает внимание на общие принципы, регулирующие порядок перехода такой доли, а также указывает на ряд особенностей, которые могут возникнуть при условии указанного перехода, если, к примеру, полномочия умершего охватывали управление делами общества с ограниченной ответственностью на сто процентов. Отдельный акцент делается на том, что законодательное представление об этом вопросе достаточно диспозитивно и в определенной степени за-

висит от волеизъявления самих участников Общества, которое может быть закреплено как в Уставе Общества, так и отражено в общем решении.

Ключевые слова: общество, гражданское законодательство, смерть участника, переход доли, устав, общее решение учредителей.

Holding a general meeting of members of a limited liability company, if it is necessary to resolution the issue on the transfer of a share

The study simulates situations that make it possible to determine the need to perform actions defined by law, provided that one of the LLC participants has died, and the share left by him has no direct heirs. The author draws attention to the general principles governing the transfer of such a share, and also points out a number of features that may arise under the condition of this transfer, if, for example, the powers of the deceased covered the management of the affairs of a limited liability company one hundred percent. Separate emphasis is placed on the fact that the legislative understanding of this issue is quite dispositive and, to a certain extent, depends on the will of the members of the Company themselves, which can be enshrined both in the Charter of the Company and reflected in the general decision.

Keywords: society, civil law, death of a participant, transfer of a share, charter, general decision of the founders.

Вопросам, а точнее механизмам, которыми определяется возможность участников различных юридических образований эффективно отстаивать свои права, в современной науке уделяется немало времени и внимания. В некотором смысле креатура указанной защиты уже давно сформирована, однако на практике встречаются случаи, когда те или иные ситуации могут истолковываться по-разному, а следовательно, и в её развитии могут возникать сложности, которые порой можно преодолеть исключительно путем законодательной коррекции.

К примеру, одной из спорных ситуаций в оценке дальнейшей деятельности общества с ограниченной ответственностью (далее по тексту — ООО, Общество) является смерть одного из его учредителей (участников). На первый взгляд, все не так и сложно. В данном случае, как указано в пункте 1 статьи 93 Гражданского Кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) [1], определяющей общие принципы перехода доли одного участника к другому, указанный переход доли или части доли участника в уставном капитале ООО к другому лицу возможен при условии заключения отдельного соглашения, либо если такой переход обусловлен правопреемством, а также иных основаниях, предусмотренных положениями действующего законодательства. При этом конфигурация такого перехода непосредственно связана с действием Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] (далее — Закон об ООО), где пунктом 6 ст. 93 ГК РФ, п. 8 ст. 21 Закона об ООО установлено, что переход доли в уставном капитале может быть осуществлен в порядке наследования при условии, если противоположное не предусмотрено Уставом общества.

В свою очередь, Устав ООО может определять алгоритм, при котором освобожденная доля может переходить к наследнику исключительно с согласия остальных участников общества. Данный механизм представляет из себя своего рода гарантию выбранной всеми участни-

ками общества стратегии его развития в дальнейшем и отсутствия спекуляции своим положением в случае выбывания одного из тех, кто является созидательным звеном в общем деле. В таком случае отказ в согласии повлечет за собой переход доли умершего участника к членам ООО, но при этом Общество обязано будет выделить необходимые средства наследнику с учетом честной рыночной стоимости неполученной им доли. Размер доли должен быть определен с учетом оценки, произведенной на основании бухгалтерской отчетности общества, полученной за последний отчетный период (п. 5 ст. 23 Закона об ООО).

Как следует из судебной практики, для решения вопроса о переходе доли к наследнику совсем не обязательно наличие специальных положений об этом факте в уставе общества. Примером разрешения указанного вопроса служит постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2015 № 17АП-11249/15 [3], где указанный вопрос был рассмотрен достаточно полно и объективно.

Между тем, в соответствии с пунктом 1 ст. 32 Закона об ООО, именно общее собрание представляет из себя высший орган управления общества, при этом факт принятия решения данным органом по спорным вопросам не является гарантией того, что позиция всех участников общества была одинаковой. Исключение из данного принципа может быть только таким, которое указывает на необходимость принятия единогласного решения.

Стоит отметить, что ни ГК РФ, ни Закон об ООО не устанавливает императивных требований по части того, что для перехода доли в наследстве необходимо получать согласие от каких-либо органов общества. Это прерогатива самих участников, при этом их воля по данному вопросу может в дальнейшем заверяться нотариально, о чем, собственно, и гласит гражданское законодательство.

Несколько иное представление о необходимости совершения определенных законом действий имеется в со-

временном праве, если умерший был генеральным директором, а также при условии того, что он был единственным учредителем (участником) Общества.

Так, в случае смерти указанного лица его доля, как единственного участника, переходит к наследникам, при этом, если людей, уполномоченных действовать от лица Общества, не осталось, в соответствии с пунктом 8 статьи 21 Закона № 14-ФЗ, а также статьи 1173 Гражданского Кодекса РФ [4] в отношении оставленной доли вводится доверительное управление. Время действия указанного управления производится с момента объявления о смерти и до момента принятия наследства. Если умерший не оставил завещания на управления делами Общества, полномочия о доверительном управлении переходят в юрисдикцию нотариуса, которым формируется наследственное дело (п. 1 ст. 1173 ГК РФ, п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9). В свою очередь, на нотариуса возлагается обязанность произвести назначение управляющего, который сможет производить соответствующее управление Обществом, а также принимать участие в общих собраниях и, соответственно, иметь право подписи в протоколе.

Немного другое развитие событий предусмотрено, если наследник не вступает в права и не предпринимает действий, направленных на прямое участие в управлении Обществом. В данном случае логично будет инициировать проведение общего собрания и посредством оформления протокола закрепить право остальных участников принимать решения на тот период, пока решение по доле не будет окончательным. Как следует из практики, 80% держателей уставного капитала ООО является достаточным для соблюдения кворума и решения иных вопросов, связанных с управлением делами общества (абз. 4 п. 1 ст. 32, п. 8 ст. 37 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ). При этом для избежания всевозможных рисков, в соответствии со ст. 36 Закона об ООО, производится уведомление доверительного управляющего или нотариуса. Важно, что указанное обращение к нотариусу не является обязательным и может вводиться как императивный принцип только в том случае, если на это прямо указано в Законе или Уставе. В частности, в положениях статьи 37 Закона об ООО указано, что общее собрание может проводиться в соответствии с теми правилами, которые установлены настоящим законом либо прописаны в Уставе Организации. В той части отношений, где указанные источники не применяются, установленный порядок проведения общего собрания всех участников определяется общим собранием и фиксируется протоколом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021, с изм. 25.02.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. N 7. ст. 785.

Немаловажным будет заметить, что положениями Федерального закона от 05.05.2014 N 99-ФЗ [5] было введено требование, на основании которого установлен новый порядок утверждения решений, закрепляющих право общего собрания решать вопросы о составе участников общества, присутствующих при его принятии. В соответствии с пунктом 3 статьи 67.1 ГК РФ принятие указанного решения будет осуществляться путем нотариального удостоверения. При этом в отношении общества с ограниченной ответственностью такой алгоритм действует только тогда, когда противное не установлено Уставом общества либо решением, отраженным в протоколе и принятым единогласно. Стоит указать и то, что в случае, если установленные требования по закреплению перехода доли в нотариальном порядке не будут соблюдены, такое решение признается ничтожным (абз. 3 п. 107 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [6]). В данном случае собрание проводится в любом месте, куда приглашается нотариус, либо такое собрание проходит непосредственно в нотариальной конторе. В ходе чего нотариусу должны быть представлены следующие документы: устав общества; документ (положение), определяющий порядок проведения таких собраний, внутренний документ общества, уже принятое решение о проведении собрания, а также список всех участников общества для того, чтобы нотариальное лицо смогло убедиться в присутствии всех уполномоченных лиц (части 3 статьи 103.10 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате) [7]. По итогам проведения общего собрания нотариус выдает свидетельство (ч. 1 ст. 103.10 Основ законодательства о нотариате), где отражается факт принятия решения общим собранием конкретного решения. В этом же свидетельстве отражается состав участников.

Таким образом, можно констатировать, что нотариальное удостоверение вышеуказанных обстоятельств, в том числе и в случае смерти одного из, или единственного участника, является обязательным, равно как и то, что присутствие всех участников при принятии общего решения, которое в дальнейшем будет закрепляться нотариально, не является обязательным, если только на это прямо не указано в Уставе Общества.

В свою очередь, последствия, связанные со смертью участников, могут иметь разное воздействие, поэтому многие учредители стараются предусмотреть указанный момент заранее и устанавливают порядок нотариального удостоверения для того, чтобы в дальнейшем было проще отстаивать интересы членов Общества.

3. Кочкурова, К.С. О подтверждении факта принятия общим собранием ООО решений и состава присутствовавших участников/К.С. Кочкурова // Пробелы в российском законодательстве. — 2020. — Т. 13. — № 7. — с. 71-75.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ 03.12.2001. N 49. ст. 4552.
5. Федеральный закон от 05.05.2014 N 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. N19. ст. 2304.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 8. август. 2015.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 26.03.2022) // Российская газета. N 49. 13.03.1993.

Проблема обеспечения достоверности ЕГРН и защиты добросовестного приобретателя недвижимого имущества

Петухов Данил Юрьевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Анализируется проблема достоверности сведений ЕГРН с учетом необходимости защиты прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества, требующая разрешения с учетом наличия в действующем гражданском законодательстве положений, ухудшающих положение рассматриваемого круга лиц, которые должны быть подвергнуты корректировке.

Ключевые слова: Единый государственный реестр недвижимости, достоверность сведений, регистрация прав, недвижимое имущество.

Принципы действующего гражданского законодательства закреплены в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть 1) (далее ГК РФ (часть 1)). В их число входит так называемый принцип добросовестности [1].

Согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу пункта 4 статьи 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу пункта 5 статьи 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного пове-

дения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) [2].

В продолжение рассматриваемого принципа законодатель предусмотрел отдельное его уточнение в вопросах, связанных государственной регистрацией прав на недвижимое имущество, а именно с защитой прав лиц, являющихся добросовестным приобретателем недвижимого имущества.

Согласно положений п. 6 ст. 8.1 ГК РФ (часть 1) приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (статьи 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него.

Учитывая тот факт, что в данной норме усматривается неразрывная взаимосвязь между государственным реестром и признанием лица, обращающегося к его сведениям, добросовестным, представляется необходимым коснуться вопросов, связанных с указанным источником информации.

Согласно п. 2 ст. 1 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Единый государственный реестр недвижимости (далее ЕГРН) является сводом достоверных систематизированных сведений об учтенном в соответствии с настоящим Федеральным законом недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных установленных в соответствии с настоящим Федеральным законом сведений [3].

В связи с вышеуказанным положением представляется необходимым выделить основную проблему, возникающую в вопросах регистрации прав лица на недвижимое имущество — проблему достоверности сведений, содержащихся в ЕГРН, а также ее негативное влияние на правовое положение добросовестных приобретателей такого имущества.

В первую очередь, стоит отметить, что понимание понятия «достоверность» различается у простого обывателя и правоприменителя.

Человек, обращающийся к рассматриваемым сведениям, не являющийся специалистом в данной области, рассчитывает на то, что полученные им данные, во-первых, отвечают требованию полноты относительно всех параметров и характеристик, которыми обладает объект недвижимости, во-вторых, предполагает, что сведения из реестра полностью соответствуют законодательным требованиям как фактически, так и юридически, а в-третьих, исключают возможность возникновения каких-либо проблем при их использовании. Подобная позиция по отношению к оценке сведений ЕГРН логична и объективно адекватна, так как построена на простом восприятии правовой информации, исходя из нормальных когнитивных способностей.

Позиция практики, основанная в первую очередь на государственном подходе, складывается из следующих аспектов: во-первых, достоверность сведений ЕГРН базируется на выполнении правила о постановке на учет недвижимого имущества с указанием всех его обязательных характеристик в порядке, предусмотренном законодательством, а во-вторых, подкрепляется заранее принятым за правило положением, в соответствии с которым внесенные в реестр сведения отражают реальное состояние регистрируемого объекта и права на него имеют должное оформление.

Таким образом, получается, что правообладатели и иные заинтересованные лица, обращаясь к сведениям ЕГРН, заведомо полагают, что они истинны, а значит, не требуют проверки, так как таковая осуществляется государством, а государство рассматривает ЕГРН как источник информации, в который субъекты должны вносить только достоверные сведения. Простыми словами: обыватели рассчитывают на обеспеченность достоверности сведений ЕГРН государством, а государство рассчитывает на такую обеспеченность лицами, осуществляющими непосредственное внесение сведений в ЕГРН.

Пункт 5 ст. 8.1 ГК РФ (часть 1) закрепляет за уполномоченным в соответствии с законом органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на имущество,

проверять полномочия лица, обратившегося с заявлением о государственной регистрации права, законность оснований регистрации, иные предусмотренные законом обстоятельства и документы, а в случаях, если право на имущество возникает, изменяется или прекращается вследствие наступления обстоятельств, указанных в законе, также наступление соответствующего обстоятельства [1]. Таким образом, обязанность по проверке поступающих в реестр сведений наложена на уполномоченных лиц, однако возникает логичный вопрос о том, каким образом осуществляется данная проверка и на сколько объективный результат она дает.

Отдельная роль в данном вопросе отводится нотариату, так как в случае, если право на имущество возникает, изменяется или прекращается на основании нотариально удостоверенной сделки, уполномоченный в соответствии с законом орган вправе проверить законность соответствующей сделки в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом. Данное акцентирование законодателем на том, что уполномоченный орган не обязан, а в праве проверять законность нотариально удостоверенной сделки, позволяет сделать вывод о том, что участие нотариуса при проведении сделки выступает практически непоколебимым гарантом достоверности тех сведений, которые поступают в ЕГРН после таких сделок.

Данный подход, с одной стороны упрощает процедуру проверки необходимых аспектов при регистрации права на недвижимое имущество, а с другой дает возможность недобросовестным приобретателям права на недвижимое имущество воспользоваться услугами нотариуса, чтобы предать сделке и документам, оформленным в ходе ее совершения, максимально достоверный вид, не вызывающий подозрений и желания у уполномоченного органа осуществлять их проверку в общем порядке.

Интересным представляется подход законодателя к вопросу достоверности сведений из ЕГРН, сформулированный в ст. 62 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Согласно ее положениям, сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости и предоставленные на основании запроса о предоставлении сведений, независимо от способа их предоставления являются актуальными (действительными) на дату подписания органом регистрации прав соответствующей выписки из Единого государственного реестра недвижимости [3].

Несмотря на использование в данной норме категорий «актуальные» и «действительные», очевидно, что для правообладателей под ними подразумевается в том числе и достоверность указанных сведений, в связи с чем возникает проблема, связанная с внесением изменений в ЕГРН после получения необходимых сведений правообладателем, о которых последний объективно не может знать, оставаясь при этом добросовестным приобретателем, однако подобная ситуация существенно ухудшает его положение, предполагая не только затягивание процесса, но и полную его ликвидацию в случаях, если внесенные

корректировки в сведения ЕГРН будут носить соответствующий характер.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время положения действующего гражданского законодательства с одной стороны поддерживают тенденцию укрепления позиций достоверности сведений, содержащихся в ЕГРН, а с другой стороны создают хоть и узкие, но возможности нарушения закладываемого подхода, так как, в первую очередь, нельзя исключать так называемый человеческий фактор, который может оказывать существенное негативное влияние на вопросы обеспечения достоверности сведений из рас-

сматриваемого реестра, а также в законе прямо предусмотрена «лазейка», позволяющая трансформировать изначально достоверные и актуальные сведения из ЕГРН в недостоверные с течением даже малого временного промежутка. На наш взгляд, положения статьи 62 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» стоит дополнить указанием на срок, на протяжении которого должна сохраняться актуальность истребованных сведений, так как ссылка на то, что таким свойством сведения обладают исключительно на конкретную дату истребования, представляется ухудшающим положение добросовестных приобретателей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. — № 156. — 17.07.2015.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — № 140. — 30.06.2015.

Обзор особенностей тактики допроса свидетелей в ходе расследования в современных условиях

Полинкевич Виктор Вячеславович, студент магистратуры
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

Национальная правовая система России является неотъемлемым составным компонентом мировой системы права, даже несмотря на существующие в настоящее время политические противоречия. В этой связи уместно говорить о том, что в Российской Федерации усилия властных органов полностью ориентированы на защиту основополагающих прав и свобод человека. В частности, правоохранительные органы так или иначе вынуждены концентрировать свои усилия на реализации заявленного принципа в ходе осуществления процедуры проведения следственных действий. В качестве подтверждения данного тезиса обратимся к некоторым положениям Уголовно-процессуального кодекса [1]:

- право на общий и специальный свидетельский иммунитет (п. 40 ст. 5; ч. 3, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);
- право на запрет производства допроса в ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства (ч. 3 ст. 164 УПК РФ);
- право на запрет применения насилия, угроз и иных незаконных мер в ходе допроса, а равно создание опасности для жизни и здоровья (ч. 4 ст. 164 УПК РФ);
- право допрашиваемого лица, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ве-

дется производство по уголовному делу, давать показания на родном языке или языке, которым оно владеет, а также пользоваться помощью переводчика бесплатно (ч. 2 ст. 18 УПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);

- право допрашиваемого лица пользоваться в ходе допроса документами и записями (ч. 3 ст. 189 УПК РФ);
- право ходатайствовать о проведении в ходе допроса фотографирования, аудио- и (или) видеозаписи, кино- съемки (ч. 4 ст. 189 УПК РФ);
- право свидетеля явиться на допрос с адвокатом (ч. 5 ст. 189 УПК РФ);
- право несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет (по усмотрению следователя от 14 до 18 лет) на допрос с участием педагога (ч. 1 ст. 191 УПК РФ);
- право несовершеннолетнего потерпевшего на присутствие при его допросе законного представителя (ч. 1 ст. 191 УПК РФ);
- право несовершеннолетнего обвиняемого быть допрошенным при обязательном участии защитника (ч. 2 ст. 425 УПК) [2].

Помимо указанных прав человека и личности, существуют и особенные, касающиеся только несовершенно-

нолетних. Так, например, несовершеннолетние не могут быть допрошены более 2 часов подряд и более 4 часов с перерывами в течение суток.

Здесь стоит отметить, что российское уголовное и уголовно-процессуальное право несет в себе узнаваемые черты международных принципов права. Одним из базовых нормативно-правовых актов, регулирующих правоохранительную деятельность в отношении несовершеннолетних, нарушивших уголовное законодательство или обвиняемых в таковом, является Конвенция о правах ребенка. Согласно данному документу, несовершеннолетние освобождаются от принудительной дачи свидетельских показаний. Также несовершеннолетний вправе передать возможность изучения показаний свидетелей третьим лицам — законным представителям: родителям, опекунам.

Особый акцент внимания сфокусируем на допросе, который является одним из наиболее часто применяемых следственных действий в правоохранительной практике. Важность межнационального регулирования заключается в необходимости применения унифицированных методов допроса, понятных большинству граждан различных стран мира. Также необходимо помнить об ограничениях, устанавливаемых международным правом на организацию процесса допроса.

В рамках анализа особенностей допроса свидетелей необходимо отметить 51 статью Конституции, закрепляющую право человека не свидетельствовать против себя или членов своей семьи. Подобное положение, безусловно, облегчает процесс допроса для допрашиваемого, но заметно усложняет таковой для правоохранителей, так как понятия гражданина об обстоятельствах событий, относительно которых происходит допрос, могут быть в достаточной степени субъективными. Иными словами допрашиваемый считает, что имеет право хранить молчание, опасаясь навредить себе или кому-нибудь из своих близких, однако избранная модель поведения может в значительной мере затормозить следственные действия. В этой связи мы считаем, что статья 51 Конституции Российской Федерации имеет достаточно размытый правоприменительный характер. В частности, учитывая последние изменения в УК РФ (ст. 205.6) и ФЗ «О противодействии терроризму», касающиеся ужесточения наказания за недоносительство об известных фактах готовящихся террористических актов, создает двойственность трактовки действий допрашиваемого относительно тех

сведений, которые им предоставляются работникам правоохранительных органов [3; 4]. Фактически неиспользование части сведений, известных допрашиваемому, но не получаемых в рамках допроса, создают предпосылки для искажения следственных действий, что в части случаев способно привести к низкой раскрываемости преступлений.

Помимо обозначенных проблем, возникающих при допросе свидетеля, в настоящее время актуализировался вопрос допроса свидетелей с применением технических средств. К условиям, определяющими порядок подобных мероприятий, можно отнести действие статьи 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий». Так, в рамках нормативно-правовых актов используется лишь понятие некоторых форм подобного допроса: «фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись» (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). Однако в указанной части УПК ничего не говорится о применении иных технических средств допроса несовершеннолетних. В первую очередь мы имеем в виду ведение допроса с использованием дистанционных технологий. Так, на сегодняшний день в правоприменительной практике отсутствует возможность проведения подобных мероприятий. Особо важно отметить, что при допросе несовершеннолетних в случае возможного применения описываемых технологий стоит рассмотреть морально-этический аспект. Так, мы ранее говорили о лимитах времени, выделяемых на традиционный допрос несовершеннолетних. При использовании онлайн-технологий очевидна необходимость пересмотра нормативов использования возможности увеличения времени на допрос. Также отсутствие реального контакта в перспективе может породить неточности в трактовке показаний несовершеннолетнего сотрудниками правоохранительных органов. В этой связи важно отметить, что последние должны обладать комплексом необходимых компетенций для максимально полной аналитики предоставляемой информации.

Таким образом, в рамках настоящей исследовательской работы нам удалось выявить ключевые особенности допроса несовершеннолетних, а также обозначить проблемные ситуации в аспекте необходимости применения цифровых технологий в будущем. В качестве выводов можем обозначить крайнюю необходимость повышения уровня цифровой грамотности у сотрудников правоохранительных органов.

Литература:

1. УПК РФ от 18.12.01 Федеральный закон от 11.10.2018. № 361-ФЗ.
2. Хатаев, Ф.И. Тактика допроса свидетеля в ходе расследования/Ф.И. Хатаев // Вестник научных трудов молодых учёных, аспирантов, магистрантов и студентов ФГБОУ ВО «Горский государственный аграрный университет». Том 55. Часть IV. — Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2018. — с. 278-280.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. — 13.03.2006. — № 11. — ст. 1146.
4. УК РФ 13.06.1996. № 63.-ФЗ в ред от 03.10.2018-ФЗ. № 63.

Особенности расследования заражения другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей

Проулочнова Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В представленной статье рассмотрены основные аспекты такого преступления, как заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Перечислены варианты следственных ситуаций, при которых возможно заражение лица ВИЧ-инфекцией в медицинском учреждении. Кроме того, кратко описаны и первоначальные следственные действия, производимые при расследовании данных уголовных дел. В заключение был сделан вывод о высокой степени опасности рассматриваемого вида преступлений.

Ключевые слова: медицинские услуги, ятрогенные преступления, ВИЧ-инфекция, ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей.

Согласно федеральному закону от 30.03.1995 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», лицо, у которого выявлена ВИЧ-инфекция, уведомляется работником медицинской организации, проводившей медицинское освидетельствование, о результатах освидетельствования и необходимости соблюдения мер предосторожности с целью исключения распространения ВИЧ-инфекции, о гарантиях соблюдения прав и свобод ВИЧ-инфицированных, а также об уголовной ответственности за поставление в опасность заражения либо заражение другого лица [1].

По сей день данное заболевание, названное чумой XX века, является неизлечимым. Поражая иммунную систему человека, оно оставляет последствия на всю последующую жизнь. Число зараженных ВИЧ-инфекцией не уменьшается, несмотря на проводимые меры профилактики. В настоящее время существует терапия, позволяющая облегчить симптомы заболевания и продлить жизнь ВИЧ-инфицированного человека, однако это не умаляет серьезности заболевания и ответственности за заражение другого человека ВИЧ-инфекцией.

Особенностью передачи данного вируса является ограниченность в способах передачи, а именно, ВИЧ-инфекция может быть передана через кровь, сперму, секрет влагалища, грудное молоко. Воздушно-капельным путем, через рукопожатие, объятия, при пользовании общей посудой, полотенцами данный вирус не передается.

В связи с общественной опасностью деяния, уголовным законом предусмотрена ответственность за заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знающим о наличии у него этой болезни, заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей.

Что касается особенностей расследования заражения другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего

исполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, то ответственность за данные преступления предусмотрена ч. 4 ст. 122 УК РФ.

Отдельной частью предусмотрена ответственность именно медицинских работников за данное деяние, так как они непосредственно могут взаимодействовать с биологическими жидкостями человека, через которые и передается ВИЧ-инфекция. Нормой права не оговорены конкретные специализации и не указаны профили, тем самым, законодатель верно отмечает, что заражение ВИЧ-инфекцией возможно путем осуществления различных медицинских манипуляций.

Основным фактором является наличие или отсутствие у лица мотивированного предположения о том, в каком медицинском учреждении оно было заражено ВИЧ-инфекцией, поскольку, не зная медицинского учреждения, весьма сложно установить процедуру, в ходе которой лицо было заражено.

Осложняется установление конкретного медицинского учреждения, где лицо могло быть заражено ВИЧ-инфекцией тем, что заболевание чаще всего выявляется в его конечной стадии, которое называется Синдром приобретенного иммунодефицита, и на тот момент человек уже мог обследоваться в множестве лечебных учреждениях. В этой связи количество учреждений, где могло произойти заражение возрастает.

В связи с вышеизложенным можно выделить следующие варианты следственных ситуаций:

- лицо знает учреждение и процедуру;
- лицо знает учреждение и не знает процедуру;
- лицо не знает учреждение и знает процедуру;
- лицо не знает учреждение и не знает процедуру [2].

В качестве базовой можно принять следственную ситуацию, при которой лицо знает учреждение и процедуру, также для нее нами сконструирован алгоритм.

Первоначальные следственные действия при расследовании уголовного дела по ч. 4 ст. 122 УК РФ имеют определенный алгоритм, который включает два основных блока:

1) следственные действия, которые необходимо провести незамедлительно в целях сведения к минимуму потери криминалистически значимой информации;

2) следственные действия, которые можно временно отложить.

Первоначальные следственные действия имеют определенную последовательность исходя из целей установления информации о месте, способе, времени и иных обстоятельствах состава преступления, происходит опрос предполагаемого потерпевшего. Без перечисленной информации очень затруднительно вести эффективную деятельность по обнаружению и фиксации следов предполагаемого преступления.

В дальнейшем, в целях наиболее полного и достоверного получения необходимой информации о произошедшем, следователь с участием лица, обладающего специальными профессиональными знаниями, осматривает представленную заявителем медицинскую документацию с целью установления перечня медицинских процедур и услуг, которые были оказаны потерпевшему лицу.

Установив перечень оказанных услуг, следователь опрашивает лицо, обладающее специальными знаниями в области профилактики ВИЧ-инфекции с целью установления среди оказанных медицинских услуг тех, в ходе которых наиболее вероятно заражение ВИЧ-инфекцией.

Далее происходит осмотр предполагаемого места совершения преступления. На этом этапе необходимо четко обозначить нужные факторы и обстоятельства, подлежащие выяснению, точно определить место предполагаемого заражения в лечебном учреждении.

После проведенного осмотра предполагаемого места совершения преступления, следователю необходимо дать поручение сотрудникам Роспотребнадзора провести в лечебном учреждении проверку, так как, если бы она проводилась ранее, имела бы вероятность искажения картины места происшествия действиями уполномоченных лиц.

После проведенного осмотра также строго необходимо немедленно опросить подозреваемого в совершении преступления, дабы у него не было возможности оказать прямое противодействие органам предварительного расследования.

После опроса предполагаемого подозреваемого, с целью снижения уровня противодействия органам предварительного расследования и исключения возможности уничтожения или фальсификации документов, необходимо получить в лечебном учреждении всю медицинскую документацию, касающуюся заявителя.

И только после исключения возможности фальсификации медицинских документов, следователь должен под-

готовить запросы, которые касаются личности предполагаемого подозреваемого.

В то время как будут подготавливаться ответы на запросы, следователь должен провести опрос сотрудников медицинского учреждения. Опрос сотрудников медицинского учреждения ввиду высокого уровня профессиональной корпоративной солидарности медицинских работников следует проводить лишь тогда, когда собрано максимальное количество информации из других источников.

Дальнейшая последовательность следственных действий, за исключением принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, определяется следователем, исходя из сложившейся конкретной следственной ситуации.

Ситуации, когда потерпевший не обладает информацией о процедуре и (или) учреждении, где произошло заражение ВИЧ-инфекцией, конечно осложняют проведение следственных действий. Следователь должен установить период времени, когда лицо заразилось ВИЧ-инфекцией, после этого необходимо собрать информацию обо всех проведенных медицинских манипуляциях в отношении и данного лица во всех медицинских учреждениях. Необходимо брать во внимание проведение любых процедур с целью достоверного определения виновного лица и места совершения преступления.

К возбуждению уголовного дела приводит тот алгоритм проведения следственных действий, по которому будет установлена причинно-следственная связь между действиями медицинских работников и наступившими последствиями в виде заражения ВИЧ-инфекцией.

Как говорилось выше, данный факт зачастую установить проблематично в связи с истечением большого периода времени и множественностью лиц, которые могут быть к этому причастны. Кроме того, при расследовании преступлений не стоит исключать возможности заражения ВИЧ-инфекцией за пределами медицинских учреждений, даже если потерпевший утверждает обратное. Здоровый образ жизни и положительное поведение не исключают возможности заражения.

Таким образом, приведенный выше алгоритм первоначального этапа расследования преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 122 УК РФ, должен применяться следователем исходя из конкретных обстоятельств произошедшего, и может быть несколько изменен. Рассматриваемое преступление является весьма опасным, касается наиболее важной стороны человеческой жизни, а именно — здоровья, и потому должно выявляться и расследоваться тщательно и наиболее эффективно.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.03.1995 № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом»
2. Венев, Д. А. Алгоритмизация первоначального этапа расследования (доследственной проверки) при расследовании преступлений, связанных с заражением другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего испол-

нения медицинским работником своих профессиональных обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6 (55). с. 175-182.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газета. — 1993. — 25 дек.; СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

Правовой анализ информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Пузанкова Ирина Владиславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор проводит правовой анализ информационных прав человека в современном обществе.

Ключевые слова: права человека, частная жизнь, информация, неприкосновенность, тайна переписки.

Одна из ключевых современных проблем действующего российского законодательства проявляется в специфическом регулировании прав граждан на получение релевантной, достоверной и актуальной информации. Данному вопросу посвящено порядка 20 положений в Конституции РФ и более 30 статей в федеральных нормативно-правовых актах, однако, безусловно, основные конституционные положения, касающиеся информационных прав граждан, сконцентрированы в статьях 24 и 29 Конституции РФ.

На основе проведенного анализа Конституции РФ, ниже представлен перечень конституционных прав человека и гражданина, так или иначе касающихся информационной сферы, то есть комплекс информационных прав человека.

1. Право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) и право на неприкосновенность информации о частной жизни (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ). Стоит отметить, что данное право также закреплено в ряде федеральных законов, и безусловно в международно-правовых актах, в частности ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8 Европейской конвенции прав человека.

Согласно положениям ч. 1 ст. 24 Конституции РФ, человеку гарантируется соблюдение тайны его частной жизни путем недопустимости сбора, распространения и использования каких-либо сведений о нем. При этом, согласно Указа Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», в тайну личной жизни включается конфиденциальная информация о событиях и фактах, которые произошли с человеком, и позволяют в полной мере идентифицировать личность данного человека [11].

Таким образом, тайна частной жизни распространяется на конфиденциальные сведения, к которым законодатель, в частности, относит:

- тайну переписки, а также телеграфных или иных переговоров (ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [10]);

- семейную тайну, включая тайну усыновления (ст. 139 Семейного кодекса Российской Федерации [2]);

- тайну исповеди (п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [7]);

- личную тайну (к примеру, информацию об общении человека в его интимных отношениях, состоянии здоровья, дружески и деловых контактах, порочном социальном прошлом и т. п.);

- сведения, которые в соответствии с законодательством признаются персональными данными (ст. 3, 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [9] (далее — Закон о персональных данных)).

Стоит отметить, что с позиции Конституционного Суда РФ, вышеприведенный перечень конфиденциальных сведений, которые составляют личную тайну человека, исчерпывающим не является, поскольку каждый человек сам для себя устанавливает объем, границы и содержание своей личной тайны, самостоятельно определяя, разглашение каких именно сведений без данного на то его согласия с нравственной точки зрения наносит ему ущерб [13].

Неприкосновенность частной жизни охраняется государством посредством предоставления гражданину ряда конституционных гарантий, к которым, в частности, можно отнести:

- запрет на какое-либо необоснованное вмешательство в частную жизнь человека;

- запрет на сбор, использование и распространение с согласия человека каких-либо сведений о нем персонально и о его личной жизни;

- право человека на отказ от дачи показаний против себя, согласно нормам ст. 46, 47 Уголовно-процессуального кодекса РФ [4] (далее — УПК РФ) и пп. 1-3 п. 4 ст.

69 Гражданского процессуального кодекса РФ [1] (далее — ГПК РФ);

— право на охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина, равно как и право на возмещение причиненного в результате противоправных действий вреда;

— возможность ограничения права на неприкосновенность частной жизни исключительно в случаях, прямо установленных законом или на основании судебного решения;

— иные меры защиты права на неприкосновенность частной жизни, не противоречащие действующему законодательству.

Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой запрет вмешиваться в личную сферу человека третьих лиц, включая государственные органы власти. Конституционные нормы о неприкосновенности частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) и неразглашении информации о частной жизни (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ) обладают прямым действием вследствие того, что для их исполнения принят ряд нормативно-правовых актов, которые защищают право личной жизни человека в разных сферах.

2. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Так, право на тайну переписки обеспечивает различные способы передачи конфиденциальной информации человека, вне зависимости от носителя данной информации, в частности:

- бумажные письма и бумажная корреспонденция;
- письма, отправляемые человеком при помощи электронных средств связи, то есть через сеть интернет на электронную почту;
- телефонные СМС-сообщения и сообщения, которые пересылаются при помощи различных мессенджеров (Viber, WhatsApp и др.);
- сообщения, передаваемые человеком в социальных сетях.

Таким образом, тайна переписки Конституцией РФ гарантируется одинаково и к передаваемой информации посредством организации связи (телеграфа, почты), и к передаваемой информации посредством индивидуального обмена в любой форме.

Стоит также отметить, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, к тайне переписки относится как само содержание передаваемых человеком сообщений и писем, так и сведения о времени отправки сообщения, информации о получателе, количестве переданных писем и сообщений [14].

Ключевая гарантия данной категории личных прав человека закреплена в норме ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, и подразумевает ограничение тайны переписки только на основании судебного решения. Данное положение в дальнейшем получило развитие в ряде нормативно-правовых актов:

— только с личного согласия участников переписки, суд и участники открытого гражданского процесса вправе

исследовать и озвучивать материалы писем и сообщений, в ином случае заседание должно проходить в закрытом режиме (ст. 182 ГПК РФ);

— выемка почтовых отправлений, а также наложение на них ареста разрешены исключительно при решении судебного органа (ст. 13 УПК РФ);

— операторов связи обязаны не разглашать конфиденциальные сведения, ставшие им известными, а также обеспечить соблюдение тайны переписки третьим лицам (пп. 1, 2 ст. 63 Федерального закона «О связи»);

— вскрытие почтовых отправлений для осмотра возможно исключительно на основании судебного решения (пп. 3 ст. 63 Федерального закона «О связи»);

— проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые связаны с посягательством на тайну переписки, возможно исключительно на основании решения суда (п. 2 ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [6] (далее — Закон об ОРД)).

Таким образом, право человека на тайну переписки относится к разряду важнейших личных (гражданских) конституционных прав и может быть ограничено исключительно на основании решения судебного органа.

3. Право на доступ к информации, затрагивающей права и свободы человека (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). Согласно положению ч. 2 ст. 24 Конституции РФ на государственные органы власти, а равно и на органы местного самоуправления возложена обязанность (если иное законом не предусмотрено) обеспечить возможность каждому ознакомиться с материалами и документами, которые так или иначе затрагивают права и свободы человека.

С целью развития данного личного права еще в конце 1993 года Президентом РФ принят Указ Президента РФ от 31.12.1993 № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» [12], в соответствии с которым любая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления должна осуществляться с учетом принципа информационной открытости, то есть гражданам обеспечивается право доступа к информации, которая затрагивает их личные интересы или представляет общественный интерес, а также органы государственной власти и местного самоуправления обязаны систематически информировать граждан о тех или иных принимаемых решениях.

Также, в Российской Федерации, посредством закрепленного ч. 2 ст. 24 Конституции РФ конституционного права на доступность информации о правах и свободах граждан, действует общий принцип, в соответствии с которым должна быть доступной и открытой информация, представляющая государственный и общественный интерес, за исключением законодательно оговоренных случаев.

4. Свобода мысли и слова (ч. 1-2 ст. 29 Конституции РФ) и свобода выражения своих мнений и убеждений (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ). Данное правомочие подразуме-

вает под собой право личности беспрепятственно со стороны третьих лиц, включая государство, формировать свои мнения и убеждения, их придерживаться или свободно от них отказываться, а также свободно выражать свои мнения и убеждения, если это не противоречит действующему законодательству. При этом конституционные нормы не допускают какое-либо принуждение человека к выражению своих мнений и убеждений.

Важность данного правомочия обусловлена его необходимостью в качестве одного из основных условий реализации других прав и свобод человека, в первую очередь, в политической сфере. Свобода мысли и слова абсолютного характера не носит, поскольку на территории России запрещена любого рода агитация или пропаганда, так или иначе возбуждающая религиозную, национальную, расовую или социальную вражду и ненависть, а также в действующем законодательстве присутствует запрет на пропаганду языкового религиозного, национального, расового, социального превосходства. Запрещается также злоупотреблять свободой массовой информации, то есть использовать средства массовой информации с целью совершения уголовно наказуемых деяний, разглашать охраняемую государством тайну посредством СМИ, распространять материалы террористической направленности, порнографические материалы, а также материалы, которые пропагандируют культ жестокости и насилия.

5. Свобода информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Данные положения гарантируют, что каждый человек вправе искать и получать, а также передавать, создавать и распространять информацию при условии, что для этих целей используются исключительно не запрещенные действующим законодательством способы и методы.

Рассматривая закрепленное в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ право личности на предоставление и распространение информации в контексте цифровизации и цифровой трансформации прежде всего отметим, что термины «предоставление» и «распространение» по отношению к цифровой информации необходимо разграничивать в зависимости от того, какой круг лиц получает к данной информации доступ. Предоставление информации осуществляется определенному лицу (конкретному человеку), тогда как распространение информации направлено на неограниченный круг лиц.

Так, в аспекте современных информационных (цифровых) прав, можно привести следующий пример: предоставлением информации является отправка электронного письма конкретному лицу по электронной почте или электронного сообщения в любом мессенджере, тогда как распространением информации будет публикация статьи или заметки в электронном издании.

Стоит отметить, что размещенная на сайте в сети Интернет информация может находиться и в режиме предоставления, и в режиме распространения. В частности, если для получения доступа к информации требуется регистрация и авторизация лица, имеющего определенный статус (например, полный доступ к информации на сайте

университета имеют студенты и преподаватели данного ВУЗа, а доступ возможен только после регистрации и авторизации), то это будет считаться предоставлением информации. По общему правилу предоставление цифровой информации осуществляется в порядке, определенном соглашением участвующих в информационном обмене лиц.

В свою очередь, если информация на сайте доступна в открытом доступе, и воспользоваться ей может неограниченный круг лиц — то это распространение. Поскольку распространение информации, в отличие от ее предоставления, направлено на существенно более широкий круг лиц, то именно сфера распространения цифровой информации требует детального правового регулирования.

Важно подчеркнуть, что к обороту цифровой информации в полной мере применяются общие требования, регламентированные действующим информационным законодательством, включая установленный запрет на «распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность» (ч. 6 ст. 10 федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] (далее — Закон об информации)).

Переходя к вопросу пределов ограничения информационных прав и свобод человека, в первую очередь следует отметить, что ни одно, даже самое демократическое общество, не может обойтись без правовых ограничений прав человека, так как этого требует сама организация жизни общества.

Одним из определяющих признаков ограничения права (свободы) является то, что это всегда установленный предел свободе индивида. Законодатель, предпринимая попытки установить данные границы, способствует организации совместного существования всех людей в обществе, основанном в первую очередь на принципах свободы.

При этом, понятие «ограничение» относительно информационных прав и свобод человека ни в коей мере нельзя отождествлять с понятием «умаления» данных прав и свобод. Ограничение прав человека, как правовая категория, проявляется во введении ряда мер, которые реализуются в соответствии с нормами действующего законодательства, принятого с целью исполнения предписаний конституционных положений. При этом, нарушение (умаление) прав человека проявляется в виде реализации отдельными субъектами права (физическими и юридическими лицами) противозаконных действий, которые, посредством не закрепленных в законодательстве способов и инструментов, направлены на сужение прав и свобод личности.

Допустимость ограничения прав и свобод человека и гражданина устанавливает и Конституция РФ. Так, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет принцип соразмерности, заключающийся в возможности ограничения прав

человека исключительно на основании норм и положений действующего федерального законодательства и исключительно в том объеме, в котором данное ограничение необходимо для защиты жизни и здоровья (физического и нравственного) человека, защиты конституционных основ государства, законных интересов общества, обеспечения безопасности страны и др.

Проведя анализ конституционных норм и положений относительно личных прав человека, приходим к выводу, что все права и свободы человека можно разделить на две группы:

- 1) права и свободы, которые не могут быть ограничены в соответствии с нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ;
- 2) права и свободы, которые могут быть ограничены в порядке ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Так, к первой группе (права и свободы, которые не могут быть ограничены в соответствии с порядком ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) относятся права и свободы человека, являющиеся относительно неограниченными.

Например, таким правом является право на личное достоинство и гуманное обращение (ст. 21 Конституции РФ), которое по общему правилу признано неограниченным (абсолютным) правом. Однако отдельные авторы приравнивают к научным или медицинским опытам проведение обязательной судебной экспертизы [15]. Так, к примеру, в отдельных, предусмотренных ст. 195–196 УПК РФ, случаях судебная экспертиза проводится в обязательном порядке без согласия потерпевшего, когда необходимо установить степень и характер причиненного здоровью человека вреда; физическое или психическое состояние потерпевшего, если возникли сомнения в его адекватности и вменяемости; возраст потерпевшего (а также обвиняемого или подозреваемого), если это имеет прямое отношение к рассматриваемым обстоятельствам дела. В данном контексте можно говорить о том, что право на личное достоинство ограничено законодателем.

Также условно неограниченным можно признать право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ). По общему принципу данное право не может быть ограничено, однако, согласно ч. 2 ст. 20 Конституции и ст. 44, 59 УК РФ в качестве исключительной меры наказания в России предусмотрена смертная казнь. В связи с тем, что с 1999 года по настоящее время на территории Российской Федерации введен мораторий на назначение, а соответственно и исполнение данного вида наказания, право на жизнь можно признать неограниченным (абсолютным) правом.

В свою очередь, среди информационных прав человека неограниченным является право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции РФ) и право на доступ к затрагивающей права и свободы человека информации (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ) в порядке ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничены также быть не могут, при этом сбор, распространение и использование конфиденциальной информации о частной жизни человека допускается исключительно с его согласия (ст.

3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5]). Также стоит отметить, что согласно ст. 6 Федерального закона «О персональных данных», при невозможности получения согласия человека возможна обработка его персональных данных, если это необходимо для защиты его жизни и здоровья, а также иных жизненно важных интересов.

Ко второй группе (права и свободы, которые могут быть ограничены в порядке ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) относятся остальные права, которые в случае введения на территории особых (чрезвычайный или военный) правовых режимов или при иных, установленных законом условиях, ограничиваются законодателем. Среди информационных прав к данной группе, например, относятся:

- 1) право на тайну переписки (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ), которое ограничивается законодателем в следующих случаях:
 - на основании решения суда (ст. 13 УПК РФ);
 - при введении на территории режима контртеррористической операции (ст. 11 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6]);
 - при введении на территории режима военного положения (ст. 7 ФКЗ «О военном положении»);
 - при проведении компетентными органами оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий (ст. 6 и 8 Закона об ОРД);
 - в исправительных учреждениях ФСИН, где со стороны администрации цензуре подвергаются получаемые и передаваемые осужденными письма и иная корреспонденция (ст. 91 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [3] (далее — УИК РФ)).

- 2) свобода мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) — прямо ограничивается положением ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, согласно которому на территории Российской Федерации запрещена любого рода агитация или пропаганда, так или иначе возбуждающая религиозную, национальную, расовую или социальную вражду и ненависть, а также в действующем законодательстве присутствует запрет на пропаганду языкового религиозного, национального, расового, социального превосходства. Также, например, ст. 24 Закона РФ «О государственной тайне», лицо, которое в силу своих должностных или служебных обязанностей было допущено к государственной тайне, временно может быть ограничено в праве на распространение каких-либо сведений, относящихся к такой тайне.

Таким образом, информационные права человека и гражданина, обеспечивающие свободу личности в информационном поле, составляют достаточно массивную группу прав человека. В частности, к ним относятся права на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, право на свободное получение и распространение информации, а также свободы слова, мысли, вероисповедания, совести.

Все права и свободы человека относительно их ограничения можно разделить на две группы: которые не могут быть ограничены в соответствии с нормой ч. 3 ст. 55 Конституции РФ (не ограничены законодательно) и которые могут быть ограничены в порядке ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. К первой группе относятся информационные права и свободы человека, являющиеся относительно неограниченными. На основе проведенного анализа выявлено, что к таким правам законодатель, в частности, относит право на неприкосновенность частной жизни и право на доступ к затрагивающей права и свободы человека информации. Ко второй группе относятся остальные информационные права, которые в случае введения на территории особых правовых режимов или при иных,

установленных законом условиях, ограничиваются законодателем в порядке ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

В заключении стоит отметить, что информационные права и свободы — это привилегии, являющиеся неотчуждаемыми и принадлежащими человеку независимо от наличия гражданства РФ, обеспечивающие охрану свободы, жизни и достоинства личности. По сути, это защита всех областей личной жизни (высказывания, записи, социальные связи, интимная жизнь, дневники, интересы, мысли) от неправомерного вмешательства государства и других лиц. Большинство этих привилегий имеют естественный характер и предоставляются всем членам российского общества, независимо от наличия или отсутствия гражданства РФ.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ, 13.01.1997, № 2, ст. 198
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 17.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4201
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448
6. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 27.06.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349
7. Федеральный закон от 26.09.1997 № 123-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ, 29.09.1997, № 39, ст. 4465
8. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ, 13.03.2006, № 10, ст. 1146
9. Федеральный закон от 14.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451
10. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О связи» // Собрание законодательства РФ, 14.07.2003, № 28, ст. 2455
11. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ, 10.03.1997, № 10, ст. 1127.
12. Указ Президента РФ от 31.12.1993 № 2334 (ред. от 01.09.2000) «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // Российская газета, № 4, 10.01.1994.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
14. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 1, 2004
15. Петровских, А. Д., Палий Л. В. К вопросу о конституционно-правовых ограничениях реализации права на свободу и личную неприкосновенность // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: сборник статей по материалам СХЛII международной научно-практической конференции. Москва, 2020. с. 61-68

Основные требования режима отбывания наказания в исправительных учреждениях

Решетова Елена Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье приводятся аспекты основных требований режима отбывания наказания в соответствии с отечественным законодательством; определяется роль режимных мероприятий, обеспечивающих отбывание наказания и достижение основной цели — исправления осужденного.

Ключевые слова: исправительное учреждение, закон, требования, осужденный, отбывание наказания, режим.

Уголовно-исполнительное законодательство при регулировании порядка и условий исполнения и отбывания лишения свободы использует понятие установленный порядок отбывания наказания, содержанием которого является реализация режимных требований, которые обращены и к администрации исправительного учреждения, и к осужденным, отбывающим наказание.

Одними из целей назначения уголовного наказания в Российской Федерации является исправление осужденного и недопущение совершения ими новых преступлений. Прежде всего, достижение указанных целей возможно за счет установления определенного режима содержания его в исправительном учреждении.

В соответствии со статьей 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ) под режимом понимается «установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания» [1].

Порядок отбывания лишения свободы призван обеспечивать реализацию следующих составляющих пенитенциарной системы: охрану осужденных; изоляцию осужденных от общества; осуществление постоянного надзора за осужденными; исполнение осужденными возложенных на них обязанностей; охрану прав осужденных и их законных интересов, в том числе личной безопасности; осуществление раздельного содержания осужденных в зависимости от их категории; соблюдение различных условий содержания в соответствии с назначенным судом видом исправительного учреждения; изменение условий отбывания наказания.

Следовательно, можно сказать, что режим отбывания наказания представляет собой первичное и основное средство воздействия на осужденного, изменения его мировосприятия, системы ценностей, поведения, отношения

к обществу, и по своей правовой сути является способом приведения деятельности исправительного учреждения к надлежащему и законному состоянию.

То есть требования режима включает в себя совокупность условий, в которых находится осужденный в исправительном учреждении, которые направлены на эффективную реализацию карательной и воспитательной цели назначения наказания.

Анализируя часть 1 статьи 82 УИК РФ можно выделить такие требования режима отбывания наказания в исправительных учреждениях, как:

- 1) обязательная изоляция осужденных и постоянный надзор за ними (дневной, ночной, на работе, в местах отдыха), с целью исключения возможности совершения ими новых преступлений или других антиобщественных поступков;
- 2) точное и неуклонное выполнение ими своих обязанностей;
- 3) реализация их прав и законных интересов;
- 4) обеспечение личной безопасности осужденных и персонала;
- 5) раздельное содержание разных категорий осужденных;
- 6) различные условия содержания в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности и поведения осужденного;
- 7) изменение условий отбывания наказаний.

Выполнение указанных требований обеспечивается соблюдением исправительным учреждением и осужденным Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04 июля 2022 года № 110 (далее — Правила).

Указанные Правила регламентируют внутренний распорядок исправительных учреждений при реализации предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством порядка и условий исполнения наказания в виде лишения свободы, обеспечения изоляции осужденных к лишению свободы, охраны их прав и законных интересов, исполнения ими своих обязанностей [2]. Кроме того, Правилами предусмотрен перечень вещей, запрещенных к владению и пользованию осужденными.

Правила формируют определенный жизненный уклад осужденного на протяжении всего периода исполнения наказания, а также определяет условия отбывания наказания в зависимости от того, какое исправительное учреждение было установлено приговором суда, и характеристиками осужденного.

Так, в соответствии со статьей 87 УИК РФ условия отбывания наказания подразделяются на обычные, облегченные и строгие, в отношении же осужденных, отбывающих наказания в тюрьмах, может быть установлен общий либо строгий вид режима. При этом одни условия отбывания наказания могут быть заменены другими на основании решения комиссии исправительного учреждения [1].

Следовательно, степень строгости режима отбывания наказания характеризует собой ограничение прав, которыми наделены осужденные, в части количества и вида свиданий, посылок и передач и т.п.; иными словами, именно посредством установления ограничений права реализуется карательная функция режима.

Следует отметить, что в рамках режима отбывания наказания и осужденные, и администрация исправительного учреждения и наделены определенными правами, и несут обязанности.

К числу таких прав и обязанностей можно отнести:

1. Проведение обыск осужденных и помещений, предназначенных для их проживания, а также досмотр личных вещей осужденных.

2. Проведение досмотра вещей и транспортных средств лиц, находящихся на территории исправительного учреждения, по результатам которых может быть принято решение об изъятии тех вещей и документов, которые признаются запрещенными в соответствии с нормами законодательства Российской Федерации и Правилами [3, с. 45].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что основные требования режима распространяются не только на осужденных, но и на любых лиц, которые каким-либо образом контактируют с осужденными, отбывающие уго-

ловное наказание в виде лишения свободы, или администрацией исправительного учреждения, тем самым отчетлива видна реализация требований уголовно-исполнительной системы к порядку и единообразию в исправительных учреждениях как к ключевым условиям достижения цели исправления осужденных.

В связи с чем также можно отметить, что отличительной чертой требований режима отбывания уголовного наказания является их согласованность.

Режим в качестве средства исправления и социализации осужденных призван сформировать у них уважительное отношение как к непосредственному окружению, так и к обществу в целом посредством соблюдения требований, установленных к нему, и условий отбывания уголовного наказания.

Также режим в рамках реализации воспитательной функции способен стимулировать осужденного соблюдать нормы законодательства и правила взаимодействия в гражданском обществе, поскольку нарушение предписаний и требований режима неизбежно повлечет за собой применение мер дисциплинарного воздействия со стороны администрации учреждения. В то же время стремление осужденных к смягчению режима посредством полного повиновения, добросовестного и надлежащего исполнения обязанностей, примерного корректного поведения, следует рассматривать в качестве оснований для различного рода поощрений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что установление императивных требований к порядку отбывания наказания является мерой обеспечения законности и эффективности его отбывания, в тоже время формализация взаимодействия осужденных друг с другом, а также с представителями администрации исправительного учреждения повышает прозрачность пенитенциарной системы в целом, позволяет своевременно выявлять и устранять случаи неповиновения и иные нарушения установленного порядка, что в итоге направлено на достижение основной цели системы — исправление осужденных.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 1997. — № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрирован 05.07.2022 № 69157) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения: 15.11.2022 г.)
3. Уголовно-исполнительное право/Под ред. И. В. Дворянкова. М.: Инфра-М, 2020.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 46 (441) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 30.11.2022. Дата выхода в свет: 07.12.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.